

Виталий Вавикин

ВЕНДАРИ

Книга вторая

Глава первая

Ясмин знала, что она не такая, как большинство людей вокруг. Она, ее брат по имени Шэдди, родители, их странные друзья, которые приезжают в гости снова и снова в этот затерявшийся среди снегов Аляски большой и холодный дом. Они улыбаются, обнимают друг друга, обмениваются сотней ничего не значащих фраз, затем садятся за большой овальный стол в холодной гостиной, стены которой выкрашены в желтый цвет. Деревянные стулья старые, оставшиеся от прошлых хозяев. Изогнутые спинки высокие. Ножки крепкие, покрыты лаком. Иногда они скрипят под тяжестью тел. Гости шумят. Ясмин слышит смех матери. Но ближе к ночи оживленные беседы стихают. Лишь дрова трещат, прогорая в камине. Гости молчат. Родители молчат. Брат молчит. Даже Ясмин молчит. Потому что им не нужны слова. В этом их особенность. Их отличие от нормальных людей.

Они видят мысли друг друга. Читают друг друга, словно открытую книгу. Прошлое, настоящее, будущее. Мечты, надежды, фантазии, желания. Особенно желания. И никаких запретов, никаких ограничений. Им нечего скрывать друг от друга. Они честны, обнажены, открыты. По-другому никак.

Когда-то давно Ясмин нравилась эта игра. Потом сознание потянулось к чему-то реальному, простому. Так в ее жизни появился Макс Бонер. Он не был красавцем Аполлоном и не был развратником Дионисом. Скорее что-то среднее из серой, безликой толпы вокруг. Он жил в пятнадцати минутах ходьбы от Ясмин, от ее большого дома с зеленой крышей и тремя деревьями с фасада по Чена стрит. Обычно они созывались с Максом вечером, выходили из своих домов и встречались возле колледжа «Принц Ульям Саунд Комьюни티». Встречались почти два месяца, проводя несколько часов вместе на улице, затем прощались, расходились по домам. Ясмин нравились эти встречи, пока Макс Бонер не начал приглашать ее к себе. Сначала ненавязчиво, затем все более и более настойчиво.

Его крохотная квартира находилась на Шоап-Лэйн — улице, где было всего четыре дома. Иногда ночью Ясмин приходила сюда. Макс спал. Она знала это, видела его мысли, сны. Иногда ей хотелось подняться на крыльцо и постучать в дверь. Особенно сильным это желание стало, когда к родителям снова приехали странные, надоевшие Ясмин гости. Их мысли плыли и плыли, проникая в мозг, наполняя его чужими фантазиями и высасывая ее собственные. Это было так, словно со всех, кто находится в доме, сняли кожу. И чувства обнажены. Мысли, воспоминания — все становится общим нерушимым монолитом... И невозможно противиться этому, игнорировать. Лишь только бежать.

Ясмин накинула на плечи куртку и выскочила на улицу. Амальгама мыслей в доме вздрогнула, потянулась за ней, но расстояние разорвало связь. Ясмин замерла, желая убедиться, что больше не слышит мысли родителей и гостей. Она не хотела идти к Максу, вернее убеждала себя, что не хочет, но ноги сами несли ее вперед по Мелс-Авеню, затем на Пионер-Драйв, мимо католической церкви, на крошечную Шоап-Лэйн. Ясмин поднялась на крыльцо дома Бонера. Его сны стали четкими, ясными. Сны о Ясмин. Фантазии, мечты, надежды.

— Да у меня даже нижнее белье не такое! — заворчала Ясмин, развернувшись и пошла прочь.

Она бродила по ночному Валдизу несколько часов. Ночь была холодной. Моросил дождь. Болезненно-желтая полная луна висела в небе, изредка выглядывая из-за туч. Дождь прекратился, уступив место редкому снегу. Мокрые волосы Ясмин замерзли, покрылись ледяной коркой. Тело начал бить озноб. Она вернулась в родительский дом. Гостиная была пуста. Ясмин не двигалась, долго стояла, прижавшись спиной к входной двери, прислушиваясь к далеким звукам, далеким мыслям, затем пересекла гостиную, открыла дверь в подвал. Лестница была крутоя и скрипучей.

Теперь осторожно спуститься, найти выключатель на стене. Свет тусклый, желтый. Пол залит бетоном. На деревянных стеллажах старые, пыльные вещи, оставшиеся от прошлых владельцев. Никто не потрудился их убрать. Даже банки просроченной на пару десятилетий тушенки. Но это не главное. Ясмин прошла мимо деревянных стеллажей, не замечая их. Ее цель была там, впереди. Тяжелая, железная дверь, которую установил отец — Эндрю Мэтокс, сразу, как купил этот дом, установил раньше, чем приобрел новую мебель, раньше, чем выбрал комнату для своих новорожденных детей. Стена, где находилась дверь, тоже была сделана Мэтоксом — крепкая, кирпичная. Ни один человек не сможет пройти за эту дверь, не имея ключа. Никто не сможет узнать тайну Мэтоксов, благодаря которой они способны жить целую вечность. Так, по крайней мере, говорила своим детям мать — Клео

Вудворт. Говорила так часто, что Ясмин уже ненавидела эти разговоры. И если ее брат Шэдди воспринимал это, как некий дар, некую возможность, то для Ясмин это начинало казаться чем-то отвратительным, не правильным.

Остановившись возле двери, она достала ключ, вставила в замочную скважину. Механизм замков жалобно скрипнул. Ясмин замерла. В тишине звук открывающейся двери казался неприлично громким. Действительно, ни один человек не сможет пробраться сюда. В эту каменную клетку. В эту тюрьму. Но тот, кто содержится здесь — не человек. Если потерять бдительность, то эта дверь не удержит его. Он вырвется и уничтожит своих мучителей.

— Гэврил? — тихо позвала Ясмин.

Никто не ответил. Найти еще один выключатель на стене. Свет в этой каменной келье яркий, белый. Мужчина. Бледный, худой. Он лежал на железной кровати без постельного белья. Только железо и кожаные ремни, которые фиксировали его тело.

— Не притворяйся спящим, — сказала узнику Ясмин. — Я знаю, что ты не спишь. Никогда не спишь. — Она подошла ближе.

Мужчина не двигался, не дышал. На столе рядом с кроватью лежала пара стеклянных шприцов, жгут. Чуть дальше, в холодильнике была донорская кровь. Ясмин знала это, видела, как ее отец покупает кровь в порту. Покупает для своего узника. Потом кормит его, чтобы узник продолжал находиться в сознании, продолжал жить.

— Почему ты не можешь просто умереть? — спросила Гэврила Ясмин, отчаянно ища признаки жизни на этом бледном, бескровном лице. — Твоя кровь меняет мою семью. Мне это не нравится. Не нравится, что происходит с ними. Не нравится, что они делают с тобой. — Ясмин выдержала паузу. — Если бы я знала, что ты просто уйдешь, исчезнешь, то отпустила бы тебя, но мне кажется, что как только у тебя появятся силы, ты убьешь нас всех. Или же я ошибаюсь? — Она подалась вперед, надеясь на ответ. — Скажи мне, Гэврил. — Тишина. — Значит, убьешь... — Ясмин шумно выдохнула, попятилась к выходу.

Никто не заметил этого странного ночного визита. Никто не узнал. Даже утром, несмотря на то, что все они могли читать мысли друг друга. Все кроме матери, у которой никогда не было этого дара, доставшегося Ясмин от отца. Гэврил изменил Клео, сделал сильнее. Ясмин знала это, чувствовала. Но спрятать от нее свои мысли и воспоминания она могла. С отцом было чуть сложнее, но Ясмин давно научилась подменять свои мысли, чтобы он видел только то, что она готова показать ему. Что касается Макса, то с ним всегда все было проще — обыкновенный парень, настоящий, как и его поцелуи. Совсем не то, что поцелуи тех, кто приезжал в дом Мэтоксов. Фантазии плыли и плыли, заходя так

далеко, как только позволяло воображение. И никаких запретов. Раз за разом, год за годом.

В какой-то момент Ясмин начало казаться, что так и должно быть, что это и есть жизнь, но потом, в школе, она познакомилась со своим первым парнем. Появились его объятия, поцелуи, и все изменилось. Прежняя жизнь стала казаться подделкой, бутафорией. Отец всегда говорил Ясмин и ее брату, что он не заставляет их быть особенными, продолжая его путь. Брату нравилась эта дорога. Шэдди боготворил отца за то, что ему удалось плениТЬ Гэврила. Но Ясмин с годами начала жалеть этого узника. Они не должны были так поступать с ним, не должны были так поступать с собой. Понимание этого приходило с каждым новым обычновенным человеком, которого она узнавала. Теперь самым обычновенным в ее жизни был Макс Бонер. И его простота нравилась и пугала Ясмин одновременно.

Что касается самого Макса Бонера, то странности Ясмин удивляли его и начинали раздражать. Для двадцати лет она вела себя странно, словно ей было не больше четырнадцати. Особенно все эти ужимки, отказы. Снова и снова.

— Не все так просто, — сказала ему Ясмин.

— По-моему, ты сама все усложняешь, — разозлился Макс Бонер. — Если я тебе не нравлюсь, то так и скажи, потому что...

— Нет, ты мне нравишься.

— Тогда пошли ко мне.

— К тебе? — Ясмин заглянула ему в глаза. — Ты только об этом можешь думать, да? — Она вспомнила фантазии, которые видела в его сознании. Грязные, громоздкие. Во время поцелуев, объятий. Даже сейчас. — Я же просила тебя не делать этого! — начала злиться Ясмин.

— Не делать что? — растерялся Макс.

— Ты знаешь. — Румянец залил ее щеки.

Если бы дома не было гостей, то Ясмин ушла бы к себе. Но сейчас идти было некуда. Все как-то накопилось, наполнилось, полилось через край. Ясмин не знала, что ее раздражает больше: узник в подвале, гости со своим молчанием и обменом мыслями или Макс с фантазиями и желаниями.

— Я ухожу, — сказала Ясмин, высвобождая свою руку из ладони Макса Бонера.

Вечер только начинался. Ветра не было, лишь небольшой мороз. Макс смотрел, как уходит Ясмин, и растерянно пытался понять, что сделал не так. Нет, он знал на что она обиделась, просто не мог принять подобную обиду.

— Что в этом плохого, черт возьми? — спросил он самого себя, но вместо обиды на поведение Ясмин появилось чувство вины. Он выждал пару часов и решил, что должен извиниться: пойти к ней и сказать, что был не прав.

Дверь открыла незнакомая женщина. На ее губах играла какая-то не-настоящая, вкрадчивая улыбка, словно у ребенка, который знает, что совершил проступок, но надеется, что его простят.

— Ты парень Ясмин? — спросила она, не успел Макс открыть рот. — Пришел, чтобы извиниться? Но ее сейчас нет. Мы думали, что она с тобой... Но вы поругались... — Женщина смотрела Максу в глаза, и от этого взгляда у него по спине начинали бегать муряшки. — О, не спрашивай, откуда я все это знаю! — сказала женщина. — Можешь считать, что это написано у тебя на лице.

— Ничего у меня не написано на лице, — выдавил из себя Макс. — По крайней мере не так много.

— Значит, я могу читать твои мысли. — Женщина хохотнула. — Да не бойся ты. Я не кусаюсь.

— Я не боюсь.

— Боишься. Вижу, что боишься.

— Вы ошибаетесь, — Макс поднял голову и распрямил плечи для убедительности. Женщина снова засмеялась.

— Что здесь происходит? — спросил отец Ясмин — Эндрю Мэтокс. Покинув гостиную, он направлялся к входной двери, на ходу пытаясь прикурить сигарету.

С порога Макс видел большой овальный стол и собравшихся за ним людей. Они о чем-то шумно спорили, но Максу казалось, что все их внимание приковано к нему и к этой странной женщине, которая играла с ним в какую-то понятную лишь ей одной игру.

— Ты парень моей дочери, верно? — спросил Эндрю Мэтокс Макса. Взгляд у отца Ясмин был таким же неприятным, как и у странной женщины.

— Мы поругались, и я пришел, чтобы извиниться... — начал было Макс, но тут же смущился, замолчал, потому что Эндрю Мэтокс жестом показал, что он все знает.

— Я же говорю, все написано на твоем лице! — сказала Максу странная женщина, широко улыбаясь. — И да, кстати, я — Фэй. — Она протянула ему руку.

— Макс Бонер.

— Конечно. Я знаю. Я ведь могу читать твои мысли. — И снова странная женщина улыбнулась.

— Ну, все. Перестань. Ты пугаешь его, — снисходительно сказал Эндрю Мэтокс.

— Никто меня не пугает, — настырно продолжил врат Макс.

— Конечно, — отец Ясмин говорил с ним, как с несмышленым ребенком. — Ты пришел, чтобы извиниться перед моей дочерью. Но ее сейчас нет. Наверное, она бродит по городу и обижается на тебя. — В

его взгляде появилась какая-то лисья хитрость. — И позволь дать тебе совет. Если хочешь затащить девушку в постель, подготовь ее к этому, а не зови сразу к себе домой.

— Откуда вы знаете? — Макс подумал, что Ясмин вернулась домой и рассказала обо всем родителям. Да. Тогда это многое объясняло. Он улыбнулся, обрадовавшись тому, что сумел разгадать этот фокус с угадыванием его мыслей.

— Ты ошибаешься, — неожиданно сухо сказала Фэй, эта странная женщина с колким взглядом. — Мы никогда не разговаривали с Ясмин о тебе. Много чести. Тем более твои мысли и фантазии действительно слишком вульгарные для нее.

— Ей двадцать... — Макс почувствовал, что краснеет.

— И что, думаешь, в двадцать девушка обязана уметь делать все то, о чем ты мечтаешь?

— Я не это хотел сказать...

— Неважно, что ты хотел сказать. Забыл? Я ведь могу читать твои мысли.

— Ну хватит! — вступил Эндрю Мэтокс, осторожно беря Фэй за локоть. — Мальчик и так уже испуган. Он все понял. Можешь считать свой урок законченным.

— Ничего он не понял, — фыркнула Фэй. — Загляни ему в мысли. Там ничего нет. Ясмин достойна кого-то получше.

— Ясмин может сама выбирать, — на лице Эндрю Мэтокса появилась примирительная улыбка. — Не стоит давить на нее. И уж тем более, не стоит давить на ее парня. Пусть разбираются сами. — Он повернулся к Максу. — Она все еще где-то в городе, молодой человек. Найди ее и извинись... И да, Фэй права, перестань представлять, как она исполняет для тебя всякие гадости. Мне неприятно это, как ее отцу.

Дверь закрылась. Макс не сразу понял, что остался один — просто стоял на крыльце и смотрел в пустоту, пытаясь собрать воедино разбежавшиеся мысли. «Что это было, черт возьми?» — думал он, медленно приходя в чувство. Он вернулся домой и до глубокой ночи убеждал себя, что это был просто какой-то извращенный, непонятный розыгрыш. О том, чтобы попытаться найти Ясмин Макс не думал. Хотелось ему это признавать или нет, но он был напуган. Напуган так сильно, что неосознанно запрещал себе думать о Ясмин, боясь что фантазии о ней придут помимо его воли. Фантазии, о которых узнает ее отец, взглянув ему в глаза. Нет, лучше уж забыть о ней, расстаться. Он простой парень, который живет в крошечном доме на такой же крошечной улице. У него нет хорошего образования, нет надежды на светлое будущее. Его молодость — это все, чем он может гордиться. Молодость, которую он не собирается тратить на всякие чокнутые семьи. Пусть найдут кого-то другого и издеваются над ним. А с него хватит...

Продолжая думать об этом, Макс уснул на диване перед телевизором. Его сон показал ему большой черный дом, где находились отец Ясмин и та странная женщина — Фэй. Они ходили за ним по пятам, в то время как он бродил по черному дому в поисках Ясмин. Фэй и Эндрю Мэтокс молчали, но Макс слышал их мысли. Они звучали у него в голове, словно эта странная парочка специально издевалась над ним. К тому же они думали о нем так, словно его и не было здесь.

— Может, хватит? — потерял терпение Макс.

Он обернулся, но за его спиной уже никого не было. Исчезли и голоса. От неожиданной тишины у Макса заложило уши. Казалось, что тишина стала осозаемой. Она давила на него. И не только тишина. Давила и тьма, стены. Особенно стены. Они сужались, заставляя его спешно искать выход из этого странного дома. Но выхода не было. Лишь лестницы, которые то круто уходили вверх, то резко устремлялись вниз. И Максу начинало казаться, что этому не будет конца, пока неожиданно перед ним не появилась дверь, за которой находилась большая черная комната.

Тьма медленно расступилась, обозначив силуэты у дальней стены. Мужчина и женщина. На женщине строгое черное платье. На мужчине черный костюм. Макс вздрогнул, узнав в незнакомце себя. Двойник прижался спиной к черной стене, а женщина стояла перед ним на коленях, положив руки на его бедра. Ее движения были плавными, ритмичными. Минута за минутой. «Это же Ясмин!» — понял Макс. Догадка парализовала мысли и тело. Время, казалось, замерло. Лишь только далеко-далеко раздавались шаги. Кто-то поднимался по лестнице. Макс слышал их голоса. Или не голоса — мысли? Это были отец Ясмин и Фэй. Они нашли его. Он чувствовал их злость, негодование.

— Ты не заберешь ее у нас, — сказал Максу Эндрю Мэтокс, и Макс понял, что отца Ясмин беспокоит вовсе не тот факт, что он увидел свою дочь на коленях перед другим женщиной. Его беспокоит, что она отвернулась от него, нашла себе кого-то другого.

— Я могу пробраться к нему в голову и сделать так, чтобы он забыл ее, — сказала Эндрю Мэтоксу Фэй.

— А как быть с Ясмин? — спросил он. — Разве мы сможем заставить ее забыть о нем?

— Тогда мы можем просто убить его. Посмотри, что он делает с ней.

— Но... — Макс с трудом поборол дрожь в голосе. — Но ведь это даже не я! — сказал он, но никто не услышал его.

— Сомневаюсь, что дело в нем. Если забрать его жизнь, она найдет кого-то другого, — говорил Эндрю Мэтокс. — Ей важен не этот мальчик. Ей важно, что она может любить кого-то не похожего на нас.

— Думаешь, она ненавидит свою семью?

— Думаю, она ненавидит то, какие мы.

Странная парочка вошла в темную комнату, остановилась рядом с Максом, наблюдая за Ясмин и мужчиной у дальней стены. Макс не хотел смотреть на то, что там происходит, но не мог отвернуться или захмуриться. Даже когда он проснулся, эта картина все еще стояла у него перед глазами.

Тяжело дыша, Макс поднялся с дивана. За окнами была ночь, из бездонной пасти которой кто-то звал его. Он мог поклясться, что слышит чей-то голос в своей голове. Знакомый голос.

— Ясмин? — недоверчиво спросил Макс, открывая входную дверь.

Она стояла на пороге. Замерзшая, растерянная.

— Кажется, ты приглашал меня в гости? — спросила она, стуча зубами и, не дожидаясь ответа, вошла в дом. В какой-то момент Максу показалось, что это еще один сон — такой неестественной была Ясмин. — Не бойся, ты не спиши, — сказала она, оглядывая его крохотную гостиную. — Хотя сон у тебя, кажется, был не менее странным. — Она встретилась с ним взглядом и улыбнулась. — Думаешь, этот сон мог появиться из-за моего отца?

— Причем тут твой отец? — ошеломленно спросил Макс, словно боксер тяжеловес, который пропустил сокрушительный удар и теперь плывет по рингу, отчаянно пытаясь удержаться на ногах. — Ты была дома, и они сказали тебе, что я приходил, чтобы извиниться?

— Нет. Я не была дома, но я знаю, что ты приходил.

— Ты следила за мной?

— Нет.

— Как же тогда ты узнала? — Макс попытался вспомнить, куда положил сигареты.

— Думаю, они в кармане твоей куртки, — помогла ему Ясмин.

— Что?

— Твои сигареты.

— Ах, сигареты...

— И перестань вспоминать свой сон. Мне это не нравится.

— Что не нравится?

— Видеть, как ты представляешь меня на коленях.

— Я не...

— Я вижу тебя насквозь, Макс.

— Но...

— Если хочешь, то вспоминай этот сон, когда мы не вместе. — Ясмин дождалась, когда Макс найдет сигареты, прикурит. — И кстати, — сказала она нарочито небрежно. — Я могу это делать лучше.

— Правда?

— Нет. Просто хотела, чтобы ты признался. — Она рассмеялась и повалилась на диван. — А сейчас, если не сложно, принеси мне чаш-

ку горячего чая. Я хочу согреться. Кажется, у тебя осталось немного эрл грэй.

— Откуда ты знаешь? — спросил Макс, но ответа дожидаться не стал. Голова и так шла кругом, а что-то подсказывало, что признаваться в розыгрыше никто не собирается. Поэтому оставалось идти на кухню и исполнять просьбу. — И что теперь? — спросил он, вернувшись с чашкой чая.

— Теперь? — Ясмин взяла у него чашку, сделала пару глотков. — Теперь ты обнимешь меня, и мы немного поспим.

— И все?

— А ты хочешь чего-то еще?

— Я имею в виду...

— Утром. — Ясмин поставила чашку с чаем на стол, зевнула. — Все объяснения утром.

Она поманила Макса к себе, и когда он обнял ее, закрыла глаза. Спустя пять минут она уснула. Макс слышал ее ровное, глубокое дыхание, но сам еще долго лежал с открытыми глазами.

Когда наступило утро, Ясмин ушла. Макс проснулся и долго не мог понять, приснилось ему все это, или же было на самом деле. Затем увидел на столе чашку с остывшим чаем, следы женской помады на золотистой кромке. В груди что-то неприятно вздрогнуло и взорвалось холодом. Макс тихо выругался, спешно закурил сигарету. Нет, он не хочет думать об этом или пытаться понять. Проще забыть, притвориться, что ничего не было... Но притвориться не получилось.

Холод в груди разрастался, заполнял сознание тревогой и любопытством, напоминая Максу далекие времена, когда он впервые начал встречаться с девушкой. Она была старше его на два года, и имела дурную репутацию, но именно эта репутация и привлекала Макса — прыщавого подростка, который собирался стать мужчиной. Друзья подначивали его и весело галдели. Он встречался со своей первой девушкой почти месяц, но так ничего и не получил от нее. Потом они расстались. Тогда ему было четырнадцать. Сейчас, почти десять лет спустя, он снова начал ощущать себя прыщавым подростком, который боится, но знает, что все равно сделает это, если выпадет шанс. Им движет любопытство. И холода в груди становится все больше и больше.

До позднего вечера Макс пытался бороться с любопытством, но в итоге оно победило. Он оделся и вышел из дома. Старая машина долго не заводилась, и Макс уже почти убедил себя сдаться, вернуться домой и лечь спать. Но в этот самый момент мотор заурчал, закряхтел, проснулся.

Макс сделал несколько кругов по крохотному городу, выбирая маршрут так, чтобы снова и снова проезжать мимо дома Мэтоксов. Дом

выглядел самым обыкновенным. Ничего особенного. Макс купил пару банок пива, пачку чипсов и наконец остановился на другой стороне улицы, напротив дома, где жила Ясмин. В нескольких окнах горел свет. Макс выпил банку пива, выкурил пару сигарет. Спать не хотелось, но и сидеть просто так возле дома казалось безумием. Открыть еще одну банку, убедить себя, что когда пиво кончится, можно вернуться домой. Но когда вторая банка оказалась пуста, Макс, вместо того, чтобы уехать, вышел из машины и направился к дому Мэтоксов. Алкоголь притупил тревогу. Макс обогнул дом, заглядывая в темные окна. Ничего. Никого. Все спят. Даже в гостиной свет не горит.

— Сомневаюсь, что ты найдешь здесь то, что ищешь, — услышал Макс женский голос за своей спиной. Он вздрогнул, резко обернулся, едва не упал, запутавшись в собственных ногах. — Не бойся. — Женщина улыбнулась. На вид ей было не больше тридцати, может быть меньше, но ночь невыгодно скрывала детали. — Нет, я не одна из гостей Мэтоксов, — сказала она, словно прочитав его мысли.

— Как... Как, черт возьми, вы проделываете это?

— Что проделываю? — На ее лице появилось изумление, затем понимание, как будто она действительно могла читать его мысли. — Ах, ты о том, что я могу видеть то, что у тебя в голове?

— Что за фокус?

— Никакого фокуса... Просто... — Женщина смотрела ему в глаза, оценивала его. Макс чувствовал это. Она словно изучала его мысли, пытаясь понять, как много можно ему сказать, насколько открыть свои карты. Макс растерялся, вдруг осознав, что думает обо всем этом — эти мысли казались чужими, не принадлежащими ему.

— Нет. Я не верю вам, — сказал Макс, найдя в своей голове мысль о том, что женщина, которая стояла сейчас напротив него, такая же, как родители Ясмин, как их гости, как сама Ясмин. — Все это просто какой-то...

— Розыгрыш? — закончила за него женщина по имени Мэйдд Нойдеккер. Макс нашел это имя в своей голове, как и прежние чужие мысли. — Так намного удобней знакомиться, Макс. Ты не находишь?

— Что, черт возьми, здесь происходит?

— Тебе нужна история в целом или только та часть, которая касается тебя?

— Я вас не понимаю... — Макс подумал, что, возможно, лучшим сейчас будет сбежать.

— Тоже выход, — согласилась с ним Мэйдд Нойдеккер. — Но разве ты сможешь забыть об этом? Тем более в таком маленьком городе?

— Я не знаю... — Макс попятился назад, снова споткнулся и чуть не упал. Женщина улыбнулась как-то грустно.

— Хочешь, я сделаю так, чтобы ты обо всем забыл? — неожиданно предложила она. Макс не ответил. Что-то холодное и липкое разрасталось в груди, заполняло сознание. — Мне не сложно это сделать, — сказала Мэйдд Нойдеккер. — По крайней мере для тебя. Твое сознание такое простое, такое чистое, словно оконное стекло. Нужно лишь смахнуть с него пыль последних дней.

— Я не хочу ничего забывать, — сказал Макс неожиданно дрогнувшим голосом.

— Потому что ты влюблен в Ясмин?

— Я не знаю... Нет... Не в этом дело... Просто...

— Ты влюблен, но напуган.

— А вы бы не были напуганы?

— О, я видела вещи и похуже, чем способность людей читать мысли других.

— Что за вещи?

— Ты действительно хочешь знать это?

— Я... Я не знаю.

— Знаешь, — на губах женщины появилась горькая улыбка. — Просто боишься признать, что напуган. Каждый на своем месте был бы напуган... Знаешь, что мы сделаем? — Она неожиданно повернулась к Максу спиной. — Сейчас ты вернешься в свой крохотный дом на такой же крохотной улице и ляжешь спать, а утром убедишь себя, что все это было сном.

— Я уже пробовал. Ничего не вышло.

— Значит, я помогу тебе. — Она снова смотрела на Макса.

— Поможете?

— Ну, да. Я же говорю, твое сознание как оконное стекло, с которого нужно смахнуть пыль.

— Но я не хочу все забыть.

— О, не волнуйся, я оставлю в память о себе договор о выполненных работах.

— Каких еще работах?

— По очистки твоего сознания от пыли, — на губах Мэйдд Нойдеккер появилась еще одна усталая улыбка. — К тому же я так и не нашла, где мне остановиться на ночь сегодня, — она заглянула Максу в глаза. — Я ведь могу занять твой диван в гостиной?

— Я не знаю. — В каком-то онемении он достал сигарету, прикурил. Ночь была тихой и безветренной, словно весь мир замер в растерянности. Мир Макса Бонера.

— Я уйду прежде, чем ты проснешься, — пообещала Мэйдд Нойдеккер. — И все это будет сном... Странным, незабываемым сном. — Она снова заглянула Максу в глаза. Он попытался выдержать этот взгляд, но почти сразу отвернулся, опустил голову.

— Ну, если вам негде ночевать... — буркнул он и направился к своей машине.

По дороге они молчали, словно происходящее действительно было странным сном. Максу начало казаться, что сейчас реальность начнет ломаться, погружая его в мир сюрреализма. Вот сейчас... Еще один поворот. Еще один перекресток. И... Он свернулся с Пионер-Драйв на Шоап-Лэйн, увидел свой дом, свернулся к гаражным воротам, подъемник которых давно был сломан, остановился, вышел из машины, удивляясь, что реальность все еще сохраняет стройность. В соседнем коттедже горел свет, и Макс слышал такие привычные звуки супружеской ссоры. Он поднялся по скрипучей лестнице к входной двери в свою квартиру над гаражом. Вторая половина этого коттеджа пустовала — старики умерли, а их дети не желали приезжать в этот крохотный город. Иногда ночами Макс слышал приглушенные голоса за тонкой стеной. Голоса из заброшенной половины дома.

— Думаю, это был просто ветер, — сказала Мэйдд Нойдеккер. — Или дождь затекал в прогнившую крышу.

— Да, я тоже так думаю, — согласился Макс, уже не удивляясь, что она снова узнала то, чего не могла знать.

Они вошли в дом. Макс предложил своей новой знакомой чашку чая.

— Эрл грэй, если остался, — сказала она.

Макс кивнул, ушел на кухню. Чайник долго не хотел закипать, и Макс крутил в руках пачку сигарет, решая, закурить или нет. Время тянулось медленно, неспешно, словно устало за свою многовековую историю. Когда Макс, заварив чай, выходил из кухни с двумя чашками в руках, ему снова показалось, что сейчас все это окажется сном. Но надежды снова остались лишь надеждами. Мэйдд Нойдеккер сидела на диване, поджав под себя ноги. Макс опять попытался определить ее возраст и опять не смог. Он подумал, что если она действительно может читать его мысли, то должна сказать, сколько ей лет, но странная гостья промолчала. Макс поставил на журнальный столик чашки с чаем, пододвинул стул, сел. Мэйдд Нойдеккер улыбнулась ему, поблагодарила за чай. Он кивнул, почему-то смущаясь, сделал пару глотков, закурил. Тишина нервировала, раздражала. Макс начал чувствовать непонятную неловкость из-за этой тишины.

— Знаете, когда-то в этом доме жило много людей, — сказал он, сам не понимая, зачем это говорит. — Я был тогда ребенком, но... но я помню это.

— Я знаю.

— Да... — Макс почувствовал, что краснеет, опустил голову. Рядом с его чашкой чая и чашкой странной гостьи стояла третья — чашка Ясмин, оставшаяся со вчерашней ночи. — Могу я спросить? — осторож-

но обратился он к Мэйдд Нойдеккер. — Как это работает? Я имею в виду чтение мыслей.

— Мне казалось, ты хочешь забыть об этом.

— Забыть можно будет после.

— Вот как? — Мэйдд Нойдеккер о чем-то задумалась на мгновение, затем неожиданно улыбнулась. — А ты и правда влюблен в эту девочку. Верно?

— Это плохо?

— Зависит от того, как далеко ты готов зайти ради нее.

— Думаете, ей нужна помощь?

— А ты думаешь, нет?

— Я... я не знаю. — Макс попытался снова выдержать тяжелый взгляд гостьи и снова отвернулся. Снова повисла тяжелая, давящая пауза.

— Хорошо. Давай поставим вопрос чуть иначе, — предложила Мэйдд Нойдеккер. — Если бы ты мог помочь Ясмин, ты бы стал помогать или прошел мимо?

— Наверное, стал...

— Но потом обо всем забыть уже не удастся.

— А нужно будет о многом забывать?

— Ты даже не представляешь.

— Ну тогда... — Макс неосознанно поежился. — Если честно, то я вообще не понимаю, что здесь происходит.

— Я вижу.

— Да... — Макс закурил еще одну сигарету. Руки дрожали, и он знал, что гостья видит это, но ему было плевать. Мир изменился. Все изменилось. Но Макс упустил эти перемены. Состав жизни уходил за горизонт, а он все еще стоял на перроне и не верил, что опоздал на этот поезд. — Что вы делали возле дома Мэтоксов? — тихо спросил Макс.

— Тоже, что и ты.

— Вы следили за ними?

— Не за ними. За их пленником.

— За пленником? — Максу показалось, что он ослышался.

— Нет, ты все правильно понял. — Мэйдд взяла у него сигарету, затянулась. — Все еще хочешь, чтобы я продолжала? — Она дождалась, когда Макс кивнет. — Они держат его в подвале. За железной дверью. Я видела это в воспоминаниях матери Ясмин. Если честно, то только в ее голову мне и удалось пробраться. Думаю, все дело в том, что она обычновенный человек. Лишь кровь их пленника позволяет ей сохранять молодость и держаться наравне с мужем и детьми. Скажи, тебе никогда не казалось странным, что мать Ясмин выглядит слишком молодо для своих лет?

— Может быть. Не знаю. Наверное, да... — Макс отмахнулся от попавшего в глаза дыма. — Но причем тут их пленник?

— Они пьют его кровь.

— Кровь? — Макс скривился, в очередной раз решив, что все это какой-то странный, извращенный розыгрыш.

— Их пленник не человек.

— Вот как? — Макс отчаянно пытался заставить себя рассмеяться.

Мэйдд Нойдеккер смотрела ему в глаза, но теперь он не собирался смущаться, не собирался отворачиваться. Не собирался, пока чужие мысли не хлынули в его мозг. На мгновение ему показалось, что его голова превратилась в воздушный шар, который надули слишком сильно, и он сейчас лопнет.

— Не сопротивляйся, — услышал он где-то далеко голос Мэйдд Нойдеккер.

Ее сознание заполнило его, но воспоминаний было так много, что он не мог ничего понять. Лишь смотрел на все эти безумно мчащиеся картинки, чувствуя, как тошнота подступает к горлу. Неожиданно мысли Мэйдд сменились мыслями матери Ясмин. Ощущение пространства окончательно стерлось. Макс пошатнулся, упал на пол, но не заметил этого. Чашка с недопитым чаем, которую он держал в руках, покатилась по полу. В ушах зазвенели знакомые голоса. Макс узнавал их медленно, подобно тому, как онемевшие конечности неспешно приходят в норму.

Один из голосов принадлежал Ясмин, второй ее отцу. Клео Вудворт, мать Ясмин, слышала их за спиной, спускаясь в подвал. Макс чувствовал запах ее духов, ощущал ее тело. На это недолгое мгновение он стал женщиной, но это не имело значения, потому что он перестал понимать кто он, кем был. Мир заполнили воспоминания Клео Вудворт. Вот она спускается по лестнице в подвал. Вот идет между пыльных стеллажей с давно просроченными консервами. Останавливается перед железной дверью. Механизмы замка скрипят. Рука тянется к выключателю. Яркий свет. Железная кровать. Неестественно бледный, худощавый мужчина. Глаза его закрыты. Ремни обвивают тело, прижимая к кровати. Стеклянный шприц в руках Клео Вудворт. Игла протыкает кожу на руке пленника. Поршень ползет вверх. Темно-красная кровь заполняет шприц. Это не человек, не пленник. Это просто сосуд. Так думает Клео Вудворт. Так думает мать Ясмин. Макс видит, как она сцеживает кровь в стакан. Желудок сжимается. Теперь выпить. Кровь заполняет рот. Сознание медленно возвращается. Макс чувствует это по мере того, как затухает в его голове сознание Клео Вудворт. Глаза открываются. Знакомая комната. Знакомый старый ковер.

— Твою мать! — заворчал Макс Бонер, пытаясь подняться.

— Теперь ты веришь, что Ясмин нужна помочь? — спросила Мэйдд Нойдеккер.

— Я видел только ее мать.

— Уверена, в воспоминаниях Ясмин можно найти нечто подобное. — Она прикурила сигарету и протянула Максу. — Теперь, если хочешь, я расскажу тебе, что за тварь они держат в подвале.

— Откуда ты знаешь обо всем этом?

— Моя мать служила ему до того, как он стал пленником этой семьи.

— Что значит служила? — Макс наклонился, чтобы поднять с пола пустую чашку.

Голова кружилась. Перед глазами плыли красные пятна. Голос Мэйдд Нойдеккер снова становился далеким, но на этот раз причиной были не чужие воспоминания. Нет. Причиной была слабость, словно что-то взорвалось в голове, словно лопнул какой-то сосуд. Он услышал, что Мэйдд Нойдеккер рассказывает о том, как ее мать доставала для Гэврила кровь простых людей. Макс хотел спросить зачем, но вместо этого выругался, почувствовав, что у него из носа течет кровь.

— Вот, возьми, — его новая знакомая протянула ему платок. Макс прижал его к носу, запрокинул голову.

— Так что там насчет твоей матери?

— Ее звали Сиджи Нойдеккер.

— Звали? Она умерла?

— Да.

— Сожалею.

— Не стоит.

— Ты не любила ее?

— Не в этом дело. Она прожила намного дольше, чем отпущено природой.

— Как Мэтоксы?

— Намного больше.

— Значит, она тоже пила кровь той твари?

— Да.

— А ты? Ты тоже пила эту кровь?

— Только в детстве, когда болела... Мать родила меня втайне от Гэврила. Не знаю, было для него это важно или нет, но она боялась его, прятала меня.

— А твой отец?

— Я никогда не знала его. Думаю, мать провела с ним ночь и больше никогда не встречалась. К тому же слуги не должны завязывать длительных отношений.

— Почему она не ушла от Гэврила?

— Это не так просто.

— Почему? Рабства нет уже много веков.

— А о таких, как Гэврил, вообще никто не знает, но, тем не менее, они есть. К тому же моя мать была так стара, что, думаю, она еще застала времена рабства. Знаю, что застала. Видела это. Знаешь, когда она была еще жива, мне иногда снились странные сны. Как воспоминания, понимаешь? Я видела мать. Ощущала себя в ее теле. Шла по улице Вены и ждала очередного клиента.

— Твоя мать была проституткой?

— Думаю, к тому дню, когда появилась я, она уже и сама не помнила об этом.

— Так может твои сны были всего лишь подростковыми фантазиями? Знаешь, мне и сейчас иногда снится, как я занимаюсь любовью с женщинами. Особенно в последние месяцы. Думаю, это нормально. Это наша природа.

— Я тоже так вначале думала. Надеялась, что это так. Но... Знаешь, семья, в которой я росла, была бедной и ничего не знала о моей матери. Кроме меня у них было еще трое детей. Мать платила им хорошие деньги за мое воспитание. Они были любезны со мной, но я видела их мысли. Их дети ненавидели меня, а приемные родители терпели лишь потому, что за меня хорошо платили. Я рассказала об этом матери. Она рассмеялась. Обидевшись, я сказала, что вижу не только мысли этой семьи, но и странные сны о Вене. Мать все еще улыбалась, но я уже знала, что эти сны, эти воспоминания о ее прежней жизни не были моей фантазией. Нет. Это была действительность... — Мэйдд Нойдеккер замолчала. Взгляд у нее стал отсутствующим, устремленным в далекое прошлое.

— Твоя мать тоже умела читать чужие мысли? — спросил Макс. Мэйдд долго молчала и только после того, как Макс позвал ее по имени, качнула головой. — Значит, особенным был твой отец?

— Причем тут мой отец?

— Ну не знаю. Мне, например, от отца досталось родимое пятно на груди. Я, конечно, понимаю, родимое пятно — это не то же, что читать чужие мысли, но...

— Сомневаюсь, что дело в моем отце. Полагаю, виной всему кровь Гэврила, которую пила моя мать.

— Думаешь, кто-то из родителей Мэтокса тоже был слугой?

— Я не знаю. — Мэйдд отрешенно прикурила сигарету. Взгляд ее все еще был затуманен воспоминаниями. — Если это так, то надеюсь, он не видел ничего подобного тому, что видела я. Иногда мне начинало казаться, что настанет день, я проснусь, а в моей голове будет по-прежнему сознание моей матери, которая бродила ночами по улицам старой Вены, продавая свое тело.

— Но ведь этого не случилось.

— Верно. Не случилось. Она умерла, и сны умерли вместе с ней.

— Сказал бы, что все не так плохо, но как-то язык не поворачивается.

— Потому что умерла моя мать?

— Ну, да.

— Здесь тоже не все так просто... Понимаешь, когда ушли одни сны, их место заняли другие. И сейчас я думаю, что быть шлюхой в Вене не так уж плохо.

— Что может быть хуже?

— Гэврил. Эта тварь снится мне каждую ночь. Снится с тех самых пор, как умерла моя мать. Он приходит ко мне и рассказывает о своем древнем роде, о своей жизни. Ты знаешь, оказывается, у этих тварей нет женщин. Они убили их много тысячелетий назад, потому что боялись, что им не хватит пищи, чтобы прокормить свое потомство. Им не хватит нас — людей, понимаешь. Об этом говорит мне Гэврил, а потом берет меня, как женщину, потому что, по его словам, я похожа на последнюю самку их чертового рода. Не знаю, можно ли назвать это сексом, скорее нечто омерзительное, нечеловеческое, особенно все эти разговоры о потомстве... — Мэйдд Найдеккер замолчала, и Макс подумал, что сейчас она вновь погрузится в воспоминания, но вместо этого она начала рассказывать о мужчинах, с которыми встречалась. — ...Правда не долго. Их пугали мои сны, мои ночные крики. Они хотели объяснений, а когда я пыталась быть честной, пугались еще больше, считали меня сумасшедшей. Знаешь, я ведь ходила на прием к психотерапевту, чтобы он выписал какие-нибудь пилюли, и я могла не видеть сны, но... Но Гэврил звал меня. Звал каждую ночь. И я не могла думать ни о чем другом, кроме этого. Да и сложно наладить стабильные отношения с мужчиной, когда каждую ночь тебя насилиует уродливая тварь, который тысячи лет. Сначала ты борешься, сопротивляешься изо всех сил. Но силы покидают тебя, и однажды приходит понимание, что ты просто лежишь под этим монстром и смиленно принимаешь свою судьбу. Боюсь даже подумать, что будет потом. Я полюблю Гэврила? Начну получать удовольствие от этого? Нет. Проще убить себя. Клянусь. Я пыталась. Сначала хотела перерезать себе вены, потом спрыгнуть с моста, но каждый раз желание жить побеждало. Поэтому я решила убить Гэврила. Не знала как, но это было лучше, чем пытаться убить себя.

— И что ты собираешься делать сейчас? — спросил Макс Бонер. — Что ты собираешься делать, узнав что твой мучитель сам превратился в жертву?

— Ты думаешь, пара десятилетий плена что-то значат для существа, которое старо, как мир?

— Я не знаю.

— Я знаю. Мои сны знают. Эта тварь — хищник, охотник. А мы для него лишь пища. И то, что Мэтокс сумел пленить его, ничего не значит.

Рано или поздно оно вырвется и заставит своих мучителей заплатить за годы плена. Хотя, думаю, это уже происходит. Его кровь меняет Мэтоксов. Нужно лишь время, и в конечном итоге они из хозяев превратятся в рабов.

— Значит, нужно убить его.

— Боюсь, убить эту тварь будет еще сложнее, чем найти.

— Ты можешь поговорить с Мэтоксами, рассказать им то, что рассказала мне.

— Сомневаюсь, что они поймут. А если и поймут, то что они смогут сделать? Мать говорила, что убить эту тварь может лишь другая такая же тварь. Не знаю, как это происходит, но...

— Так значит таких, как Гэврил, много? — Макс почувствовал, что ему не хватает воздуха.

— Налей себе выпить. Иногда это помогает, — сказала Мэйдд Нойдеккер. Макс кивнул, достал из холодильника пиво. — Лучше возьми что-нибудь покрепче, — посоветовала Мэйдд.

— Нет ничего крепче. — Макс открыл бутылку, сделал несколько жадных глотков. Пиво показалось ему каким-то слишком холодным и слишком горьким.

— Еще не передумал спасать Ясмин? — осторожно спросила Мэйдд.

— Спасать? Но как? Разве ты сама только что не сказала, что мы не можем убить эту тварь?

— Когда я была ребенком, мать часто водила меня на балет. Там была одна женщина, Саша Вайнэр. Они были знакомы с моей матерью еще с тех времен, когда жили в Вене. Жили много веков назад. Понимаешь?

— Ты думаешь, та балерина тоже слуга?

— Нет. Слуги не ведут общественную жизнь. Но она знала мою мать, знала ее хозяина. И она уже давно прожила на земле больше отмеренного ей срока.

— А если это ничего не даст?

— У тебя есть идея получше?

— Я не знаю... — Макс снова почувствовал, как голова начинает идти кругом. — Просто для меня все это слишком круто. Особенно так сразу. Понимаешь?

— Думаешь о том, чтобы сбежать? А что потом? Что будет, когда я уеду? Вернешься сюда и притворишься, что ничего не случилось?

— Я не знаю... — Макс заглянул на дно пустой бутылки в своей руке. — Пожалуй, мне нужно еще выпить. — Он открыл холодильник, увидел, что пива больше нет, выругался, ждал какое-то время, что его новая знакомая что-то скажет, затем снова выругался, сказал, что привнесет ей чистое постельное белье.

— Я все еще могу уйти рано утром, пока ты спишь, — сказала Мэйдд, когда он вернулся из спальни. Макс долго смотрел на нее, затем качнул головой. — Макс! — позвала она, когда он, забрав сигареты, хотел оставить ее одну в гостиной. — Ты не мог бы остаться со мной? — на ее губах появилась неловкая улыбка. — Этот старый диван достаточно большой, а мои сны, когда Гэврил рядом, такие ясные, что...

— Хочешь, чтобы я разбудил тебя, как только тебе приснится кошмар?

— Если тебе не сложно.

— Не сложно.

Макс закурил еще одну сигарету, сел на стул и долго смотрел, как Мэйдд неловко застилает диван. Потом она позвала его к себе.

Глава вторая

1902 год. Вена. Четырнадцатая выставка Сецессиона.

Саша Вайнер приехала сюда только для того, чтобы увидеть свою скульптуру. Полотно пассажирской железной дороги тянулось вдоль русла реки Вены. Саша Вайнер никуда не спешила. Для нее этот день должен был стать хорошим отдохнем. Легкое волнение, которое появилось, когда она увидела созданное из каменных параллелепипедов здание, было приятным, почти желанным. Саша остановилась, запрокинула голову. Центральный шестигранник здания был увенчан позолоченным куполом. Орнамент фасада переливался желтыми лавровыми листами. Чуть выше, на фронтоне, находилась надпись: «Каждому времени — свое искусство, каждому искусству — своя свобода».

Саша Вайнер прочитала эту надпись вслух, но думать о том, что хотел этим сказать художественный критик Людвиг Хевеши, у нее не было ни малейшего желания. Ведь если фраза эта находится над главным входом в венский дом Сецессиона, значит она важна, а понять художников или скульпторов порой бывает очень сложно. Для этого нужно время и много головной боли, прежде чем удастся проникнуться их видением мира. По крайней мере, именно таким был художник, с которым она познакомилась в Париже во время летних гастролей ее балетной труппы.

Он представился как Эдгар Дега и без лишних прелюдий предложил неплохие деньги за возможность нарисовать ее. На вид ему было далеко за шестьдесят, и он очень плохо видел. Когда они пришли в его мастерскую, Саша удивилась, что картина, которую он собирается создать, будет сделана углем.

— Это лишь набросок, — пояснил художник.

— Хорошо, — сказала Саша Вайнер. — Что мне теперь делать?

— Просто двигайся. Делай то, что ты делала вчера на сцене, но не забывай, что это жизнь.

— Не знаю, смогу ли я, — призналась Саша.

Она долго смущалась и не могла раскрепоститься, пока художник не попросил ее раздеться. Тогда все встало на свои места. Саша подумала, что в конечном счете удастся заработать на пару хороших платьев и дорогое украшение, потому что деньги у этого художника явно водились, но все закончилось лишь рисунками. Теряющие зоркость глаза художника цепко следили за ней, изучали ее, но...

Когда Саша уходила он пообещал ей, что сделает скульптуру из воска, которую его друг переведет в бронзу.

— Возможно, ее выставят в твоем городе, — сказал он.

Поэтому Саша Вайнэр и шла сейчас на четырнадцатую выставку венского Сецессиона. Она уже не помнила лица увядшего французского художника, но о его обещании не забыла. К тому же были еще подруги, которые смеялись и говорили, что у нее плохой французский, и она что-то напутала. Саша не признавалась, но именно из-за них она шла на выставку одна. Нужно убедиться, что художник сдержал обещание, и только потом звать подруг.

Внутри Дома Сецессиона было людно и шумно, несмотря на то, что посетители говорили в полголоса. Большинство людей толпились возле статуи Бетховена работы Макса Клингера, которая была расположена в центре выставки. Саша Вайнэр старалась держаться подальше от этого сборища, понимая, что там ее скульптуры точно не может быть. Она неспешно бродила вдоль выставленных работ менее известных художников, ища в чертах каждого женского лица статуи или картины свои собственные. Но не было ни картины, ни скульптуры похожей на нее.

— Ох, уж эти художники! — проворчала Саша Вайнэр, давая себе зарок никогда больше не доверять людям подобной профессии, но не прошло и месяца, как она снова после выступления ехала в экипаже в художественную мастерскую.

Мужчина, предложивший ей пятьсот марок за ночь вдвоем, был так очарован ее выступлением, что его плата вкупе с тщеславием Саши не позволили ей отказаться. В его мастерской было тихо и пахло воском. Полумрак сгущал тени, оживляя их.

— Вы тоже плохо видите, Клодиу? — спросила художника Саша Вайнэр.

— Почему ты так решила? — голос у него был мягким, глубоким.

— В Париже я знала одного художника... Кажется, его звали Дега... Так вот у него были проблемы со зрением...

— И он тоже работал в темноте?

— Наоборот. Я просто подумала, что... — Саша растерянно огляделась. — Не знаю даже, что я подумала...

— Наверное, просто хотела сказать, что уже работала натурщицей.

— Да. Наверное... Но Дега просто смотрел.

— Тебе нравится, когда на тебя смотрят?

— Я не о том...

— Я понимаю. — Художник подошел к ней, прикоснулся к ее щеке. У него были холодные словно лед руки. Саша вздрогнула. — Что-то не так?

— Я не знаю... — она вглядывалась в его темные глаза. — Я думала... Мне казалось, что вы сначала нарисуете меня, а уже потом...

— Как балерина ты мне нравишься больше, чем как натурщица.

— Вот как?

— У тебя настоящий дар, — тонкие, аристократичные пальцы Клодиу скользили по ее лицу. — Ты должна танцевать. Обязана танцевать. Целую вечность. — Он отвел ее к кровати. Саша не сопротивлялась. — Это тело не должно стареть, — шептал Клодиу, снимая с нее одежду.

Кто-то третий погасил свет. Саша слышала шаги незнакомца и думала, что, возможно, заработать пятьсот марок окажется сложнее, чем она планировала.

— Не бойся, в эту ночь ты будешь принадлежать только мне, — пообещал Клодиу, укладывая ее на спину. Саше показалось, что она увидала, как блеснули в темноте его глаза. Вернее, не глаза, нет. Блеснуло все его лицо.

— Что это было? — насторожилась она. Клодиу не ответил. Лишь в тишине было слышно, как трещит по швам его одежда. — Что за... — Саша попыталась выбраться из-под него.

— Не сопротивляйся, — попросил Клодиу. — Я не хочу калечить это идеальное тело.

— Не хочешь калечить? — Сердце в груди Саши замерло, почти остановилось.

— Тебе не будет больно, — сказал Клодиу, и его лицо снова блеснуло, изменилось. Передняя челюсть художника вытянулась, появились тонкие иглы. Саша с трудом сдержала крик, задрожала, когда навалившееся на нее существо прокусило ей вену на шее. Одновременно с этим что-то холодное и бесцеремонно наглое ожило у существа ниже пояса. Саша чувствовала, как это змееподобное существо мечется у нее между ног, пытаясь найти желанный вход.

— Господи! — ахнула она, когда что-то тонкое и бесконечно длинное начало заполнять ее тело.

Навалившееся на нее существо вожделенно задрожало. Задрожала и Саша, но от отвращения. Сейчас она больше всего хотела отключиться, потерять сознание. Она зажмурилась и перестала дышать. «Пожалуйста, пусть наступит темнота. Пусть наступит темнота», — молилась она, но сознание настырно цеплялось за реальность. Сознание, в котором предательски появилась мысль, что это, возможно, последние мгнове-

ния жизни. Она умрет, как только Клодиу удовлетворит свое желание. А может быть, и раньше...

Но Саша не умерла. И не потеряла сознание. Клодиу поднялся с кровати, отошел к окну. Он снова был человеком. Саша видела его худое, бледное тело.

— У меня все еще течет кровь, — сказала она художнику, прижимая ладонь к прокусенной шее.

— Это можно исправить. — Клодиу прокусил себе руку. Кровь заструилась в бокал. — Вот, выпей это, — сказал он. Саша покачала головой. — Тогда ты умрешь. Ты хочешь умереть?

— Нет.

— Значит, пей, — теперь вожделение в голосе художника уступило место усталости. Саша расценила это как угрозу, взяла бокал. Руки у нее тряслись. Запах крови заставил желудок сжаться. Сашу чуть не вырвало, но она выпила кровь своего мучителя.

Он отпустил ее ранним утром, овладев еще как минимум трижды ее телом — она не помнила точно, не считала. Экипаж вез ее домой, а Саша все еще не верила, что пережила эту ночь. Ноги были ватными и непослушными. Все тело было слабым, уставшим, словно она выступала всю ночь на сцене. В фойе отеля где жила, Саша едва не потеряла сознание. Мальчик паж спешно подставил ей свое плечо, помог добраться до лифта.

Саше казалось, что стоит только лечь на кровать и мир, а вместе с ним и безумная ночь канут в небытие сна, но она еще долго не могла заснуть. Страх отступил, оставив опустошенность. Саша лежала на спине и смотрела за окно, где начинался неестественно алый рассвет. Затем, незаметно, пришел сон, который длился, как показалось Саше, не больше пары минут, но когда она открыла глаза, был уже поздний вечер. Усталость не прошла, но спать больше не хотелось.

Саша заставила себя подняться, разделилась, приняла ванну. Шрамов от укусов Клодиу не осталось. Она помнила, как его кровь исцеляла ее снова и снова, но отказывалась в это верить. Помнила она и о черных тенях, которые оживали в мастерской в минуты, когда Клодиу отдыхал. Тени ползли к его ногам...

Саша позвонила в фойе, попросила прислать бутылку хорошего вина, но так и не сделала ни одного глотка, когда заказ был выполнен. Репетиции в театре должны были начаться через три дня, и Саша надеялась, что к тому времени удастся собраться, забыть то, что случилось. Ночью ей так и не удалось заснуть. Лишь ближе к утру пришла неспокойная дремота. Так Саша пролежала до обеда. Пустой желудок урчал, требуя пищи. Теперь одеться, пообедать. Остаток дня Саша провела, делая покупки, надеясь, что это поможет отвлечься.

Позже она вернулась к репетициям. Иногда, ночью, воспоминания наваливались на нее, но с этим можно было жить. Спустя месяц состоялась премьера их нового балета, который не имел успеха. На третий вечер выступлений даже их самовлюбленный хореограф признал провал. Людей в зале становилось все меньше. Запланированные двенадцать выступлений в Вене были сокращены до пяти, а о турне не шло теперь и речи. На последней премьере зал был почти пуст. Выступление задержалось на четверть часа из-за спора труппы о том, выступать им вообще сегодня или нет. В итоге все решили, что это будет их последний выход. Выступление оказалось таким вялым и неживым, что под конец не было аплодисментов. Однако кто-то прислал цветы. Цветы для Саши. Цветы от Клодиу.

— Что с тобой? — спросил хореограф, встревоженный видом ее побледневшего лица.

Саша покачала головой, закрылась в свободной гримерке. «Неудачи проходят. Постановки меняются. Ты должна танцевать вечность», — писал Клодиу в записке. К записке на безумно дорогой бумаге прилагался подарок. Саша смотрела на расшитую золотыми нитями коробку и не решалась открыть ее. Что там? Украшение? Она уговаривала себя выбросить это, но что-то сдерживало ее. Как те пятьсот марок, которые она получила за ночь с Клодиу.

— Да ну к черту! — Саша сорвала с коробки пломбу.

На красном бархате лежал крохотный флакон. Саша на мгновение подумала, что это какие-то очень дорогие духи, но потом прочитала еще одну записку. Все тем же ровным почерком Клодиу говорил ей о своей крови и о бессмертии, которое она может подарить.

— Господи. — Саша уронила подарок.

Флакон с кровью Клодиу звякнул, ударившись о пол. Хрупкое стекло разбилось. Саша выругалась, начала собирать осколки, порезалась, снова выругалась, зажала порезанный палец, пытаясь остановить кровь. Рана была глубокой, уродливой, но плоть уже начинала затягиваться.

— Как это? — Саша растерянно наблюдала за дивными метаморфозами, забыв дышать. Кровь застучала в ушах, глаза начали слезиться.

Кто-то постучал в дверь, спросил Сашу, все ли у нее в порядке. Она не ответила.

— Следующая постановка будет обязательно удачной, — пообещал ей кто-то далекий и нереальный, решив, что она переживает из-за провала.

Саша промолчала. Порез окончательно затянулся. Не осталось и шрама. Саша вспомнила, что нужно дышать. Она все еще сидела на полу, цветы Клодиу благоухали. Она чувствовала букет ароматов. Реальность медленно возвращалась. Подняться на ноги, взять цветы, переодеться, вернуться домой, забыть обо всем... Но забыть не получилось.

Сначала Саша поняла, что не может больше встречаться с мужчинами, потому что, как только дело доходит до постели, внутри что-то надламывается, вскрикивает. Потом, почти полгода спустя пришел новый подарок от Клодиу. «Значит, он наблюдает за мной. Посещает мои представления», — думала Саша, разглядывая стеклянный флакон с кровью. «Ты должна танцевать вечность», — звенели у нее в голове далекие слова Клодиу. На какое-то мгновение Саша подумала, что эта кровь ничуть не хуже тех денег, которые она иногда получает от мужчин. Но если эта кровь действительно может продлить молодость...

При мысли об этом кожа покрылась мурашками. «Нет, этого не может быть», — сказала себе она, но тут же вспомнила ночь с Клодиу. Разве такая ночь тоже возможна? Нет. К тому же она уже пила эту кровь — когда прокущенные Клодиу вены не желали прекращать кровоточить. Тогда раны затягивались в мгновение ока. Как затянулся порез на пальце, когда кровь пришла в прошлый раз. Саша не пила ее, но знала, что когда порезалась, кровь Клодиу попала в рану. И пусть в бессмертие она не верила, но, может быть, эта кровь сможет исцелить от преследовавших в последние месяцы растяжений?

Она открыла стеклянный флакон и заставила себя сделать небольшой глоток. От отвращения ее едва не вырвало. Голова закружилась. Но боль в суставах, кажется, действительно начала отступать. Саша зажмурилась и выпила оставшуюся во флаконе кровь.

Когда она очнулась, была уже ночь. Если не считать сторожа, то театр был пуст.

— А мы думали, вы ушли одной из первых, — сказал старик, загремел цепями, открывая входные двери.

Ночной воздух трезвил, прогоняя ощущение, что все происходит во сне.

— Будь я проклята, но это действительно работает! — бормотала Саша, буквально порхая по ночной улице в поисках экипажа.

Тело было легким и воздушным. Казалось, еще немного — и она сможет летать. Не было ни боли, ни усталости. Она могла танцевать всю ночь. Хотела танцевать. Перестал болеть и позвоночник, который неустанно беспокоил последние пять лет.

— Кажется, это настоящее чудо, — сказал на следующий день врач. Он осматривал Сашу больше часа, но так не нашел и намека на межпозвоночную грыжу, которая грозила ей в ближайшие годы уходом из балета. — Просто чудо, — снова сказал врач. Саша повисла у него на шее и поцеловала в заросшую седой щетиной щеку.

Следующие месяцы она не ходила — летала над землей. Даже на репетициях, которые начались спустя неделю после провала предыдуще-

го представления. Все шептались о том, что их ждет очередная неудача, а Саша лишь смеялась и хотела танцевать, танцевать, танцевать.

В день премьеры она пыталась отыскать в первых рядах Клодиу. Нет, она все еще боялась его, все еще не могла после проведенной с ним ночи иметь близость с мужчинами, но она была благодарна ему. Эти чувства смешивались в ней, рождая новое, прежде незнакомое чувство. Чтобы описать это, Саша так и не смогла подобрать нужных слов. Оставалось лишь танцевать и пытаться отыскать взглядом своего добротеля и своего мучителя в одном лице. Но его не было. Не было и цветов от него. Десятки букетов, но ни одного от Клодиу.

О Саше Вайнер написали в газетах. Пресса назвала ее жемчужиной, а Йозеф Байер пожелал лично встретиться с ней и предложил перебраться в труппу Венского Придворного Театра, которую возглавлял балетмейстер Йозеф Хасрайтер, получивший признание после постановки «Феи кукол». Сейчас он планировал поставить «Маленький мир», обещая отдать одну из главных ролей Саше Вайнер.

Она была счастлива, она с трудом сдерживала эмоции, но легкость, благодаря которой она взлетела так высоко, таяла, словно снег под теплыми лучами весеннего солнца. Сначала стала появляться усталость после изнурительных репетиций, затем заныли суставы и сухожилия. И наконец вернулась старая балетная травма позвоночника. Ее седовласый врач, который еще недавно говорил о чудесном исцелении, сейчас лишь тяжело вздохнул и разводил руками.

— Как только поправитесь, сразу приходите, — сказал балетмейстер.

Но все знали, в двадцать семь от таких травм не оправляются. Зенит прошел, и теперь оставалось принять неизбежный закат. Знала это и Саша. Видела, как уходят великие балерины, которые выступали до нее, и знала, что уйдут те, кто будут после. Она вернулась в свою прежнюю труппу, спустилась с олимпа к изножью горы.

Хозяин театра, где они ставили, как говорили многие знатоки, очередную провальную постановку, принял Сашу лишь потому, что она нравилась ему как женщина. Он не давал ей прохода, заваливал цветами, словно собирался жениться на ней, хотя у самого была жена и трое детей. Подруги Саши хихикали и говорили, что лучше бы он просто предложил двести марок за ночь, а не распылялся на все эти нежности, тем более что цветы не стоят и доли от этой суммы.

— Скорее всего, ему просто жалко денег, — говорили они и тут же с сочувствием добавляли, что уступить рано или поздно все равно придется. Кто-то не то в шутку, не то всерьез посоветовал оставить этот козырь на случай провала нового представления. — Тогда, может быть, нас не разгонят и дадут еще один шанс.

Саша не спорила, пока не настал день премьеры, и стало ясно, что постановка действительно провалилась. Нет, она не дорожила своей честью. По крайней мере не такой честью, которую берегут девушки, мечтающие о замужестве. Ее мечтой был балет. И только эту честь она берегла — честь балерины, а не женщины. Ее больше заботила сама близость с хозяином театра. Близость с мужчиной, которой у нее не было уже больше года. Казалось, что ночь с Клодиу что-то надломила в ней, оборвала, изменила. Клодиу помог ей стать хорошей балериной, но как женщина она почти умерла. Умерла для себя. Но... Но день провала наступил, и теперь надлежало разыграть тот единственный козырь, что был у труппы. Саша и не пыталась скрыть свой торг — просто сказала хозяину театра, что она уступит его желаниям, если он даст ей и ее труппе еще один шанс.

— Для тебя все, что угодно, — сказал он и попытался получить аванс прямо в гримерке.

Саша не сопротивлялась, но и подыграть ему в его страсти, как делала это прежде с другими мужчинами, не могла. Память настырно рисовала картины проведенной с Клодиу ночи. Ночи с монстром. Отвращение было таким сильным, что Саша с трудом сдерживала рвотные позывы, пока не вспомнила гениталии Клодиу. Точнее — не гениталии, а тонкую, холодную змею, которая пробралась в ее тело и свернулась там, заполнив все без остатка. Сейчас эта змея пыталась снова пробраться в нее. И не важно, что хозяин театра был обычным человеком — отвращение было слишком сильным. Сашу вырвало прямо ему в лицо. Безупречный фрак был безнадежно испорчен. Кусочки пищи запутались в густых выьющихся волосах хозяина театра. Тошнотворный запах побуждал к новым приступам рвоты. И это зрелище усиливало отвращение Саши, заставляя желудок снова сжиматься.

— Я не могу. Не могу так. Не хочу. Пожалуйста, уходите! — взмолилась она.

Сыпля проклятиями, он подчинился, вышел, громко хлопнув за собой дверью. И мир, казалось, рухнул. Их выгонят из театра. У них не будет второго шанса. Но именно в тот момент Саша и заметила новый букет от Клодиу. Сердце вздрогнуло, почувствовав надежду. Ей было плевать на цветы. Плевать на записку и лестные слова. Главным был стеклянный флакон. Главным был подарок. Теперь уже сомнений не было. Саша выпила кровь, не замечая ее отвратительного металлического вкуса. Сотни фейерверков вспыхнули перед глазами, затем тело стало ватным, непослушным. Голова кружилась, но Саша заставила себя не отключаться, как это было в прошлый раз. Качаясь, она собрала свои вещи, переоделась и покинула пропахшую рвотными массами гримерку.

Три дня спустя Саша Вайнер встретилась с балетмейстером Йозефом Хасрайтером и договорилась о паре пробных репетиций. Он долго хмурился, не веря, что хронические травмы Саши могли кануть в небытие, но в конце все-таки согласился дать ей второй шанс. Саша знала, что он уже поставил на ней крест, поэтому волновалась на репетиции больше, чем нужно. Но легкое, воздушное тело сделало свое дело, и не прошло трех месяцев, как Саша снова вышла на сцену Венского придворного Театра.

Ее несовершенный, но сносный для разговоров французский помог ей сблизиться с известной приезжей балериной Николет Эбер, которую, благодаря предыдущим заслугам и громкому имени, держали в труппе, несмотря на нескончаемые травмы и хронические обострения. Возможно именно потому, что Николет напоминала Саше саму себя до того, как она получила кровь Клодиу, они сблизились, стали сначала подругами, а затем любовницами. Последнее не было случайностью, а скорее чем-то продуманным, рассчитанным до мелочей.

Николет Эбер было почти тридцать, и в отношениях с Сашей она никак не торопилась. Сначала они говорили о балете, потом о мужчинах. Потом о мужчинах и женщинах. Затем снова о балете, подарках, цветах и плате за ночь. Во время этих разговоров Николет рассказала Саше о своих развлечениях с женщинами. Вообще-то она никогда не скрывала свои интересы, но Саша как-то и не думала об этом, пока не случился подобный разговор.

— Женщины не хотят нас купить. Им нужна любовь, — сказала Николет Эбер.

Затем они долго говорили, вспоминая мужчин, которые покупают танцовщиц. Они не называли имен и не уточняли, что та или иная история относится конкретно к ним, но это было и не нужно. Немного вина, немного желания забыться. Эти откровения вошли в привычку. Саша долго берегла рассказ о том, как ее вырвало на хозяина театра, где она выступала прежде, но в итоге выболтала и эту историю. Саша ждала смеха, но вместо этого Николет начала развивать тему однополых отношений.

— Не думаю, что я смогу испытывать к женщинам что-то кроме дружбы, — честно призналась Саша.

— Но это лучше, чем бороться с отвращением к мужчинам, — сказала Николет.

Они выпили еще вина, поцеловались. Отвращения действительно не было.

— Только не надо запихивать в меня свои пальцы, — попросила Саша, когда они легли в постель.

— Хорошо. Не буду, — пообещала Николет и долго ласкала Сашу, пока та не заснула.

Оргазма не было, но стена рухнула. Николет не торопила Сашу, ни к чему не обязывала. Так продолжалось несколько месяцев. Потом Саша Вайнэр стала получать удовольствие от этих игр. Ее первый за последние годы оргазм был бурным и долгим.

— Теперь я должна ласкать тебя? — спросила она Николет.
— Только если ты хочешь.
— Сегодня нет.
— Тогда я подожду. — Николет улыбнулась и поцеловала Сашу в щеку. Саша закрыла глаза и спустя мгновение заснула.

Ее отношения с Николет Эбер длились почти полтора года. Потом Николет пропала. К тому времени она уже не выступала, и люди шептались, что она вернулась обратно в Париж. Но люди ошибались. Николет убили. Ее обескровленное тело нашли почти месяц спустя на окраине города. Это было пятое убийство балерины за последние два месяца, но Николет Эбер оказалась самой известной.

Убийцу звали Сиджи Нойдеккер. Но поймать ее так и не удастся. Она заберет жизни еще трех балерин и только потом успокоится. Последней и самой известной жертвой окажется Саша Вайнэр. Дело не получит широкой огласки, потому что Саша Вайнэр выживет, а смерть остальных третиесортных балерин расценят как неизбежное зло. Какое-то время, для видимости, власти будут еще искать убийцу, кто-то сделает его портрет — мужчина с аристократичным лицом и узкими как у женщины плечами.

Когда этот портрет появится в газетах, Саша Вайнэр будет долго удивляться, откуда вообще взялось это описание. Возможно потому, что никто не мог заподозрить в похищениях и убийстве женщину, убийца так и остался непойманым. Вероятно, именно поэтому ей с такой легкостью удавалось похищать своих жертв. Хотя, зачастую, главную роль играли деньги.

«Богема Вены пестрит такими же шлюхами, какой была она сама, только платят им намного больше», — как-то так думала Сиджи Нойдеккер, бродя по дешевым театрам, посещая бездарные постановки. Ее хозяин требовал чистой крови без вирусов, остальное его не интересовало. Хозяин по имени Гэврил. Он не любил Вену, не любил Европу, не любил людей. Иногда Сиджи Нойдеккер казалось, что однажды это пьющее человеческую кровь существо окончательно спятит и убьет всех своих слуг. Но Сиджи не боялась смерти.

Смерть довольно часто заглядывала ей в глаза, когда она продавала себя на улицах Вены. Продавала за хлеб. Поэтому, когда ее сделали служащей, она и выбрала в качестве своих жертв представителей балета. Когда-то, еще в другой жизни, она завидовала им, ненавидела их. Деньги, которые они иногда получали за ночь, Сиджи на улицах могла заработать лишь за несколько месяцев. Конечно, это все осталось в прошлом,

когда она стала служой странной твари по имени Гэврил, но обида все равно была. Поэтому, когда от Сиджи потребовали новых жертв, новой пищи, она обратила свой взор на балет.

Ходила по дешевым театрам, выбирала танцовщиц, которые нравились ей меньше других, ждала, когда закончится постановка, встречалась с выбранной женщиной и говорила, что ее хозяин хочет встретиться с ней. Девушки хмурились, сомневались, но Сиджи отсчитывала десятки и сотни марок с такой легкостью, что все они соглашались. Согласилась и Николет Эбер.

По дороге в загородный дом Гэврила Николет без умолку болтала на плохом немецком, что ей надоела жизнь в Вене и что она мечтает вернуться в Париж и открыть там балетную школу. Сиджи с охотой поддерживала этот разговор, наслаждаясь всеми этими мечтами и надеждами француженки, которые никогда не сбудутся. Когда Гэврил пил кровь Николет, Сиджи стояла рядом и смотрела, как жизнь уходит из этих голубых глаз. Последней в ее списке оказалась Саша Вайнэр. Сиджи не планировала, что все закончится на этой балерине, но Гэврил приказал ей отныне держаться подальше от театров. Приказал после того, как прокусил Саше Вайнэр шею. Метаморфозы вспыхнули на его лице. Сиджи знала, еще пара мгновений и все закончится, но... Но что-то пошло не так. Гэврил отпрянул назад, заглядывая Саше Вайнэр в глаза.

— Кому ты служишь? — спросил он балерину.

— Служу? — растерялась она.

— В тебе течет наша кровь, — его взгляд устремился к Сиджи Нойдеккер. — Где ты нашла ее?

— В балете.

— В балете... — Его взгляд не мог принадлежать человеку. Саша смотрела ему в глаза и думала лишь о том, что не хочет умирать. Именно об этом она и сказала ему. — Ты просто слуга, — сказал Гэврил.

— Но я не слуга! Я балерина.

— Кто твой хозяин?

— У меня нет хозяина.

— Не ври мне.

— Я не вру. — Саша отчаянно пыталась заплакать, разжалобить, но она была балериной, а не актрисой.

— Давай я просто убью ее, — предложила хозяину Сиджи. Он не услышал ее слов, не взглянул на нее.

— Если ты никому не служишь, тогда почему в тебе течет наша кровь? — спросил он Сашу Вайнэр.

Зажимая ладонью прокущенную шею, она рассказала о Клодиу.

— Тебя изнасиловал один из нас? — не скрывая отвращения, спросил Гэврил.

— Он не изнасиловал... Он просто заплатил и...

— Так ты шлюха или балерина?

— Балерина, но... — Саша замолчала, поджала губы, косясь на Сиджи Нойдеккер. — Клодиу писал, что я должна танцевать целую вечность.

— И ты надеешься, что будешь жить целую вечность? — спросил Гэврил.

— Я не знаю. — Саша зажмурилась, увидев, что лицо Гэврила снова меняется. — Пожалуйста, не убивайте меня.

— Почему? — Черные глаза смотрели, казалось, прямо в мозг. Саша пыталась найти ответ, но ответа не было. Она просто хотела жить и все. Ей не нужны были причины, чтобы жить. И Гэврил, кажется, видел это в ее мыслях. — Когда Клодиу снова пришлет тебе свою кровь, узнай обратный адрес. Мне нет дела до моего соплеменника, но я с удовольствием сверну шею его слугам.

— Так мы не убьем ее? — удивленно всплеснула руками Сиджи Нойдеккер.

Она служила первый год и многого не понимала. Впрочем, не понимала она и столетие спустя. Что-то гневное и необузданное жило в ней. Что-то непокорное. Именно это чувство заставляло ее поступать напрекор законам своего хозяина.

Иногда Гэврил хотел ее убить, избавив от необходимости служить, но где-то подсознательно Сиджи именно этого и хотела. Поэтому древнее существо сохраняло ей жизнь. Оно не прощало ее. Нет. Оно ждало, когда Сиджи полюбит эту жизнь, и вот тогда он заберет у нее все. Сиджи знала, что так оно и будет, поэтому старалась ненавидеть мир изо всех сил. Она завела сотни любовников, забыла о своих обязанностях. Сиджи знала, что у Гэврила есть другие слуги, поэтому ей было плевать. Плевать на все. Даже когда у нее появилась дочь.

— Хочешь, чтобы я убила ее для тебя? — спросила Сиджи хозяина, зная, что он только и ждет, когда в этом мире появится хоть что-то, что ей дорого. Гэврил долго смотрел ей в глаза, затем качнул головой.

— Я заберу ее, когда она подрастет, — пообещал он. — Воспитай ее лучшей слугой, чем ты.

Сиджи так и не поняла, играет с ней Гэврил или просто говорит то, что у него на уме. Нужно было ждать. Сиджи назвала дочь Мэйдд, отдав на воспитание в семью, которой платила за содержание своего ребенка, навещая девочку раз в несколько месяцев, обычно совмещая визиты с днем выплат.

Когда Мэйдд подросла, Сиджи стала водить ее в балет. Странно, но после того, как она убила много лет назад несколько балерин, ненависть к танцовщицам прошла. Сейчас ей нравились эти постановки. Она си-

дела со своей дочерью в первых рядах и ловила себя на мысли, что надеется и Мэйдд приобщить к балету. Не стать балериной, а просто наблюдать за этим. Но Мэйдд не нравилось. Сиджи видела это. А еще она видела знакомого балетмейстера — Сашу Вайнера. Ту самую Сашу Вайнера, которая сбежала из Вены, как только Гэврил отпустил ее. Сбежала больше века назад. Сейчас на вид ей было не больше сорока.

— Узнаешь меня? — спросила ее Сиджи Нойдеккер, пройдя за сцену, когда постановка закончилась.

Саша Вайнера кивнула, затем посмотрела на дочь Сиджи. Сиджи улыбнулась и в свою очередь посмотрела на глупую молодую француженку, которая сопровождала Сашу Вайнера.

— Это твоя дочь? — спросила Саша, все еще глядя на Мэйдд.

— А это твоя любовница? — спросила Сиджи, глядя на француженку. Француженка глуповато улыбнулась и сказала, что ее зовут Марджолайн Лаффитт. — Мне должно о чем-то говорить это имя? — спросила Сиджи. Француженка смутилась и пожала плечами.

— Чего ты хочешь? — спросила Саша Вайнера.

Сиджи заглянула ей в глаза. Страха в них не было. Прожитые годы притупили чувство опасности. Сиджи спросила ее про кровь Клодиу, спросила о жизни, которая должна была давно закончиться. Француженка слушала все это и растерянно хлопала глазами. Точно так же хлопала глазами и дочь Сиджи.

— Ты пришла, чтобы убить меня? — все так же спокойно спросила Саша Вайнера.

— Убить? — Сиджи нахмурилась. — Нет. Просто хотела познакомить свою дочь с тобой.

— Зачем?

— Зачем? А зачем ты спиши с этой глупой француженкой?

— Я не глупая! — обиделась Марджолайн Лаффитт. Саша Вайнера и Сиджи наградили ее тяжелыми взглядами. Француженка смутилась, проворчала что-то себе под нос, ушла, хлопнув дверью.

Она хотела закрыться в свободной гримерке и забыться, но все гри мерки были заняты. Шум и суета раздражали. Марджолайн вышла на улицу, закурила. Не успела она докурить, как мимо нее прошла Сиджи и ее дочь. Сиджи увидела француженку и сказала, что Саша Вайнера бросит ее раньше, чем она успеет понять это. Потом они поймали такси и уехали.

Дочь напряженно молчала, и Сиджи чувствовала вину за то, что отвела ее после постановки за кулисы. Разговор с Сашей Вайнера не получился, да Сиджи и не хотела разговаривать. Просто Саша была частью прошлого. Она напоминала ей о том, кем она когда-то была. Теперь от той прежней Сиджи ничего уже не осталось.

Она отвела Мэйдд к приемной семье, дала им еще денег. Ночь была холодной и тихой. Сиджи шла по пустынной улице Нью-Йорка. Вокруг ни случайных прохожих, ни бездомных. Лишь под одиноким фонарем стоял молодой парень в потрепанной кожаной куртке. Снег падал ему на жидкие светлые волосы, достигавшие плеч. Гэврил говорил, что когда-нибудь настанет день, и она сможет пить кровь обычных людей. Но сейчас Сиджи могла пить только кровь Гэврила. Лишь эта кровь давала ей сил, давно превратившись в наркотик, ради которого она живет. В этом Сиджи никому не признавалась.

Сейчас, глядя на светловолосого парня, Сиджи думала, что возможно именно сегодня стоит попробовать выпить своего первого человека. Предполагаемая жертва согнулась, пытаясь прикурить. Сиджи попыталась разглядеть его лицо — молодое, со светлой щетиной, но глаза были неожиданно темными, пытливыми. Он на мгновение взглянул на Сиджи, но этого взгляда хватило ей, чтобы понять — сегодня она никого не убьет. Она вообще не хочет никого убивать. Сиджи прошла мимо парня, надеясь что он не будет пытаться ни познакомиться с ней, ни ограбить. Он и не пытался. Сиджи молча поблагодарила его. Спустя четверть часа она уже не помнила об этой встрече. Не помнила до тех пор, пока не увидела этого парня спустя два месяца. Это был последний день ее жизни.

— Меня зовут Хэмп Сандерс, — сказал светловолосый парень. У него был большой охотничий нож. Он воткнул его Сиджи в живот и, поворачивая, требовал рассказать об остальных.

— О каких остальных? — спросила Сиджи, харкая кровью.

— Вы пьете кровь. Вы убиваете людей. — Хэмп Сандерс снова повернул свой нож. За его спиной стояли две женщины. Сиджи видела их прежде. Они следили за ней, наблюдали.

— Да кто вы такие, черт возьми? — спросила их Сиджи. Ответа не было.

Саша Вайнэр узнала о смерти Сиджи Нойдеккер из газет. Журналисты смаковали подробности. На черно-белой фотографии была Сиджи Нойдеккер. Она лежала на дороге, раскинув руки. Черно-белый цвет скрывал детали, особенно вспоротый живот. Газету с этой фотографией принесла Марджолайн Лаффитт.

— Ты правда никогда не бросишь меня? — спросила она Сашу.

— Почему ты спрашиваешь?

— Эта женщина сказала, что ты бросишь меня. — Марджолайн ткнула пальцем в фотографию мертвой Сиджи Нойдеккер.

— Эта женщина уже мертва, — сказала Саша.

В тот день она и сама не верила, что когда-нибудь оставит эту юную наивную девочку. Марджолайн было восемнадцать лет, и она напоми-

нала Саше ангела. Особенно эти ее надежды стать танцовщицей. Она не хотела учиться, не хотела репетировать. Но она верила, что однажды проснется и станет самой известной, самой знаменитой и самой желанной. И еще этот акцент. Он напоминал Саше ее первую любовницу Николет Эбер. Но Сиджи Нойдеккер убила Николет. Сейчас она могла убить Марджолэйн. Могла, пока кто-то не забрал ее собственную жизнь. Значит, теперь Саша сможет оставаться с этой французской голубкой столько, сколько захочет. Но Саша не учла, что голубка потускнеет и уяннет. Не сразу, неспешно, год за годом, но старость приходила за ней. Старость, которую Марджолэйн никогда не ждала.

— Ты угасаешь, — сказала ей однажды Саша, не зная, как лучше начать разговор о том, что между ними все кончено. Марджолэйн гневно сверкнула голубыми глазами. — Не обижайся, но... — Саша уже готова была сообщить о разрыве.

— А почему не стареешь ты? — спросила француженка.

— Я старею.

— Но не так, как обычные люди. — В глазах Марджолэйн горел огонь. Она вспомниала Сиджи Нойдеккер, вспоминала их недолгий разговор много лет назад. Вспоминала последнюю любовницу Саши — молоденькую армянку по имени Гаяне. — Думаешь, я ничего не знаю о тебе? — шипела Марджолэйн Лаффитт. Она искала повода для скандала, искала возможность выплеснуть гнев.

— Давай отложим этот разговор, — попросила ее Саша, решив, что избавится от этой змеи постепенно. Сначала построит стену в их отношениях, а потом сделает так, что француженка поймет, что в театре ей больше нет места и вернется к себе на родину или куда-нибудь еще, не важно, лишь бы подальше.

Но избавиться от Марджолэйн оказалось не так просто. К тому же чем больше Саша думала об этом, тем отчетливее понимала, что двадцать лет, которые они провели вместе, что-то значат в ее жизни. Она больше не хотела спать с Марджолэйн, но и прогнать ее не могла. Ей хотелось получить Гаяне, но сохранить где-то рядом француженку, сохранить старого друга. Не самого верного, не самого мудрого, но все-таки друга...

Вот в такой период жизни Саши Вайнэр к ней и пришла дочь Сиджи Нойдеккер — Мэйдд.

— Ты помнишь меня? — спросила она.

— А должна? — Саша Вайнэр смотрела на Мэйдд лишь мгновение, затем перенесла свой интерес на Макса Бонера, который маялся за спиной новой подруги. — Сколько лет твоему мальчику? — спросила Саша Вайнэр Мэйдд, продолжая смотреть на Макса.

— А сколько лет тебе? — спросила Мэйдд. — Сто? Сто пятьдесят?

— О чем ты говоришь? — Саша Вайннер изобразила удивление, но внимание своим вопросом Мэйдд привлекла.

— Все еще не узнала меня? — Мэйдд улыбалась. — Я приходила сюда со своей матерью. Она сказала, что вы знакомы, но когда встретились, разговор у вас не получился. С тобой тогда еще была женщина. Француженка. Моя мать говорила, что вы любовницы. — Она недружелюбно прищурилась, назвала свое имя и на всякий случай имя матери.

— Я не знаю, почему убили твою мать, — сказала Саша Вайннер.

— Я здесь не из-за ее убийства.

— Тогда почему?

— Мне нужна твоя тайна.

— Хочешь жить вечно? — На лице Саши Вайннер появилось разочарование.

— Хочу убить Гэврила, — сказала Мэйдд. — Ты знаешь Гэврила? Вижу, что знаешь. Помню, что знаешь. — Со стороны Максу Бонеру казалось, что две змеи решили сразиться и теперь кружат вокруг друг друга, не решаясь сделать первый выпад. — Моя мать служила Гэврилу, — продолжала говорить Мэйдд. — Она делала для него много страшных вещей. Очень много. Думаю, именно поэтому ее убили. — Мэйдд пытливо закусила губу. — Но ты ведь никому не служишь, верно?

— Какое тебе до этого дело? — сухо спросила Саша Вайннер.

— Скажи, кто присыпает тебе кровь древних?

— Откуда ты знаешь про кровь?

— Об этом знала моя мать.

— Она рассказывала тебе об этом?

— Я видела это в ее воспоминаниях. Всю ее жизнь, включая годы, когда она была шлюхой в Вене. И еще я видела, как Гэврил хотел убить тебя. — Мэйдд помрачнела. — Я видела очень многое... А после, когда умерла мать, стала видеть Гэврила. Почти каждую ночь, нужно лишь достаточно крепко уснуть. — В глазах Мэйдд появилось что-то темное, глубокое. Казалось, она и не понимает, что вспоминает свои ночные кошмары вслух: то стихает, смущаясь, то голос ее неожиданно нарастает в гневе. Наконец Мэйдд умолкла и растерянно смотрела не то на Сашу Вайннер, не то просто в пустоту.

— Знаешь, — сказала Саша Вайннер, словно услышанная история действительно тронула ее. — Когда-то я тоже пыталась разобраться в своем бессмертии, но после смирилась, начала принимать как должное. — На ее губах появилась усталая улыбка. — Мой тебе совет, сделай то же самое — смирись.

— Смириться? — Мэйдд наградила ее растерянным взглядом, словно только что проснулась и с трудом понимала, что происходит.

— Смириться? — впервые за время разговора подал голос Макс. — А как же Ясмин? Как же та девушка из семьи, пленившей Гэврила? Что будет с ней? Что будет с каждым из них?

— В жизни случаются вещи и похуже, — сказала Саша и назвала его милым мальчиком.

— А если бы это была ваша дочь?

— У меня нет детей.

— Тогда ваша любовница.

— Всегда можно найти другую.

— Вот как? — глаза Макса сверкнули гневом.

— О, только не пытайся пугать меня обещаниями, что заберешь мою жизнь, — прочитала его мысли Саша Вайнэр. — Я живу уже слишком долго, чтобы бояться смерти.

— Тогда мы сожжем твой чертов театр! — прошипела Мэйдд, но взгляд ее все еще был отстраненным, растерянным.

— Театр? — Саша неприятно рассмеялась. — Театр можно отстроить заново.

Ее смех раздражал, выводил из себя. Но еще больше раздражало понимание, что ей глубоко наплевать на всех и на себя в том числе. Струха устала. Она уже и сама не понимает, зачем живет, для чего живет. Смысли растаяли, теперь осталась только желчь. Да и было ли когда-то иначе?

— Ненавижу эту старую ведьму, — сказала Максу и Мэйдд Марджолайн Лаффитт, остановив их на выходе из театра. Ей было почти сорок, и Мэйдд тщетно пыталась разглядеть в ней черты той молодой француженки, которую она видела в этом театре в детстве.

Они договорились встретиться спустя час недалеко от Метрополитен-Опера, в одном из баров Манхэттена на Восточной Семидесятой Стрит. Кафе называлось «Люксембург».

Их посадили у высокого окна, белые жалюзи которого были открыты, и где-то там, за ним было видно, как живет ночной город, бежит куда-то, суетится. Скатерти на квадратных столиках были чистыми и белыми как снег. Между затянутых в красную кожу кушеток стояли вазы с гербариями. Стены были выкрашены в теплый желтый цвет. На подносах стояли графины с водой. Макс видел барную стойку, за которой красовались сотни бутылок с алкогольными напитками, которых Макс никогда не пробовал. Да он никогда и не слышал таких названий. И эти странные, одетые в костюмы посетители, напоминавшие Максу какую-то элитную вечеринку библиотекарей! После своего крохотного родного города и его убогих баров Макс чувствовал себя крайне неуютно в этом месте — сидел и нетерпеливо ерзal на плетеном стуле, пока Мэйдд делала заказ.

— А что будешь ты? — спросила она, протягивая Максу обрамленное красной рамкой меню.

— То же, что и ты, — отмахнулся Макс и чтобы изобразить, что чем-то занят, взял со стола спичечный коробок с названием кафе, выполненным золотыми буквами на синем фоне.

Официант принес два высоких бокала с густым красным вином, затем ужин на белых тарелках. Ужин, название которого Макс так и не решил спросить у Мэйдд. Он не мог есть в этом культурно-неприветливом месте. Рыба на тарелке ждала его, остывала, а он лишь снова и снова прикладывался к бокалу с вином. К тому же увядющая француженка опаздывала уже на четверть часа, и Макс от этого начинал нервничать еще сильнее.

— Не переживай так, — сказала Мэйдд. — Это большой город. Здесь пятнадцать минут опоздания ничего не значит.

Макс кивнул, заставил себя взять вилку, нож. Когда пришла Марджо-лэн Лаффитт, он все еще возился со своим ужином. Она села на плетеный стул рядом с ним. Они говорили с Мэйдд так, словно Макса не было рядом. Он подумал, что как только закончится эта встреча, то сразу вернется в родной город. Не нужно ему все это, не хочет он слушать, что рассказывает француженка. Особенно ее жалобы на Сашу Вайнера.

Бывшая любовница получила отставку. Она зла. Она брызжет желчью. И она за долгие годы жизни здесь так и не избавилась от своего акцента. Особенно когда с волнением рассказывает о том, что Саша Вайнэр не стареет. В голубых глазах зависть.

— Я знала, что что-то не так с тех времен, как ты приходила в театр с матерью, — говорит француженка Мэйдд Нойдеккер. — Сначала я, конечно, думала, что твоя мать спятила, но потом... Потом я стала следить за этой старой ведьмой Сашей Вайнэр. И знаешь, что я поняла?

— Она пьет чью-то кровь?

— Именно, — француженка передергивает плечами.

Они разговаривают с Мэйдд еще минут двадцать так, словно знают друг друга много лет. Потом Лаффитт уходит, заявляя, что скорее всего когда Мэйдд снова приедет в город, то ее уже здесь не будет.

— Я вернусь домой, в Париж. Хватит с меня. — Она грустно улыбается, трогает Мэйдд за руку. Макс смотрит, как она уходит. Чуть раньше Лаффитт сказала, что долго следила за Сашей Вайнэр, сказала, что ей удалось узнать адрес, откуда каждые полгода к Саше приходит кровь во флаконах из-под духов. — Сначала я думала, что это ее любовник, но... — Лаффитт снова улыбается. — Надеюсь, вы заставите эту старую ведьму встряхнуться, — говорит она, но в глазах нет злости. Она все еще влюблена в Сашу Вайнэр и надеется на далекий, призрачный шанс быть с ней вместе.

Макс допивает вино, закуривает. Он и Мэйдд сидят за столом вдвоем, но Мэйдд все еще молчит, не замечая его, словно продолжает говорить с француженкой. Макс ждет пять минут, десять, поднимается из-за стола, говорит, что ему нужно подышать свежим воздухом.

— Не уезжай, — говорит Мэйдд. — Не бросай меня. Не сейчас.

— Я не бросаю. Мне не по себе в этом кафе.

— Ты не испугался, когда узнал о Гэвриле в подвале твоей девушки, а теперь бежишь от этих стен?

— Ни от кого я не бегу.

Макс выходит на улицу. Машины плывут сплошным потоком, фары сверкают, слепят глаза. Горят неоновые витрины. По дороге в кафе на Амстердам-Авеню он видел автобусную остановку. Просто забраться в автобус и ехать до конечной станции. И плевать на все, что остается за плечами. Просто ехать, бежать. Потом идти. Он может затеряться где-то среди сплетенных в клубок безумия дорог, которые ведут куда-то, если знать, куда хочешь добраться. Но если ты просто хочешь сбежать, то достаточно сесть на городской автобус — результат будет один. И ночь вокруг живет, ночь искрится. Ночь разевает свою пасть. Ночь ждет своих жертв...

Макс закурил, дошел до остановки на Амстердам-Авеню, но автобусы уже не ходили. Он понял это проездав почти час. Потом пришла Мэйдд Найдеккер.

— Как ты нашла меня? — спрашивает Макс.

— Я ведь умею читать твои мысли. — Она садится рядом с ним на жесткую скамейку. На другой стороне улицы над входом в магазин большой плакат, сообщающий прохожим об открытии. На стеклянных стенах остановки стикеры с рекламой ночного клуба. Мимо медленно ползет патрульная машина. — Давай переночуем сегодня в отеле, а завтра отправимся в Портленд, — предлагает Мэйдд.

— Я хотел уехать от тебя, — признается Макс.

— Я знаю.

— Но автобусы уже не ходят.

— И это я тоже знаю. — Она берет его за руку.

Они возвращаются к кафе Люксембург, садятся в машину Макса, которую он готов был оставить Мэйдд. Но Мэйдд не умеет водить. Она указывает дорогу.

Теперь найти место для парковки, снять номер. Мэйдд расплачивается за номер, говорит, что когда мать была жива, то они всегда останавливались в отеле «Белклэир». Здание высокое, старое, из красного кирпича. Оно почему-то напоминает Максу тюрьму. Но внутри все снова глянцевое. Овальные коридоры, дорогие ковры на паркетном полу, кожаные кушетки, огромные зеркала на стенах. В номере две дубовые кровати, цветы в вазах на столиках и снова эти тепло-желтые стены.

— Здесь есть бар, — говорит Максу Мэйдд. — Можешь выпить что-нибудь, пока я принимаю душ.

Макс кивает. Мэйдд уходит в ванную. На мгновение мелькает кристальной белизной унитаз. На двери две вешалки, на которых висят белые махровые халаты с эмблемой отеля. Черные тапочки с точно такой же эмблемой. Макс сидит на кровати и курит. Он все еще хочет уехать, сбежать, поэтому подбирает слова, чтобы сказать о своем решении Мэйдд. Но когда она выходит из душа, в голове по-прежнему пустота.

— Мне неуютно здесь, — говорит Макс.

— Почему ты ничего не выпил? — спрашивает Мэйдд.

— Я не знал, как открыть этот платный бар. — Он видит, как она улыбается.

— Сходи, прими душ, а я пока смешаю тебе что-нибудь, чтобы ты успокоился.

— Не хочу душ. — Макс хмурится.

— Тогда я сделаю тебе выпить прямо сейчас. — Мэйдд говорит о том, как правильно смешивать напитки, но Макс не слушает ее. Потом они сидят на своих кроватях напротив друг друга и молча пьют. Волосы у Мэйдд все еще мокрые после душа, и Макс думает, что без косметики она выглядит моложе.

— Сколько тебе лет? — спрашивает он, закуривая еще одну сигарету.

— Тридцать шесть.

— И ты никогда не пила кровь тех существ?

— Только в детстве.

— Значит, твои тридцать шесть — это твои тридцать шесть?

— Значит. — Мэйдд смотрит ему в глаза, в мысли. Макс кивает. — Почему ты никогда не уезжал из своего города? — спрашивает она. Макс пожимает плечами. Мэйдд забирает у него сигарету, рассказывает о своих путешествиях по стране.

— Я думал, ты не можешь жить, пока не избавишься от своих снов.

— Я пыталась жить. — Мэйдд грустно улыбается, поджимает под себя ноги. Под махровым халатом ничего нет, кроме обнаженного смуглого тела. Макс знает это, но не понимает откуда. Возможно, он заметил что-то в вырезе белого халата, или же это показала ему сама Мэйдд, спроектировала это знание прямо в его мозг. — Моя мать говорила на трех языках, а я лишь на одном, — кривится Мэйдд. Она курит, почти не затягиваясь, словно делает это только для того, чтобы поддержать компанию. — Я все время думаю о той француженке, с которой мы сегодня встречались...

— Она тебе понравилась?

— Нет, — Мэйдд снова улыбается. — Мне не нравятся женщины.

— Тогда почему ты о ней думаешь?

— Ее акцент. Думаешь, она специально не хочет избавиться от него?

— Я не знаю.

— Моя мать идеально говорила на английском.

— У твоей матери был не один век, чтобы избавиться от акцента, а у французской лесбиянки лишь пара десятилетий.

Макс поднялся, решив, что теперь обязательно уйдет. Сядет в свою машину и будет ехать, пока не кончится топливо. Потом он бросит машину и пойдет пешком. Главное сейчас прогнать сомнения. Идти к двери, не оборачиваясь. Не слушать, не покупаться на дешевые просьбы.

— Пожалуйста, не бросай меня, — взмолилась Мэйдд. Голос у нее утратил уверенность. — Я не справлюсь одна. Не смогу. Только не снова. — Макс не отвечает. — Я не могу одна. Я ненавижу быть одна. Макс! — Он открывает дверь. — Если ты уйдешь, то я убью себя! — кричит Мэйдд.

Макс молчит, выходит за порог. Мэйдд идет следом за ним по коридору. Макс вызывает лифт, спускается вместе с Мэйдд в холл. Теперь улица. Халат на Мэйдд плотно запахнут, скрывая наготу, но люди обираются, провожают ее растерянным взглядом. Мэйдд не обращает на них внимания, семенил за Максом, шлепая босыми ногами по тротуару.

— Если хочешь, давай остановимся в другом отеле. Если хочешь, давай поужинаем в дешевом баре. Если хочешь, давай вообще жить в машине.

— Ты чокнутая! — Макс наконец-то находит свою припаркованную у тротуара машину, садится за руль. Мэйдд забирается на пассажирское сиденье.

— Я знаю, что ты напуган, но это пройдет, — говорит она, молчит пару секунд, затем вспоминает Ясмин, ее семью. Вспоминает Гэврила, свою мать, свои сны...

— Я не передумая, — говорит Макс, включает зажигание. Неожиданно острые боли пронзают мозг. — Что ты делаешь? — спрашивает Макс. Мэйдд молчит, лишь гневно сверкают ее глаза. Кажется, что все ее отчаяние материализовалось и теперь, проникнув своей железной рукой в голову Макса, сдавливает его мозг. — Господи! — Он сжимает ладонями виски. Кровь хлещет у него из носа, забрызгивает белоснежный халат Мэйдд. — Пожалуйста, перестань! — скривит Макс, решив, что сейчас умрет.

— Ты останешься со мной? — спрашивает Мэйдд. Голос у нее стал жестким, охрипшим от напряжения.

Максу требуется несколько долгих, мучительных мгновений, прежде чем он понимает, о чем его просят. Теперь кивнуть головой, вернуться в отель. Тишина. Кровь из носа перестала течь, но голова еще болит.

— Тебе нужно помыться и сменить одежду, — говорит Мэйдд. Макс не спорит. Кажется, что в голове что-то лопнуло, сломалось. Подчиняться, подчиняться, подчиняться...

Ночью ему снится, что в мозгах у него поселились черви. Они жрут его плоть, плодятся и вылезают из головы через нос. И где-то далеко смеется Мэйдд, которая стала совершенно другой. Она напоминает Максу ведьму. Ее белый махровый халат отеля Белклэир развевается на ветру. Смуглое тело сверкает своей наготой. Волосы превратились в змей. Они шипят, брызжут ядом и тянутся к Максу. И ничего больше нет вокруг. Они вдвоем среди этой пустоты. Они вдвоем среди этой вечности. И некуда бежать. Расстояние не имеет значения. Макс хочет зажмуриться, но черви уже сожрали его глазные яблоки. Они вылезают у него из глаз, принимаются за веки. Но он почему-то все еще видит, как змеи-волосы Мэйдд тянутся к нему. Наполненные ядом зубы вгрызаются в плечо. Яд попадает в кровь. Тело горит огнем. Боль сводит с ума. Он умирает, и даже черви бегут, словно крысы с тонущего судна. Черви, которые едва не добрались до его языка. И Макс понимает, что язык — это единственное, что он может еще контролировать. Все остальное тело онемело. Кричать, кричать, кричать...

Он открывает глаза, не понимая, что проснулся. Его вопли разбудили Мэйдд. Она стоит возле его кровати и просит прощения. На ней надет белый махровый халат отеля Белклэир. Но нет ветра, который распахивает ее волосы.

— Ты ведьма, ведьма! — шепчет Макс, но сон уже отступил, медленно возвращается ощущение реальности. Он жив. Черви не сожрали его мозг, его глаза.

— Прости меня, — шепчет Мэйдд. — Я просто испугалась, что ты бросишь меня. Пожалуйста, прости. Я не могу быть одна. Не могу. Не могу...

— Ты ведьма... — Макс поднимается с кровати. Горит ночник. В этом тусклом свете он видит слезы в глазах Мэйдд.

— Я не хотела напугать тебя. Не хотела причинить боль, — говорит она. Теперь слезы катятся у нее по щекам. — Я никогда не делала ничего подобного. Просто... Просто когда готов убить себя, все становится каким-то незначительным. Своя жизнь, чужие жизни...

— Ты чокнутая, — говорит Макс.

— Я знаю. — Мэйдд отворачивается, спешно говорит, что если Макс хочет, то может уехать. Она не станет его держать. И где-то среди этих слов постоянно всплывают извинения и страхи остаться одной, страхи, что это безумие никогда не закончится, никогда не закончается ее сны. — Как бы я хотела забыть обо всем. Стать самой обычновенной...

— Думаешь, я не хочу? — Макс закуривает, смотрит на Мэйдд. Заплаканная, растрепанная, сейчас она похожа на глупую девчонку, которую бросил ее возлюбленный. — Дать тебе сигарету? — спрашивает Макс, начиная чувствовать вину перед Мэйдд. Неужели он хотел сбежать лишь потому, что испугался всех этих дорогих отелей и кафе? — Прости меня, — говорит Макс.

— Простить? — Мэйдд поднимает на него свои заплаканные глаза. — Это ты должен простить меня, а не я тебя.

— Мы оба должны просить прощения. — Макс протягивает ей прикуренную сигарету. Она затягивается жадно, выпускает дым к потолку. Макс рассказывает ей свой сон.

— А мне сегодня ничего не снилось, — говорит Мэйдд. — Может быть, это потому, что ты рядом?

— Я не знаю. — Макс садится на кровать.

— Так ты не уйдешь? — спрашивает Мэйдд, не глядя ему в глаза.

— Только если пообещаешь, что больше не станешь принуждать меня что-либо делать.

— Я сама не знаю, как это вышло. Никогда прежде не делала ничего подобного.

— Так ты обещаешь?

— Конечно.

Теперь заглянуть друг другу в глаза. Сигареты почти истлели. Неловкая пауза. Весь мир какой-то неловкий — сидеть ночью на одной кровати бок о бок и молчать. Что-то определенно не так. Мэйдд тянется к тумбочке, чтобы раздавить свою сигарету в пепельнице. От нее пахнет свежестью холодной Нью-Йоркской ночи. Этой чужой, незнакомой ночи, в которой вдруг оказался Макс. Почему он не уехал? Почему он все еще здесь? Может быть, она снова забралась ему в голову и заставила его испытывать вину? Или же все проще? Она просто нравится ему, как женщина. Она возбуждает его. Понимание приходит как-то медленно. Вернее, не понимание — чувство, желание. И тут же новая неловкость. Нужно что-то сказать. Но что? Зачем?

— Я это... — Макс смотрит на подушки своей кровати.

— Да... — кивает Мэйдд.

— Надо, наверное, спать...

— Да...

Но спать никто не хочет. Страх трансформируется в желание. Прелюдии страстные, хаотичные. Затем новая неловкость — ожидание близости совсем непохоже на саму близость.

— Можешь не сдерживать себя, — шепчет Мэйдд из-под Макса.

— О чем ты говоришь? — бормочет он.

— Я вижу все твои мысли, забыл?

— Извини, — смущается Макс.

— Не извиняйся, — улыбается Мэйдд. — Мне уже давно не шестнадцать лет. К тому же после всех моих кошмарных снов твои фантазии не более чем детская шалость.

Она еще что-то говорит, но это уже неважно. Весь мир уже не важен...

Портленд. Макс и Мэйдд добрались в этот город, сделав одну остановку. Где-то на полпути. Еще одна ночь вместе. Потом утро и как и прежде, словно ничего не было. Лишь воспоминание кошмарного сна Мэйдд. Ее крик разбудил Макса. Она металась по кровати, как одержимая. Тело ее было покрыто крупными каплями пота. Макс с трудом разбудил ее. Она уставилась на него стеклянными глазами, потом очнулась, сказала, что ей нужно принять душ. Больше Макс так и не смог заснуть.

В Портленде они долго блуждали по городу, пока не поняли, что им нужно перебраться по мосту «Мартин Поинт» в соседний городок Фоллмут и уже там по Форсайд роуд к кладбищу «Пайн Гров». Нужный дом стоял на Уэлтс-Лэндинг-роуд, окруженный соснами. Рядом находилась церковь и целая россыпь белых надгробий. Сам дом выглядел пустым, покинутым. Макс и Мэйдд покружили возле церкви, решили вернуться позже. Они поужинали в городской пиццерии, где запрещено было курить. Разговор не вязался. Этот дом на краю кладбища волновал, не позволяя думать ни о чем другом.

— Мне кажется, в этом доме собираются такие, как моя мать, — выяснила Мэйдд то, что ее беспокоило с того момента, как она впервые увидела дом на краю кладбища. — Я видела это в ее воспоминаниях, в ее снах... — Она забылась, достала сигарету, услышала упрек семьи за соседним столиком, выругалась, спрятала пачку в карман. Макс терпеливо смотрел на нее, ожидая продолжения рассказа, но продолжения не было. Мэйдд не хотела продолжать. Не хотела пугать его.

— Я уже не ребенок, можешь говорить, — сказал он, словно тоже научился читать чужие мысли.

— Не о чем говорить, — отмахнулась Мэйдд. — Секс, кровь, деньги. Вот и все. Говорят, подобные места существуют уже много веков. Такие как Гэврил ненавидят друг друга, но их слуги собираются вместе, развлекаются... Они платят деньги простым людям, которые приходят в эти безумные клубы. Во времена матери никто не умирал в этих местах — это было правило, но что происходит там сейчас, я не знаю.

— И что, никто не знает о таких местах? В смысле, как, черт возьми, им удается держать все это в секрете?

— А как Мэтоксы скрывают Гэврила? Как сам Гэврил и его сородичи тысячи лет скрывают свои деяния? — Мэйдд снова забылась, достала пачку сигарет, но на этот раз спрятала ее раньше, чем услышала упрек.

Пиццерия закрывалась в десять. Макс и Мэйдд находились в ней до закрытия. Потом поехали к дому на окраине кладбища «Пайн Гров». Ничего. Никого.

— Хоть бы табличку вешали с часами работы, — неудачно пошутил Макс, когда начиналось утро.

Отелей в городе не было, поэтому им пришлось вернуться в Портленд. Они остановились в отеле «Флитвуд Хаус» — старый дом с комнатами, которые выглядели так, словно сошли с экранов старых фильмов. Не было ощущения, что это отель, скорее просто дом, к хозяевам которого кто-то приехал в гости. В комнате, которую сняла Мэйдд, была одна большая кровать с резными спинками и балдахином. Хозяева дома хвастались этой кроватью наравне с рабочим столом, за которым работали известные артисты прошлого века, имен которых не знали ни Макс, ни Мэйдд.

— Откуда у тебя деньги, чтобы останавливаться в подобных местах? — спрашивает Макс, когда они остаются с Мэйдд наедине. Она рассказывает о сбережениях матери.

Теперь принять душ, отоспаться днем и вернуться к дому на окраине кладбища. Ждать, плодя страхи и сомнения. Ждать ночью, а утромозвращаться в Флитвуд Хаус. Соседи разговаривают о Нью-Йорке. Они говорят, что здесь, в Флитвуд Хаус, комнаты лучше, чем в самых дорогих отелях. Мэйдд устало поддерживает эти беседы. Макс чувствует себя лишним, уходит в их комнату. Кабельное телевидение входит в стоимость проживания. Сотни каналов сводят с ума.

— Если тебе не уютно, то мы можем переехать в другой отель, — говорит Мэйдд. — В любой отель, хоть в самый дешевый, если хочешь.

— Там не будет кабельного, — отшучивается Макс.

Они занимаются с Мэйдд любовью на старой кровати. Шторы балдахина прячут их от яркого солнца холодного дня за окном. Потом сонные разговоры ни о чем. Мэйдд снова кричит во сне.

— Спасибо, что не бросил меня, — шепчет она, пока Макс гладит ее по голове, пытаясь успокоить.

Все это напоминает ему какой-то странный сон. Нереален весь этот новый мир. Девушка, которая лежит в его объятьях, нереальна. Кажется, что она слишком хороша для него. Кажется, что между ними лежит не только десятилетие жизни, но целый мир-океан, который невозмож но пересечь. Но Макс почему-то плывет по этому океану на крохотной лодке и надеется не попасть в шторм. И ему кажется, что Мэйдд, несмотря на всю ее решительность и уверенность, плывет где-то в этом океане на такой же хрупкой, ненадежной лодке. Плывет навстречу к нему. Их соседи думают, что они молодожены. Мэйдд и Макс не возражают. Мэйдд перестает пользоваться косметикой, отыгрывая у природы

пару лет. Макс так и не решается спросить, делает она это ради него или же просто устала от ночных поездок к кладбищу Пайн Гров.

— Может быть, француженка обманула нас? — осторожно спрашивает ее Макс, когда очередная ночь слежки не приносит результат.

Мэйдд молчит. Макс тоже молчит, зная, что она обижается на него. Не говорит, но обижается. Примирение приходит лишь в кровати.

— Знаешь, я еще никогда не встречалась с мужчиной, который знал бы меня так, как знаешь ты, — говорит Мэйдд.

Они курят и смотрят, как за окнами начинается утро.

И так проходит почти неделя. Долгая неделя этой странной, нереальной жизни. И кажется, что время замерло. Весь этот мир замер. Кажется Максу и Мэйдд. Кажется, пока они наконец-то не попадают на кровавую вечеринку в доме на окраине кладбища Пэйн Гров.

Они сворачивают с дороги, выходят из машины. Отбросить страх и сомнения, подняться по деревянным ступеням и постучать в дверь. На входе охранник, похожий на минотавра из древнего греческого мифа. Он долго отказывается пропустить новых гостей в дом, и Мэйдд приходится рассказать ему почти всю историю своей жизни. Он хмурится, затем что-то хмыкает себе под нос, соглашаясь отвести их к хозяйке дома.

И вот они внутри. Вот идут по коридорам этого мифического лабиринта минотавра. Ночь только началась, но людей уже много. Их голоса звенят в бесконечных коридорах, как звенит где-то далеко поглощенная деревянными стенами музыка. Коридоров здесь много, словно это действительно лабиринт. Найдется ли в этом безумии Ариадна, нить которой поможет выбраться отсюда? А охранник все ведет и ведет их куда-то. Есть ли здесь что-то еще, кроме погруженных в полумрак коридоров? Не иллюзия ли все эти далекие приглушенные голоса?

Макс замирает. Коридор разделяется. Охранник сворачивает направо, но там, впереди Макс видит женщину. Она стоит на коленях перед мужчиной. Макс вспоминает свой сон о Ясмин. На этой женщине такое же строгое черное платье. Лишь голова не двигается в такт песни любви. Все замерло, словно картина. Замирает и Макс. Он стоит и смотрит, пока женщина не начинает чувствовать его взгляд. Голова ее медленно поворачивается. Что-то густое вытекает у нее из приоткрытого рта, струится по подбородку, капает на платье. Что-то темное. «Кровь! Это же кровь!» — понимает Макс. Кровь продолжает течь из прокущенной артерии на ноге мужчины.

— Тоже хочешь заработать? — спрашивает Макса женщина. Ее ключий взгляд буквально ощупывает его, изучает.

— Не отставай, черт возьми! — рычит на Макса охранник.

Он приводит их в обитую красным бархатом комнату. Макс не знает, играет ли с ним воображение злую шутку, или же это на самом деле, но ему

кажется, что все в этом доме пропитано запахом крови и спермы, а в самом воздухе вибрирует что-то нечеловеческое, извращенное до безумия.

— Ждите здесь, — говорит охранник. Он уходит. Макс слышит, как запирается дверь. Окон нет. Они в ловушке здесь. И что дальше?

— Не бойся, — говорит Мэйдд.

— Я и не боюсь, — врет Макс. Мэйдд улыбается.

Теперь оглядеться. Тяжелый дубовый стол завален бумагами. Кожаное кресло старое, пропахшее пылью десятилетий. С потолка свисает цепь, на которой висит клетка с крупным белоснежным попугаем какаду, который не то спит, не то давно превращен в набитое паклей чучело. У стен пара шкафов с запыленными книгами. На полу протертый ковер.

— Это что, кровь? — спрашивает Макс, указывая на несмываемые пятна, оставшиеся на дощатом полу.

Кто-то открывает дверь. На пороге женщина в строгом черном платье, которую Макс видел в коридоре.

— Я — Рада, — говорит она, протягивая руку. — Броган сказал, у вас есть разговор? — Ее темные, цыганские глаза скользят по незваным гостям. Макс чувствует, как что-то неприятное, холодное проникает в голову. Она изучает его так же, как изучала Мэйдд. — О, не удивляйся, — говорит Рада. — Такие старые слуги, как я, способны на многое. — Теперь ее взгляд устремляется к Мэйдд. — А ты похожа на свою мать, — говорит она.

— Ты знала мою мать? — растерянно спрашивает Мэйдд. Рада улыбается. На вид ей не больше тридцати. Рост средний. Кожа смуглая. Волосы черные, длинные. Грудь полная — Макс видит на ней засыхающие капли крови.

— Можешь идти, — говорит Рада охраннику по имени Броган. Минотавр уходит. — Так значит, Гэврил в беде? — спрашивает Рада. Мэйдд молчит. В повисшей тишине неожиданно просыпается какаду.

— Гэврил? — спрашивает он. От этого голоса Макс невольно вздрогивает.

— О, не бойтесь, — говорит Рада. — Я служу только одному хозяину. Мэйдд спрашивает о балерине по имени Саша Вайнер:

— Это твой хозяин посыпает ей кровь?

— Он не поможет тебе избавиться от Гэврила, — говорит Рада, читая мысли Мэйдд, вскидывает руку и устало просит не рассказывать о том, что снится Мэйдд. — Хватит с меня и того, что я видела в твоих воспоминаниях.

— Но... — Мэйдд растерянно оглядывается, словно ища невидимого союзника, который может помочь ей подобрать нужные слова. Но из союзников лишь молодой Макс Бонер да старый попугай, который снова погрузился в свой меланхоличный сон.

— Странные времена настали для этого мира, — говорит Рада. Она смотрит Мэйдд в глаза и рассказывает о ее матери. — Ты знаешь, что она боялась тебя? Боялась, что ты особенная, но еще больше боялась, что полюбит тебя. Тогда бы Гэврил пришел и забрал тебя. Забрал твою жизнь или твою душу. Все зависит от того, что заставило бы твою мать страдать сильнее. Такой вот маленький, уродливый Бог, — на губах Рады улыбка. — Но Бог пал. Жаль, что охотники добрались до твоей матери раньше, и она не смогла увидеть крах ее хозяина.

— Если ты ненавидишь его, то почему не хочешь помочь мне убить его? — спрашивает Мэйдд.

— Разве я сказала, что ненавижу его? Мне плевать. Плевать на все. За две сотни лет, которые я прожила, уже ничто не удивляет, не вызывает сочувствия.

— Почему бы тогда тебе не познакомить меня с хозяином? Пусть он решает, помогать мне или нет.

— Он уже ничего не решит, маленькая Мэйдд. Он сбежал. Может быть, мертв. Не знаю. Мир изменился. Древних становится все меньше. На их смену приходит молодая поросль. Думаю, это насмешка судьбы. Слуги шепчутся, что древним пришел конец. Мой хозяин, Клодиу, сбежал, когда одна из молодых тварей едва не добралась до него. Не знаю, что с ним сейчас. Но рано или поздно доберутся и до него. Как когда-то давно охотники добрались до твоей матери. Но раньше охотились только на нас, на слуг. Сейчас же все изменилось. Так что, как видишь, я ничем не могу помочь тебе. Моего хозяина нет, — Рада неожиданно улыбается. — Только не думай, что сможешь договориться с молодой порослью. Не выйдет. Это не древние. Они живут не больше года и за этот год пытаются взять столько, сколько позволит жизнь. Большинство из них настолько безумны, что сородичи сами убивают их... Очень странный мир... Но... но ты можешь попытать удачу с другими слугами. Никто, конечно, не признается, что знает, как связаться со своим хозяином, но, думаю, как только ты скажешь им, что хочешь убить Гэврила, это заинтересует многих.

— Гэврила? — снова неожиданно и как-то зловеще оживляется старый какаду.

— Почему их должно заинтересовать убийство Гэврила? — спрашивает Мэйдд.

Рада улыбается.

— Говорят, молодая поросль началась с него, — говорит она, и какаду в клетке неожиданно издает громкий, режущий уши крик, словно требуя дать ему спокойно поспать.

— Чертова птица, — бормочет Макс Бонер, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Глава третья

Седьмой век нашей эры. Балканский полуостров. Склон горы Юм-рукчал. Семья славянских переселенцев во втором поколении. Старик Валес сидит у очага. Ночь спускается на горы. Скоро начнутся снегопады. Беззубый старик поддерживает огонь. Внуки притихли. Старшего из них, мальчика, зовут Джэвор. Его мать умерла месяц назад во время родов четвертого ребенка. Он помогал отцу копать могилу. Отца зовут Притбор. Он старший сын старика Валеса. Теперь, когда мать Джэвора мертва, о детях заботится сестра Притбора — Мокош. Остальные дети старика Валеса ушли, пожелав жить в поселении, а не отдельно, скрыто от людей. Старик смотрит на огонь. Когда-нибудь уйдет и сын Притбор. Он молод и ему нужна женщина. Как нужен мужчина его дочери Мокош. Но старик знает, что сам он останется в этом доме. Даже если его покинут все дети и внуки, он все равно останется, потому что с этим домом связано слишком много воспоминаний. Потому что он любит эту монолитную бессмертную гору, в плоти которой он построил свой дом.

Клодиу почувствовал запах этих жизней издалека. Новая жизнь, которая пришла в древние земли. Чужаки, но, видит бог, если они будут с таким усердием удобрять эту землю своими костями, то рано или поздно она станет по праву принадлежать им. А ведь еще недавно здесь находилась Фракия. Еще недавно здесь звучал греческий язык и правила Римская империя. Клодиу грустит по этим временам. С падением великой империи, кажется, что-то рухнуло и внутри него самого. Какая-то часть разума, часть цивилизации. А ведь он любил этот павший мир. Он мечтал, что будет расти вместе с этим миром, который пытался восстать из вечных руин хаоса жизни. Клодиу тоже надеялся, что сможет расти, уходить от своей природы.

Во время чумы, выкосившей население империи, он смог не питаться людьми долгие месяцы. Иногда это сводило с ума, но в эти моменты он выходил на улицу и осушал тех, кто был уже так плох, что сам просил забрать у него жизнь. Зараженная чумой кровь приносила боль. Кло-

диу возвращался в свои покой и долгие дни боролся с горячкой. Потом приходили дни самоконтроля и трезвости. Дни понимания жизни, ее ценности.

Собственная жизнь и духовный рост напоминали Клодиу рост империи, которая сначала просто завоевывает то, что ей нужно, считая себя владыкой мира, но затем, уже при Вергилии, осознает свою власть и силу, принимая на себя обязанности миротворцев. Идея мира становится идеалом. Об этом говорят Плиний и Плутарх, с которыми Клодиу лично знаком. Империя становится якорем, который сдерживает дикость и анархию, совмещает те вещи, которые прежде казались несовместимыми...

Но потом империя затрещала по швам. Молодой мир обжегся, но вместо того, чтобы отдернуть от огня свою детскую руку, вошел в костер тщеславия и вспыхнул. Если бы Клодиу мог умереть, то он предпочел бы прекратить свое существование вместе с империей. Но он не мог. Оставалось скитаться от дома к дому и будоражить людей дикими историями, которые почему-то никак не хотели забываться.

Уцелевшие цивилизованные семьи принимали Клодиу, как странствующего мудреца. Они давали ему кров, постель. Он платил им своими историями, которые заканчивались неизбежным коллапсом мира. Вместе с этим миром терпел крах и сам Клодиу. Он жил в приютившей его семье так долго, как только мог, потом забирал их жизни, представляя, что это умирающие от чумы бедолаги, которые сами умоляют его убить их, выпить их кровь. И когда все кончалось, он чувствовал ту же боль и жар, что приходили после того, как ему случалось испить зараженной крови...

В сгущавшихся сумерках Клодиу поднялся на склон горы и поступал в дверь семьи славянских переселенцев. Их язык был знаком, но никогда не нравился Клодиу. Они встретили странника холодно, недружелюбно. Оружие держал каждый, кто мог. Дряхлый старик и тот зажряхтел, поднимаясь на ноги с горящим поленом в руках. Клодиу мог убить их всех раньше, чем они смогли бы понять, что случилось, но он убеждал себя, что на этот раз все будет иначе. На этот раз он ушел от своей жажды, от своего безумия.

— Я всего лишь странник, — мирно сказал он на солунском диалекте.

Старик Валес и его сын Притбор переглянулись, отмечая, что у незваного гостя под нищенскими одеждами нет оружия, а сам он так худ и узкоплеч, что, кажется, не сможет справиться даже с Джевором — старшим сыном Притбора или с дочерью старика Валеса — Мокош.

— Никакой опасности. Никакого оружия, — сказал им Клодиу, достал из своей сумки кусок свежего мяса косули, покосился на пару убитых норок, тошнотворный запах которых не мог перебить дымящий

очаг. — Косуля лучше, чем норка. Верно? — спросил Клодиу, впервые встретившись взглядом с Мокош.

Девушка смущилась, но тут же ее взгляд уцепился за предложенное чужаком лакомство. Она схватила старика Валеса за руку и указала на мясо в руках Клодиу. Старик долго хмурился, затем кивнул.

Пока готовилось мясо, Клодиу пытался рассказывать семье о павшей империи, но их язык был слишком простым, слишком примитивным. Да и не могли они понять, что такое империя. Центром их мира был склон горы Юмрукчал.

Клодиу прожил с этой семьей почти месяц. Холодным дождливым утром он уходил охотиться. Скорость древнего позволяла ему ловить косулей и оленей. Их мясо было сладким. Мокош готовила его на огне, а вечером вся семья сидела возле очага и слушала за ужином странные рассказы Клодиу. Он хотел научить их, хотел объяснить им, каким может быть этот мир, но их интересовало только мясо, которое он доставал для них. В остальном они не понимали его. Не понимали трагедию павшей империи, которую любил Клодиу. Не понимали мудрость Клодиу, его истины, взгляды. Зато они хорошо поняли его силу. Это случилось, когда в их дом пришли чужаки и попытались силой забрать запасы еды и Мокош. Клодиу не хотел вмешиваться, но и позволить причинить вред приютившей его семье не мог.

Притбор и его старший сын Джэвор схватились за оружие, но захватчиков было слишком много. Четверо из них окружали хижину, а трое уже тащили Мокош вниз по склону горы. Она кричала и пыталась сопротивляться. Огонь в очаге все еще горел, и один из нападавших предложил сжечь хижину вместе с ее жителями. Клодиу смотрел, как он пытается зажечь промокшие от дождей стены. Смотрел, как трясется старик Валес, проклиная старость и беспомощность, как рычит, давясь яростью, Притбор. Кажется, еще мгновение, и он бросится на приставленное к его груди лезвие короткого клинка.

— Не надо, — говорит ему Клодиу, — не делай этого.

Захватчики смеются. Но они для Клодиу лишь букашки, которых он может раздавить в любой момент. Нет ни страха, ни предвкушения битвы. Только пустота и безразличие, с которыми от начала времен борется Клодиу. И еще усталость, с которой он несет смерть. Ломает кости, разрывает глотки. Он не смотрит на приютившую его семью, которой он даровал свободу. Кровь капает у него с рук, заливает одежду. Напуганные дети плачут еще громче. От растерянности старик Валес упал на колени. Ветер треплет его седые длинные волосы и пропахшие дымом очага лохмотья.

— Мокош! — Шепчет он дрожащим голосом. — Верни Мокош!

Его выцветшие голубые глаза смотрят на залитые кровью руки Клодиу. Кровь, кажется, повсюду. К тому же все произошло так быстро, что

никто не успел понять, увидеть деталей. Неужели этот щуплый, болезненно-бледный странник может учинить нечто подобное? Словно норка вдруг превратилась в чертовски быстрого медведя. Происходящее заставило онеметь не только старика Валеса, но и его сына Притбора. Но Клодиу уже не смотрит на них.

Он спускается со склона горы. Похитители — грязные, дикие, устали тащить Мокош, бросили на землю и теперь спорят, кто будет насиловать ее первым. Мокош поднимается, пытается сбежать. Они сбивают ее с ног и снова спорят. Клодиу ломает шею одному из них, забирает его нож и вспарывает им брюхо другому. Насильник падает на колени, хрипит, сплевывая кровь, пытается держать вываливающиеся из живота внутренности. Он еще жив, когда Клодиу помогает Мокош подняться, но смерть уже блестит у него в глазах.

Когда Клодиу возвращается в хижину, старик Валес и его старший сын уже хоронят напавших на них людей. Мокош приносит воды и помогает Клодиу отмыться от крови. Ее взгляд напоминает ему взгляды римских женщин, которые они метали в сторону захваченных варваров — жадные, голодные, завистливые.

Позже, ночью, когда все засыпают, Мокош пробирается в устроенную на сухой траве постель Клодиу. Она целует его в губы и прижимается к нему своим горячим телом. Целует так неопытно, но так жадно. После развернутой знати павшей империи для Клодиу это как-то непривычно. И еще эти мысли! Клодиу не любит заглядывать людям в головы, но сейчас Мокош думает лишь об этом. Она не хочет Клодиу, она хочет ребенка от него. Сильного, быстрого. Ум Клодиу ей не интересен. Она уже видит, как ее сын охотится на косулей, защищает их жалкий дом, оберегает ее, братьев, ее отца, его детей. И весь этот жар рожден только этой фантазией, этой мечтой. И весь этот примитивный мир все так же вращается вокруг склона горы Юмрукчал.

Клодиу пытался бороться со своим отвращением, но это было сильнее его. Даже не отвращение, а безразличие. Эта человеческая самка, прижимающаяся к нему, была сейчас не более чем косуля, которых в последние дни Клодиу так часто лишал жизни, чтобы накормить мясом эту семью, этих примитивных животных. Какие-то невыносимые страдания и безнадежность заполнили сознание. Метаморфозы вспыхнули на лице Клодиу. Челость вытянулась, появились тонкие, как иглы клыки. Мокош ахнула и замерла, парализованная. Но Клодиу не хотел, чтобы она молчала. Пусть она кричит. Пусть борется за свою жизнь, как это делали косули, мясом которых он кормил ее целый месяц...

Когда Клодиу вышел из хижины, семья, приютившая его, была мертва. Кровь заливалась Клодиу с головы до ног. И не было ничего кроме боли и страдания. Эти чувства были такими сильными, что проще

было забыться, заставить себя ничего не чувствовать, бродить по диким землям и нигде не останавливаться. День за днем, неделя за неделей. Бродить и знать, что позади осталась целая вечность таких скитаний, и такая же вечность еще ждет впереди. И нет выхода из этого. Проходить мимо домов и селений. Нигде не останавливаться. Пусть сырость канет в скитаниях и придет голод. В голоде есть смысл. С голодом можно бороться. Но голод всегда побеждает.

Снова и снова Клодиу вспоминал Мокош, вспоминал свою последнюю жертву. Нет, он больше не хотел свою силу. Ему больше не нужна была вечность. Он хотел умереть. Встретить кого-нибудь достаточно древнего, подобного себе, и попросить его забрать эту глупую ненужную жизнь. Его жизнь. Жизнь Клодиу.

Он не питался почти год, ослаб до того, что едва мог передвигать ноги. А вокруг были все эти недолговечные саракты с их населением, во главе которого стоял свой собственный ханас ювигий, считавший себя центром этого мира, как когда-то семья Мокош считала центром мира гору Юмрукчал.

Несколько раз Клодиу пытались ограбить, но у него не было ничего кроме лохмотьев. В одной из деревень дети бросали его камнями. На безлюдной дороге между сарактами его несколько раз протыкали кинжалами. Зачастую это были такие же оборванцы. Лишь однажды, ради забавы, его изрезал своим коротким ножом изгнанный из своего поселения жрец. Тело Клодиу кровоточило. Убийцы ликовали и шли дальше. Они не видели, как исцеляются раны. Но сил у Клодиу было все меньше. Голод становился сильнее. Упасть на краю дороги, лежать, глядя в небо, считая дни.

Клодиу едва мог пошевелить рукой, когда его умирающее тело начали терзать голодные волки. Такие же голодные, как и он. Клодиу не сопротивлялся. Но тело восстанавливалось быстрее, чем ели хищники. Потом появился покрытый струпьями старик. Он долго стоял над телом Клодиу и сокрушался, что здесь нечем поживиться. Но в его мыслях не было алчности. Лишь тупое движение вперед, бессмысленная борьба за жизнь. Ничего другого. Но неожиданно, когда старик смотрел на истерзанное тело Клодиу, в его голове что-то щелкнуло и сломалось. Он закряхтел, лег рядом с Клодиу и начал ждать, когда придет смерть. Но смерть не спешила забрать его. Старик лежал, тяжело дыша, и молился, сам не понимая кому, чтобы закончились эти мучения.

Ночью, когда пришли волки, старик был еще жив. Но сил, чтобы спастись, избежав страшной смерти от голодных хищников, не было. Оставалось лишь молиться с удвоенной силой. Молиться всем и никому. Молиться звездам, языческим богам и христианским, о которых старик где-то слышал, но уже не помнит где. Нет, Клодиу не может позво-лить ему страдать.

Его голод подчиняет рассудок. Его сострадание оживляет обессиленное тело. Искрятся метаморфозы. Волки рычат, но не уходят. Клодиу пьет горькую кровь старика. Окру жившие их хищники чувствуют запах крови. Но силы уже возвращаются к Клодиу. Голод ликует. Осушить старика, разорвать волков. Теперь стоять в центре этого кровавого безумия и смотреть на тощее тело старика. Смог бы он понять и простить, если бы Клодиу рассказал ему, кто он? Сожаление и пустота возвращаются. Нет. Не думать. Упасть на колени, копать руками могилу. Страдания приносят покой. Теперь постоять над могилой старика и идти прочь. Скитаться. Снова искать смерть. И снова забирать жизни.

Клодиу не знал, сколько прошло лет, десятилетий, веков прежде чем он пришел в город под названием Плиска. Он голодал, он поддавался безумию и истреблял целые поселения. Все было, как в тумане. Только так можно было отбросить прошлое и попробовать начать все заново.

Молодой город был окружен рвом и земляным валом, но это не спасло его от разорения византийцами. Захватчики ушли, оставив в память о себе смерть. Сбежавшие жители с опаской возвращались в город и шептались о битве при Вырбишском проходе, где хан Крум разбил византийцев, сделав из головы императора Никифора чашу для вина.

Клодиу нанялся рабочим в ночную смену, чтобы заново отстроить сожженный дворец Крума. Он мог стать повелителем этого города, всего этого нового крохотчного мира, но предпочитал оставаться никем, смешиваться с толпой. Ведь он уже был когда-то правителем.

Тысячелетиями эти хрупкие, так мало живущие люди служили ему и таким, как он. Теперь настало время служить им. Египет остался в прошлом. Греция осталась в прошлом. Уже в Римской империи Клодиу решил, что будет служить, а не править. Он устал править. Но и служить в этом новом болгарском царстве было мучительно скучно. И скука приносila страдания, опустошенность. В такие моменты Клодиу хотел просто лежать и ждать своего бездомного, который ляжет рядом и будет просить его забрать ненужную жизнь. Одну из многих ненужных, потерянных жизней. Клодиу видел их повсюду. Они приходили из ниоткуда и уходили в никуда, терялись в суете растущего города. И так год за годом, десятилетие за десятилетием.

Клодиу убеждал себя, что нужно подождать и мир расцветет. Мир, который он будет знать практически от рождения, не придет в его уже сложившееся лено, а построит его сам, построит, притворяясь простым человеком. Ведь впереди у него вечность. Он может подождать. Не обязательно бежать туда, где снова вспыхивает пламя цивилизации. Оставаться там, куда привела его судьба. И смотреть, и ждать, и надеяться.

Иногда Клодиу сближался с нищими семьями. Иногда семьи были богаче. Он мог рассказать им историю всего мира, но им нужны были

только его умелые руки ремесленника. Всем в этом сером, непоэтичном, непрозорливом мире нужны ремесленники. Новый хан, сменивший хана Хрума — Омуртаг, поощряет ремесленников, стимулирует их. Он заново отстраивает Плиску. За высокими каменными стенами города возводятся новый дворец и языческий храм. Войны с Византией заставляют людей преследовать христианство, воспринимая его как веру врага. Обезглавлены епископ Леонтий, клирики Гаврил и Сионий. Священник Парод был забит камнями. Странствующий монах с греческой библией был повешен возле крепостных стен Плиски.

Семья ремесленников, в которой жил Клодиу, ликовала и смеялась. Смеялись и дети, которых родители отвели посмотреть на повешенного христианина. Клодиу никогда не испытывал интереса к этой вере, но греческая библия, которую сожгли под телом повешенного монаха, напомнила ему о далеких, забытых временах, когда он видел, как расцветает мир, которому суждено пасть из-за таких, как жители этого города. Они смеются, они ликуют. Но они — никто. Они не создают, они лишь разрушают или приспосабливаются. Гнев поднимался в Клодиу не один день, заставив в итоге забрать жизни семьи ремесленников, в которой он жил. Клодиу не сразу понял, что случилось. Сознание вернулось, когда в доме лежали шесть обескровленных тел. И не было больше гнева. Только боль от понимания того, что он ничуть не лучше этих примитивных людей. Но боль проходит. Клодиу уже выучил это за тысячи лет. Поэтому нужно отмыться и уйти из дома, где не осталось ничего, кроме смерти. Уйти, заверяя себя, что нужно быть терпимым, нужно уметь ждать. Семена культуры заложены в каждый мир. Рано или поздно они должны взойти.

И первые ростки действительно появились. Это случилось во время правления Богориса. Устав от войн с христианской Византией, правитель принял решение принять христианство и крестить свое небольшое царство. Клодиу было плевать на религию этого царства, но следом за христианством Богорис основал в Плиске Преславскую книжную школу, во главе которой стояли изгнанные из католической Германии ученики Кирилла и Мефодия — Климент, Наум, Ангелария.

Но школа просуществовала в Плиске недолго. Новый правитель Симеон перенес ее в новую столицу — Преслав, где отголоски язычества были не так сильны. Клодиу счел это знаком и отправился следом за книжной школой в Преслав. Там он предложил свои услуги переводчика и помогал создавать новую письменность болгарского царства. Он переводил библию и христианские книги на старославянский язык. Участвовал в творческой, учебной и художественной работе школы. Именно Клодиу предложил начать создавать в школе керамику — искусство, которым он овладел еще в период эпохи Дземон, много ты-

сячелетий назад, когда жил на острове Хонсю. Его личными друзьями в книжной школе были Константин Преславский, Черноризец Храбр, Иоанн Экзарх. Не последнюю роль Клодиу сыграл в создании Азбучной молитвы, рассказав Константину Преславскому о стихотворении Григория Богослова, жившего много веков назад. Стихотворение называлось Алфавитарь, и в нем каждая новая строка начиналась с идущей по порядку буквы греческого алфавита...

Время просветления было недолгим. Византийские войска Иоанна Цимисхия захватывают Преслав. И школа горит. Люди кричат. Десятки трудов умирают в языках пожарища. Лишь немногие из этих работ ученики смогут восстановить по памяти. Клодиу лично потратит не один год на то, чтобы возродить творения Константина Преславского. Но было величия и процветания уже не будет. Наоборот. Под византийцами город приходит в упадок.

Иногда, мстя им за это разорение, Клодиу забирает их жизни, осушает их тела. Во время восстания Петра и Асеня он присоединяется к их войскам, но победа над Византией не может спасти умирающий город и восстановить сожженную школу. Страна содрогается от войн и внутренних распрай. Лишь появление царя Калояна приносит порядок.

Под его знаменами Клодиу завоевывает Одессос — последний оплот Византии на территории Болгарии. В качестве солдата Клодиу мечется по улицам павшего города и несет смерть. В те дни он смутно понимает, что делает — его ведут голод и жажда. Война — замечательное время для незаметного убийства. Для сотен убийств. Растрезанные тела сваливают в крепостные рвы.

Молодая девушка, едва созревшая для любви. Дочь правителя павшего города. Дорогие одежды разорваны. В глазах такая же пустота, как и в глазах Клодиу, когда голод утолен, но он знает, что продолжит убивать. По крайней мере, в эту ночь. Метаморфозы искрятся, изменяя его лицо. Острые, как иглы зубы. Он может выпить свою жертву, не причинив серьезных ран, но Клодиу нравится разрывать эти хрупкие глотки. Пить кровь, чувствуя, как ее фонтаны бьют ему в лицо. И сейчас, когда он забирает жизнь еще одного солдата, дочь правителя Одессоса смотрит на него и ничего не чувствует. Клодиу видит это в ее мыслях. Ее зовут Максимо из рода Хоматиан. Никто из победителей не знает об этом. Для вкусивших кровь солдат она лишь женщина. За последний день ее насиловали столько раз, что она уже не помнит всех своих мучителей. Десятки лиц мелькают перед глазами. Она лишь думает, почему они не убьют ее? Почему продолжают истязать снова и снова? Да. В эту ночь она ищет смерть. Идет к своей смерти. И Клодиу не может отказать ей.

Зубы-иглы протыкают артерии. Он осушает ее. Она умирает, глядя ей в глаза. Этот взгляд проникает в Клодиу так же, как проникает

чума — боль и отчаяние. Он видит ее глаза так же, как она видела лица своих насильников. Ее мысли остались в его сознании. Как же много она знала, как же много она планировала узнать. Но все это закончилось здесь и сейчас.

Клодиу относит ее за стены разграбленного, обесчещенного города — это дитя не должно гнить в общей могиле, устроенной в крепостных рвах. Клодиу сжигает ее. Пара пьяных солдат спрашивают, что он делает. Он забирает их жизни. Но жажда становится лишь сильнее. Вернуться в крепость, найти тех, кто забрал у Максимо желание жить.

Клодиу убивает их медленно, неспешно. Смакует их смерть так же, как они смаковали юное тело девушки, которую насиливали. Сражение закончено, но ночь крови будет продолжаться до утра. Потом Клодиу забывается в самый темный угол покоренного города и будет ждать, когда пройдет безумие, когда боль сотен забранных жизней оставит его. А потом новые походы и новые сражения, новая кровь, новый голод.

Головы крестоносцев слетают с плеч. Болгары громят новую власть Константинополя. Власть императора Калояна распространяется почти на весь балканский полуостров. Восстание в городе Пловдив — предводитель повешен на центральной площади... Но войны с Византией не могут длиться вечно. Так появляются новые враги — Венгрия и Сербия. У Болгарии новый царь — Иоанн-Александр. Начинается недолгий период расцвета.

Клодиу встречает короткий золотой век залитым кровью и на грани безумия. Или все грани давно уже были пройдены? Но расцвет культуры напоминает ему что-то былое, что-то забытое. Возможно Грецию или Рим. Что значат века и тысячелетия для существа у которого позади целая вечность, а впереди бездонная пропасть времени, в которую он обречен падать всю жизнь. И где-то там, впереди, всегда будет маячить лицо девушки Максимо из рода Хоматиан. Сотен таких девушек, тысяч, у которых Клодиу забрал жизнь — невинных, чистых. Но все они прошли его об этом. Он хочет верить, что просили. Но все это случается в дикие, безумные времена. Ради культуры стоит жить, стоит бороться с безумием. Поэтому Клодиу снова начинает голодать.

Бродит вдали от городов и селений. Его тянет в горы. Снега ждут его. Зима сменяется летом. Клодиу не знает, сколько проводит там лет. Но ему нравится эта тишина и покой. И еще нравится думать, что где-то там, совсем рядом, расцветает культура этого молодого царства. Он думает об этом на плоских, покрытых лугами вершинах, затем спускается по крутым склонам и снова поднимается, желая истощить тело, избавиться от голода. Эти скитания приводят его к горе Юмрукчал.

Прошедшие века почти стерли с лица земли хижину, где когда-то давно жил старик Валес и его семья, которую убил Клодиу. Он помнит

девушку, Мокош. Ее лицо навсегда внутри него. Клодиу забирается в оставшийся каменный остов дома, лежит там долгими днями, затем решает, что это хорошее место и что здесь можно остановиться на пару лет, пока безумие окончательно не оставит его в покое.

Так на склоне горы появляется еще один дом. Крепкий, надежный — в голове Клодиу много знаний, он любит знания, будь то иконопись или же закладка фундамента. Ему все равно. Он бессмертен и в знаниях суть его жизни. Так, по крайней мере, он думает, когда строит дом на склоне горы Юмрукчал. И девушка, которая приходит к нему, кажется, похожа на Мокош. Ее зовут Века, и она умирает, потому что у нее больные легкие. Поэтому она и ушла из своего поселения в горы, чтобы забыться и умереть.

— Ты не умрешь, — пообещал ей Клодиу. — Если хочешь, то не умрешь.

— Ты просто жалеешь меня, — сказала Века. — Жалеешь и потому врешь. Но я прощаю тебя. — Она смотрела Клодиу в глаза и улыбалась, а на губах у нее блестела алая кровавая пена. Он хотел рассказать ей о сотнях таких же несчастных, которых хранит в своей памяти, которые живут в его памяти, но не мог.

Тысячелетия назад на северо-востоке Африки, вдоль нижнего течения реки Нил, в стране Та-кемет у Клодиу были не только воспоминания, но и рабы. Сотни слуг и еще тысячи тех, кто поклонялся ему, как богу. Он помнил те времена так же хорошо, как помнил то, что было пару лет назад. Помнил, как поселился в городе Инбу-хедж на западном берегу Нила.

Это было начало древней цивилизации, расцвет. Он и его слуги помогали этому городу распуститься, расцвести. Они принимали всех: сирийцев, финикийцев, греков, евреев... Клодиу возвел для жителей храмы и подарил богов, которым они могли поклоняться. Он знал, что где-то на земле существует множество его собратьев, которым нравится, что люди чтут их, как богов, приносят им жертвы. Но Клодиу никогда не хотел стать богом. Это накладывало ответственность. Проще было завести себе слуг, притвориться обычным человеком, позволяя людям вокруг расти духовно, и чувствовать, как растешь вместе с ними. Но прошлое преследовало Клодиу.

До того, как он решил стать простым человеком, его называли Птах. Это значило — тот, кто по ту сторону творения, тот, кто в вечности. Вера в этого бога процветала в Инбу-хедж, и Клодиу решил оставить людям их надежды. В текстах гробниц он иногда встречал изречения, приписанные Птаху, но которые он в действительности никогда не произносил: «Я Тот, Кто в вечности, повелитель богов, царь небесный, творец душ, правитель неба и земли, дарующий душам венцы, существен-

ность и бытие, Я творец душ и жизнь их в руке Моей, когда Я желаю, Я творю, и живут они, ибо Я творящее слово, которое на устах Моих и премудрость, которая в теле Моем, достоинство Мое в руках моих, Я — Господь».

Клодиу не нравились эти надписи, но и бороться он с ними не хотел, не хотел отбирать у людей их веру, ведь когда-то он действительно был тем, кем его называли. Конечно, теперь он понимал, что это было ошибкой, но разве тогда ему было до этого дела? В те времена люди только пытались стать людьми. Но сейчас все изменилось. Даже от своего посоха уаса, с которым изображали его рисунки на камнях, он избавился. Осталась лишь одежды, которые скрывают от палящего солнца тело. Солнца, которое не может убить его, но причиняет так много неудобств. Нашлось в преданиях место и для слуг Клодиу. Их изображали как богов, которых создал Птах. Сохранилась пара настоящих имен: Нун и Амунет.

Эта пара жила рядом с Клодиу почти три сотни лет. Он называл их первыми разумными людьми нового времени. Да по сути это были и не слуги. Клодиу нашел себе друзей. Но друзья ушли, устали от вечности, которую даровала им его кровь. Они поднялись на вершину пирамиды и дождались рассвета — солнце сожрало их тела.

После них был древний мудрец Птахопеп, названный в честь бога Птаха. Клодиу не превратил его в слугу, но спас от смерти, заставив в час болезни выпить свою кровь. После смерти Нуна и Амунет он вообще больше не хотел заводить друзей. Не хотел он заводить и слуг, упиваясь естественным расцветом мира. Но слуги были нужны. Они помогали этому миру расти, оберегали его от внешнего воздействия. Да и с голодом в те времена Клодиу еще не умел бороться. Потому он и был богом — просто отстроил себе храм и ждал, когда люди принесут ему очередную жертву. Но времена эти канули в века, и Клодиу не собирался вставать на пути этого роста.

Царь Мином построил плотину, изменил русло реки и возле древнего храма, возведенного в честь Птаха, построил новый город Инбу-хедж. Город вырос и стал культурным, торговым и административным центром нового мира. Были в нем паломники из Азии и Африки. Были в нем ремесленники и мыслители...

Кашель умирающей Веки прервал воспоминания Клодиу. Ноги ее подогнулись, она осела как-то неестественно, словно упавший с дерева лист. Клодиу, не двигаясь, смотрел на нее, все еще чувствуя звуки воспоминаний, запахи пыли... Века прокашлялась и попросила у Клодиу воды. Он ушел в свою хижину. Сделанный из глины кувшин с водой стоял на грубом столе. Все это Клодиу сделал своими руками. Мог бы сделать лучше, да решил, что в этой хижине мебель и инвентарь должны быть простыми и грубыми. Он налил в глиняную чашку воды, снова

услышал кашель умирающей Веки, вылил воду на пол, прокусил себе запястье и наполнил чашку своей кровью.

— Пей, — велел он Веке, вкладывая глиняную чашку в ее руки. Она сделала пару глотков и снова зашлась кашлем. — Пей до дна, — сказал Клодиу.

— Какая странная у тебя на вкус вода, — сказала Века, сделала еще несколько жадных глотков и отключилась.

Ей снилась прежняя жизнь. Ее родители, ее дети, которых она покинула, боясь, что заразит их. Она смеется, но в глазах стоят слезы. Ей снится прошлое, но она знает, что будет дальше. Знает, что придется покинуть этот маленький простой рай. Клодиу сидит рядом. Он видит все ее сны и воспоминания. Он знает, что она выживет, но сама Века еще думает, что скоро все закончится. Скоро она умрет.

Когда сон заканчивается, Века смотрит на Клодиу и извиняется, что отключилась.

— Я сейчас уйду, — говорит она. — Не хочу, чтобы и ты заразился.

— Я не заражусь.

— Ты не понимаешь... — Она смолкает, хмурится, впервые за последние месяцы способная дышать полной грудью. — Никогда не думала, что в горах так легко дышится, — говорит Века.

— Это не из-за гор, — говорит Клодиу.

— Что значит не из-за гор?

— Это моя кровь. — Клодиу показывает стакан, из которого она пила.

— Ты что, шаман? — спрашивает Века. В глазах ее сомнения и страх. Клодиу смотрит на нее и думает, что когда он был богом для людей, все было намного проще. Они приходили к нему, просили его сделать их его посланниками. Они хотели этого, а эта женщина... она просто боится.

Теперь попытаться объяснить. Века слушает, но не понимает. Она ничего не знает о далекой стране Та-кемет. Ничего не знает о жрецах. Не знает о вечности. Ее мир здесь. Этот молодой, ненадежный мир, который она покинула, чтобы спасти семью. Но сейчас она здорова. Она не хочет служить, не хочет, чтобы Клодиу стал ее хозяином. И если болезнь отступила, то все, чего она хочет — вернуться к своей семье, детям. Клодиу чувствует страх Веки. Страх, который она испытывает перед ним. Он — монстр, который напоил ее своей кровью. Он — плач, который хочет превратить ее в слугу, забрать ее прежнюю жизнь.

— Я не хочу, чтобы ты служила мне, — говорит Клодиу. Века кивает. Века думает лишь о том, как сбежать от этого монстра. — Ты можешь уйти.

— И ты не убьешь меня?

— Почему я должен убить тебя?

— Потому что ты говорил, что убил много людей. — Она снова думает о своих детях.

— Они замечательные, — говорит Клодиу. Века вздрагивает. — Я могу читать твои мысли, — объясняет Клодиу. Это пугает девушку еще больше. Монстр видит ее детей, может наложить на них проклятие или прийти ночью и забрать их жизни. — Ну хватит с меня! — злится Клодиу. — Просто уходи.

— И куда мне идти? — спрашивает Века, решив, что он специально отпускает ее для того, чтобы она привела его к своему дому. И снова безумные картины расправы. Старики стонут, дети плачут.

— Нет, я не собираюсь следить за тобой, — говорит Клодиу, но Века уже верит в свою собственную правду.

Даже после того, как Клодиу выгоняет ее из своей хижины, она продолжает следить за ним, долгие месяцы слоняясь по крутым горным склонам. Даже когда выпадает снег, Клодиу видит, как в небо поднимается белый дым от костра, который развел Века, чтобы согреться. Он пытается не замечать этого, игнорировать. Лишь когда на горных склонах появляются высадившиеся в Европе турки, Клодиу приходится вмешаться, чтобы спасти Веку.

Турки принадлежали к племени кайы. Клодиу почти не понимал их языка, но хорошо читал их мысли. Вместе с хорезмшахом Джелал-ад-Дином их племя служило сельджукскому султану. Позднее вождь племени Эртогул получил от румского султана Кай-Кубада земли возле города Анкара. Власть Эртогула росла. Но кайы, которых видел Клодиу, не желали служить вождю, храня верность его отцу, Сулейману Шаху, который утонул в реке Еврат, и многие винили в этой смерти его сына. Покинув Анкару, они отправились в Турк Мезари, где был погребен Сулейман, и уже оттуда в болгарское царство, надеясь найти себе место в чужих землях.

Их привлек дым от костра Веки. Предводитель по имени Улу долго взглядывался в крутой склон, пытаясь разглядеть следы засады. На его руках еще не успела засохнуть кровь крошечного поселения, которое они разграбили по дороге сюда. Но сейчас опасности, кажется, не было. Улу велел своим людям следовать за ним и начал подниматься на склон.

Века заметила их слишком поздно, чтобы успеть скрыться. Она выбралась из своего убогого убежища и начала карабкаться вверх, к вершине, где, как ей казалось, можно укрыться. Какое-то время ей удавался подъем по заснеженной горе, затем ноги заскользили. Века вскрикнула и полетела вниз, ударилась о навес хижины. Доски затрещали, сломались. Века упала на камни, едва не уткнувшись лицом в угли костра. Вместо лица угли жадно впились в кожу на руках, которыми оттолкнулась от костра Века. Боль обожгла ладони. Века снова вскрикнула.

— Это женщина! — оживился Улу, подгоняя свое маленькое войско, указывая им направление, чтобы окружить жертву.

Теперь Века продвигалась по обледенелой тропинке. Клодиу видел ее, видел ее преследователей. Несколько долгих мгновений он продолжал раздумывать, затем решил, что обязан во второй раз спасти Веку. Он приближался к ним со скоростью ветра. Кайы не сразу поняли, что это не мираж, не снежная взвесь.

— Кто ты такой? — зарычал Улу, когда Клодиу появился перед ним, словно демон снегов.

— Я не хочу никого убивать, — сказал Клодиу на османском литературном языке, который выучил, когда работал в Преславской книжной школе. Улу не понял его. Не разобрал ни единого слова. Клодиу увидел это в глазах Улу, в его мыслях. Люди Улу замерли с обнаженным оружием. — Просто уходите, — снова попытался Клодиу.

И снова Улу ничего не понял. В своих мыслях он уже догонял Веку, а чужак умирал на ледяной тропе. Тогда Клодиу показал ему то, что случится, если Улу и его люди не подчинятся. Улу вздрогнул, попятился, но затем поборол свой страх и бросился в атаку. Клодиу вырвал его сердце и бросил к ногам оставшихся кайы. Они не успели двинуться с места. Казалось, что сердце их предводителя все еще бьется.

— Я сказал, уходите, — тихо повторил Клодиу.

Турки зашептались, затем все вместе кинулись на чужака. Фонтаны крови залили белый снег. Клодиу убил почти всех. Ондер, увидев, как умирают его братья и друзья, бросил сражение и побежал за Векой, надеясь, захватив ее, выторговать себе свободу. Века сопротивлялась и пыталась вырваться. Несколько раз она ударила Ондера острым камнем по лицу, разорвав кожу. Ондер взревел и ударил ее ножом в живот. Бросив девушку, он побежал по крутыму склону вниз, споткнулся, покатился по заснеженной земле, разрывая о камни одежду и плоть.

Когда Клодиу подошел к Веке, она уже еле дышала. Ондер бежал где-то далеко. Клодиу мог догнать его, но ему не было до этого кайы никакого дела. Он прокусил себе запястье и теперь пытался снова напоить Веку своей кровью, спасти ее.

— Нет, не надо! — взмолилась Века, отталкивая его руку. — Я не хочу! Не хочу становиться такой, как ты. Не хочу становиться убийцей!

— Никто не заставляет тебя становиться убийцей! — Клодиу силой прижал свое прокущенное запястье к ее губам, но она не пила, лишь смотрела ему в глаза до боли щенячьим взглядом.

— Пожалуйста! — молили ее глаза.

Клодиу поднялся на ноги, отошел в сторону. Снова начинал падать снег. Века умирала медленно, мучительно, долго. Он ждал, пока жизнь не покинула ее тело. В ее последних мыслях ничего не было. Лишь

пустота, которая уже давно поселилась в сознании Клодиу. Пустота, которую он боится и ненавидит так же, как Века боялась и ненавидела своего спасителя. Он подарил ей жизнь, а она предпочла умереть, поддавшись страхам.

Клодиу ждал, пока падавший снег не скроет от глаз ее тело, затем вернулся в свою хижину. Зима только начиналась...

Ветер скребется в закрытую дверь. Клодиу лежит на холодной земле. Все как-то замерло. Вся его вечность замерла. Он хочет, чтобы время остановилось, и здесь, в горах, приблизиться к этому онемению проще всего. Лишь иногда где-то далеко проходят люди. Клодиу слышит их мысли, чувствует их желания. Его хижину заваливает снегом. Где-то далеко весна, или лето, или снова зима... Где-то далеко новый мир болгарского царства, который испытывает новое возрождение...

Но когда Клодиу выбирается из своего убежища, османы уже наводнили эти земли, завоевали Пловдив, в который планировал отправиться Клодиу. Еще можно отправиться в Софию или в Велико-Тырново, но что-то подсказывает Клодиу, что следом за городом Пловдив падут и другие города. И кажется, что расцвет культуры зашел в тупик раньше, чем успели распуститься первые цветы.

Клодиу бродит по разбитым непогодой дорогам. Дождь кажется бесконечным. Так много воспоминаний в эти дни. Так много дорог осталось позади, так мало желания идти вперед...

Молодая семья болгар покидает разоренное селение. Они напоминают ему Веку, напоминают Максимо, Мокош... Все они не хотят вечности, не хотят богатств. Им нужна только жизнь, но вокруг так много тех, кто пытается забрать эту жизнь. И Клодиу бродит по стране с этой семьей, оберегая их, защищая. Он почти не разговаривает с ними, не привязывается к ним. В их мыслях он увидел брата молодой матери, который погиб где-то от рук осман. Клодиу представляется его другом. Вместе с этой семьей он приходит в Пловдив. И кажется, что судьба смеется над ним, возвращая туда, где пала культура возрождающегося царства. Но город под османами не умирает, наоборот. Он поднимается из руин. Развивается торговля. Год за годом, век за веком.

Семья, с которой пришел сюда Клодиу, уже давно мертва, но он продолжает поддерживать отношения с их правнуками. Они считают его далеким родственником. Одного из них зовут Дамьян. Он крестьянин, и для него османская феодальная система землевладения представляется ничуть не хуже, чем прежняя, болгарская. Турецкие сипахи, новые владельцы земли, на которых он собирает свои урожаи, относятся терпимо к его христианскому вероисповеданию, но чтобы платить меньше налогов, Дамьян принимает ислам. Его дети живут по законам мусульман. Теперь им разрешено носить с собой оружие.

Одна из его внучек по имени Ивана растит ребенка от сипаха, которому принадлежат их земли. Его зовут Кубат, и его связь с Иваной началась в дни мобилизации османских войск для подавления очередного восстания. Он остался на своих землях для поддержания порядка. Сыну, которого родила от Кубата Ивана, дали имя Умут, что означает надежда. Когда он подрос, Кубат брал его на охоту. Он подарил сыну тюрбанный шлем с бармицами и защитой лица, в котором мальчик носился по всему поселению, гордый от важности этого подарка. Еще у него был крошечный лук, в стрельбе из которого Умут упражнялся каждый день.

В мирное время его отец снимал свою клепаную кольчугу и работал в поле, как и простой крестьянин. Но потом, когда Умуту исполнилось десять лет, Кубат отправился на сборочный пункт и не вернулся. Никто не знал, погиб он или просто сбежал, но земля перешла во владение нового турка. Его звали Йел, и первое, что он сделал — это лишил семью Умута всех привилегий, возненавидев сына своего предшественника.

Больше года старый Дамьян嘗试着与之和解，但随后他收集了财物并带着家人逃往罗多彼山地，在那里与保加利亚人、土耳其人、希腊人、摩尔人和吉普赛人一起生活。在那里，他的儿子达米安成长起来，对伊斯兰教产生了兴趣。最后一次，当克洛迪乌斯劝说他时，达米安在绝望中试图保护家庭的基督教传统。最后一次，当克洛迪乌斯劝说他时，达米安在绝望中试图保护家庭的基督教传统。最后一次，当克洛迪乌斯劝说他时，达米安在绝望中试图保护家庭的基督教传统。

Он узнал о подготовке к восстанию от одного из торговцев, который приезжал в Пловдив, переименованный турками в Филибе. Вместе с ним Клодиус отправился в Тырново. Судьба свела его с австрийским агентом Джованни Марини, который готовил восстание. От него он узнал о том, что австрийские Габсбурги создают антиосманскую христианскую коалицию, включавшую в себя княжества Валахия, Молдова и Семиградье. На Дунае османские крепости штурмует валашский князь Михай Храбрый. Конница Дели Марко нападает на города и села Северной Болгарии. В районах между Софией и Нишем ведутся партизанские действия. В заговор вовлечены епископ Феофан, Тырновский владыка Дионисий Рали, митрополиты Спиридон, Еремия, Методий, братья Соркочевичи и прочие торговцы и добровольцы. Австрийский император и семиградский князь обещали помочь пехоты и конницы после начала восстания. Восстание провалилось. Руководители и спасшиеся семьи болгар бежали в православную Валахию... Но мир уже пошатнулся и следом за первым восстанием были второе и третье.

После подавления турками второго восстания Клодиус оказался в

мужском монастыре, расположеннем на северо-западе горного массива Рила. Именно здесь Клодиу нашел уцелевшие остатки болгарской культуры и языка. Устав от войн и смертей, он хотел снова творить, восстанавливать. Но не прошло и века, как пришлось восстанавливать сам монастырь, сгоревший во время пожара. Клодиу вернулся в Пловдив, а затем в Родопские горы, чтобы отыскать правнуков рожденного от османского сипаха мальчика по имени Умут. Он снова представился их далеким родственником. Семья изменилась, но желание сохранить кровные узы, которое заложил им века назад Дамъян, сохранилось.

Вместе с одной из далеких родственниц Дамъяна — девушкой по имени Невена, Клодиу посетил могилу Умута. Невена была молода и любила слушать. Особенно ей нравились рассказы Клодиу о ее семье.

— Откуда ты знаешь так много? — удивлялась она.

Ради нее Клодиу отправился на северо-восточную часть афонского полуострова, в монастырь Хиландар, чтобы получить книгу истории о народах и болгарских царях, написанную монахом по имени Пассий. Потом были долгие годы, потраченные в рядах добровольцев, собравшихся для восстановления Рильского монастыря, который наравне с книгой Пассия казался Клодиу оплотом возрождения эпохи просветления болгарского царства. Когда он снова встретился с Невеной, у нее уже была взрослая дочь по имени Рада.

Девочка унаследовала от матери любовь к истории и могла долгими часами слушать рассказы о путешествиях и знаменитых людях. Она даже смогла уговорить Клодиу отвести ее на могилу болгарского мецената Василия Априлова, посвятившего свою жизнь образовательному и культурному развитию Болгарии. По дороге в румынский город Галац, где находилась могила Априлова, Клодиу достал для Рады несколько книг, написанных этим меценатом. Она прочитала их по несколько раз.

По возвращению из Румынии они столкнулись с одной из банд курджали, господствовавших в Болгарии после того, как османская власть стала слабеть. Они убили попутчиков Клодиу и Рады. Старый нож проткнул Клодиу живот. Он сдерживал гнев, надеясь на помощь извне — лежал на земле и притворялся, что умирает. Но когда курджали попытались изнасиловать Раду, ему пришлось вмешаться. Он разорвал бандитов на части и замер, боясь встречаться с Радой взглядом. Она дрожала и большими глазами смотрела на его залитое кровью тело. Особенно на нож, пронзивший ему живот.

— Извини, — сказал Клодиу, выдернувшись из своего тела нож, отбросил его в сторону. Нож перевернулся несколько раз в воздухе и упал в кровавую лужу, которая все еще пополнялась кровью, хлещущей из артерий обезглавленного тела одного из курджали. В разорванной одежде Клодиу Рада видела, как затягивается его рана.

— Ты... ты... ты ведь не человек, верно? — спросила она дрожащим голосом. Клодиу промолчал. У него не было ответа. Больше всего сейчас хотелось сбежать, но он не мог оставить Раду одну. — Я не боюсь, — сказала неожиданно она. — Ты не должен думать, что я боюсь.

— Я и не думаю, — сказал Клодиу, но для верности заглянул в ее молодые мысли, которые метались словно тучи за мгновение до дождя. — Давай я отвезу тебя к матери.

— Я уже взрослая, — возразила Рада. — Намного взрослее, чем думает моя мать....

Они шли рука об руку по ночной улице, и Рада рассказывала о своем первом мужчине, считая эту историю своей самой сокровенной тайной.

— Теперь твой черед рассказать мне свою, — сказала она, когда рассказ подошел к концу.

— У меня много тайн, — сказал Клодиу.

— А у меня много времени, — Рада улыбнулась и взяла его под руку. Ночь сгущалась, но спать не хотелось. — Можешь начать с объяснений, откуда ты так много знаешь о моих предках, — подсказала Рада.

— Когда-то я жил вместе с ними на этих землях.

— Так ты живешь дольше, чем мы?

— Я бессмертен.

— А если отрубить тебе голову?

— Мне ни разу не отрубали голову, но я видел, как нечто подобное проделывали с моими сородичами. Никто из них не умер.

— Выходит, таких как ты много?

— Мы стараемся не встречаться.

— Почему?

— Долгая история.

— Я сказала, у меня много времени.

— Боюсь, твоей жизни не хватит, чтобы услышать и часть моей жизни.

— Тогда начни с той истории, которая будет длиться, пока продолжается эта ночь.

— Я могу рассказать о Мокош.

— Кто такая Мокош?

— Девушка, которую я убил, когда оказался в этих землях.

— Я думала, ты убиваешь только плохих людей.

— Таким как я все равно кого убивать.

— Почему же я все еще жива?

— Потому что я борюсь со своим голодом.

— Так ты питаешься людьми?

— Я питаюсь вашей кровью.

— А я думала, ты просто любишь историю и искусство.

— Так и есть.

— Ты очень странный.

— Скорее старый.

Клодиу рассказал о семье Мокош, затем о Веке, которая не захотела пить его кровь и предпочла умереть от нанесенных османами ран. Затем была история Максимо из рода Хоматиан. История Иваны, которая родила от сипаха Умута — канувшего в веках родственника Рады.

— Никогда бы не подумала, что во мне течет османская кровь, — призналась она, затем вспомнила, как Клодиу спас Веку и спросила, почему он не спас от старости мецената Априлова, могилу которого они посещали в Румынии.

— Ты забыла, что случилось с Векой? — спросил Клодиу.

— Века была глупой. Априлов мог наоборот отблагодарить тебя. Я бы, по крайней мере, именно так и поступила.

— Вот как? — Клодиу остановился, заглядывая Раде в глаза. Она смущилась, спросила, что не так.

— Неужели за всю свою жизнь ты не встретил ни одного, кто бы хотел жить вечность?

— Это было давно.

— Когда ты еще не жил здесь?

— Верно.

— Но ведь было.

— В стране Та-кемет. Они служили мне, но... Я не хочу, чтобы мне служили.

— Тогда стань для них другом.

— И это тоже было. Нун и Амунет. Так их звали. Мы были близки почти три века, но потом они устали жить. Их забрало солнце.

— Три сотни лет не так уж и мало.

— Для меня это мгновение. Я только успел привыкнуть к ним.

— Значит, тебе нужно смириться с этим.

— Я смирился.

— Нет. Ты просто притворился, что другой. — Рада еще что-то говорила, но Клодиу уже знал, чего она хочет.

— Ты очень смелая, — сказал он.

— У меня просто нет впереди вечности, как у тебя. — Рада рассмеялась. — Да я бы сегодня уже была мертва, если бы не ты, так что, считай, ты уже продлевашь мне жизнь. — И снова она говорила и говорила, но Клодиу уже принял решение. Услышав отказ, Рада помрачнела, поникла. Клодиу сменил тему и говорил теперь о византийских традициях в развитии болгарского изобразительного искусства. Затем вспомнил о строгих церковных канонах в иконописи, ограничивающих развитие собственных традиций этой страны, и невольно заговорил о павшей римской империи.

— Когда османское господство падет, начнется неизбежный культурный подъем, — сказала ему Рада.

— И это тоже верно, — согласился Клодиу.

— Только я не доживу до этого дня, — прошипела она сквозь зубы и больше не разговаривала с ним, пока не наступило утро.

Клодиу чувствовал, как в ней растет обида. А когда они вернулись в родные для Рады Родопские горы, вместо того, чтобы оттаить, она больше замкнулась в себе.

— У тебя все будет хорошо, — пообещал ей Клодиу перед тем, как уйти.

Он вернулся в Рильский монастырь, в учрежденную монахом и художником по имени Неофит школу. Там Клодиу обучал молодых монахов старославянскому языку, иконописи, истории Болгарии. Что касается Рады, то она прожила в родительском доме еще два года, ухаживая за больной матерью, а когда Невена наконец умерла и больше ничто не держало в Родопских горах, Рада покинула свой дом. Путешествие с Клодиу по стране, когда она узнала его тайну, оставило глубокий шрам в ее сознании, который не могло вылечить ни одно зелье. Рада не знала, что волнует ее больше: тайна Клодиу или их путешествие. Ей просто хотелось узнать то, что она никогда не знала, увидеть красоты этого мира.

Какое-то время она пыталась путешествовать по стране одна, потом, ища защиты, прибыла к торговцу по имени Борислав. С ним за два с небольшим года она искалечила почти всю разваливающуюся на части Османскую империю. Каждые полгода Борислав возвращался в родной дом в городе София, где его ждали жена и шестеро детей. Там он представлял Раду как свою младшую сестру. Молодая и свежая, созревшая для любви и материнства, на третий год жизни с Бориславом Рада забеременела. Борислав предлагал купить ей дом в Тырново или Пловдиве, а если хочет, то и в Софии, где она сможет растить их ребенка, а он будет навещать ее, но Рада отказалась.

Старую цыганку, к которой она пришла, чтобы избавиться от ребенка, звали Донка. Она была любезной и заботливой, пока не получила деньги. После, ковыряясь в теле Рады острыми спицами, убивая ребенка, она материлась и била Раду, заставляя ее заткнуться и не орать. Забвение в тот день оказалось самым желанным.

Рада очнулась за городом в придорожной канаве. Шел дождь. Цыганка Донка не то решила, что Рада умерла, не то просто не пожелала связываться с лечением после абортса. Рада потеряла много крови и у нее был жар. Она выбралась на дорогу и долго просто шла вперед, не особенно понимая, что делает, и что вообще происходит. В бреду она вернулась в Софию, нашла дом, где жила семья Борислава.

Его жену звали Любица, и она узнала Раду. Объяснения не потребовались — Любица была располневшей, добродушной женщиной, которую заботил только дом, в котором она жила, и дети. До Борислава ей тоже не было никакого дела, по крайней мере, пока он заботился о своей семье. Верила ли она, что Рада действительно сестра ее мужа или же давно поняла, что они любовники? Рада не знала, да в те дни ей не было до этого никакого дела. Она с трудом понимала, кто она. Воспаление сжигало ее тело изнутри, сводило с ума. Когда в Софию приехал Борислав, врачи давали Раде не больше месяца.

— Отвези меня в Рильский монастырь! — взмолилась она.

Борислав не знал, почему она хочет отправиться именно туда, но был рад избавить свою семью от присутствия умирающей женщины. Дорога от Софии до горного массива Рила заняла почти пять дней. Борислав не спешил, но и от торговли отказался. К тому моменту, когда они добрались до левого притока реки Струма, Рада уже не приходила в сознание. В монастыре Борислав отыскал Клодиу и долго предлагал ей деньги на похороны, рассказывая историю Рады.

— Она не умрет, — заверил его Клодиу, но Борислав не поверил.

Он покинул монастырь, уверенный, что никогда больше не увидит эту женщину. Спустя год он уже не вспоминал о ней, иногда вспоминала Раду лишь его жена Любица да дети, для которых она так и осталась далеким, призрачным родственником, объявившимся в их жизни внезапно и так же внезапно оставившим их. В то, что она вернется, что Клодиу сдержит свое слово, никто не верил. Но Клодиу сдержал.

Он напоил умирающую Раду своей кровью и поселил в свободной келье. Смерть была так близка, что Рада больше года не могла избавиться от этого ледяного дыхания. Она просыпалась ночами, и ей казалось, что у нее снова жар, что воспаление вернулось. Рада звала Клодиу и прошила еще крови. Он не отказывал. Она доверяла ему, и ему не хотелось разочаровывать ее. Потом Рада рассказывала ему о своих путешествиях с Бориславом. Иногда это продолжалось целые ночи, в конце которых Рада мрачнела и говорила, что мир этот не так велик, как она думала.

— Ты видела только часть этого мира, — говорил Клодиу. Он приносил ей книги древних греческих философов, книги, рожденные римской империей, рассказывал о Египте, где когда-то его считали богом Птахом.

— Но все это прошлое, — вздыхала Рада, однако от чтения не отказывалась.

С помощью Клодиу она в совершенстве овладела латынью и греческим и следующие несколько лет помогала монахам с переводами. Но что-то угасало у нее в глазах. Клодиу видел это, чувствовал. Грусть поселилась в сердце Рады. Клодиу доставал для нее итальянские пере-

воды на латинский арабских произведений, восточные стихи, французские рыцарские романы, рассказы о путешествиях Марко Поло. Рада прочитала их все, а затем проявила желание изучить франко-итальянские языки. Так в ее жизни появились произведения Данте Алигьери, Франческо де Барберино, Гвидо Кавальканти, Фольгоре ди Сан-Джиминьяно, и уже более поздние: Макиавелли, Ариосто, Трисино. Многие книжные торговцы тянулись в Рильский монастырь, чтобы заработать на продаже европейских новинок. Так Рада узнала о книгах Александра Дюома, Байрона, Чарльза Диккенса, Стэндаля, Бальзака, Гофмана, Гейне... Мир, который она видела в этих книгах, был совершенно иным, нежели тот, который она знала.

— Почему мы так сильно отличаемся от них? — спрашивала Рада Клодиу. Обычно он обвинял во всем османское господство. Вначале Рада соглашалась, но потом увидела репродукцию картины «Рождение Венеры» работы Боттичелли, узнала, что создана она была уже несколько веков назад и начала говорить Клодиу, что виной всему люди, которые населяют ее родные земли.

— Но больше виноваты османы, — не спорил и не соглашался с ней Клодиу.

— Я хочу увидеть другие картины. Не иконы, а настоящие всплески фантазии и жизни.

— Увидишь, — уклончиво обещал Клодиу.

Они пробыли в Рильском монастыре почти сорок лет, покидая его лишь изредка, и то это делал Клодиу, чтобы скрыть от монахов свою природу, которая брала верх над разумом в дни, когда голод становился нестерпим. Это происходило один-два раза в год. Рада предлагала ему свою помощь, но он отказывался.

— А моя кровь? Ты не можешь пить меня? — спрашивала она.

— В тебе течет моя кровь. К тому же я могу убить тебя.

Иногда он терял контроль, и тогда от его рук погибали сотни случайных прохожих.

— Убивай лучше турок, — сказала Рада, когда Клодиу, вернувшись, в очередной раз исповедовался ей в грехах.

Когда у него снова появилась потребность покинуть монастырь, она настояла на том, чтобы отправиться с ним. Они долго колесили по стране, пока не оказались в северо-западном регионе, рядом с Румынией. Это место напоминало Раде далекие путешествия в компании торговца Борислава. В какой-то момент она подумала, что будет неплохо отыскать его, если он, конечно, еще жив, но потом голод Клодиу занял все мысли.

Рада оставила его в доме на берегу Дуная, где они остановились, а сама отправилась на поиски жертвы. Ей нужен был только турок. Желательно военный, который бы не понравился с первого взгляда. За долгие

годы изоляции в монастыре она почти забыла, как общаться с людьми. Но на этот раз у нее за плечами были тысячи прочитанных книг. Она изображала из себя то светскую женщину, которая заблудилась в незнакомых землях, то мать, которой нужны деньги чтобы кормить семью, то просто уличную девку, которая хочет заработать. И всех своих жертв она приводила в дом, где поджидал их Клодиу. Он не хотел, чтобы она смотрела как он забирает их жизни, но любопытство Рады было слишком сильным.

— Презираешь меня? — спрашивал наутро Клодиу. Рада качала головой и обещала ночью привести нового турка.

Так прошли почти две недели. Нет, Рада не боялась, что ей причинят вред. Теперь в ее венах текла кровь Клодиу, и это делало ее сильнее, это могло спасти от клинка и пули. Весь дом, где питался Клодиу, был залит кровью. Осущенные тела они прятали под полом. Рада сама разобрала доски. Но в окрестностях уже начинали шептаться о пропавших людях.

В одну из своих ночей охоты Рада увидела пароход, пришедший из Румынии. На берег высадились несколько сотен русских солдат. Одним из отрядов командовал болгарин по имени Христо. Любопытство заставило Раду сблизиться с ним, представившись женой купца. Она плакала и говорила, что мужа ее убили банды курджали. Клодиу говорил, что когда-нибудь настанет момент, и она начнет понимать чужие мысли, но сейчас Рада могла лишь читать по глазам и выражению лица. Актриса из нее была неплохая. Христо поверил в ее историю. Рада не понимала почему, но ей нравилось, как он заботится о ней — молодой и сильный, решительный. Он учился в России, а в последние годы жил в Румынии, издавая газету, посвященную болгарским эмигрантам.

— Кажется, скоро здесь будет жарко, — сказала Рада, вернувшись к Клодиу, и долго рассказывала о готовящемся восстании.

Они планировали вернуться в монастырь, но начавшиеся боевые действия заставили их задержаться. В доме, где им пришлось остаться, было жарко, и обескровленные Клодиу тела начали разлагаться, поэтому Раде пришлось вновь разобрать пол и выкопать в земле могилы, чтобы захоронить гниющие останки. За окнами снова и снова проносились регулярные части османской армии, высланные для подавления восстания. Как-то раз несколько отбившихся от своих кавалерийских отрядов башибузуков ворвались в дом, где находились Клодиу и Рада. Клодиу забрал их жизни и кровь, а Рада вышла на улицу, чтобы прогнать прочь их лошадей.

— Эти албанцы еще хуже, чем простые турки, — сказала Рада, а когда на берегах Дуная появились новые карательные отряды неорганизованных и жестоких башибузуков, она предложила Клодиу открыть охоту на них. Клодиу отказался.

Когда бои и волнения стихли, Клодиу и Рада отправились обратно в Рильский монастырь. По дороге они узнали, что командир отряда, с которым познакомилась Рада, Христо, был убит на горе Врана, а его солдаты разбежались.

— Боюсь, эта страна никогда не станет свободной, — сказала тогда Рада, но уже два года спустя, после поражения Турции в войне с Россией, часть Болгарии получила права административной автономии, а год спустя приняла свою конституцию, став княжеством. Этот год Рада и Клодиу встретили в Рильском монастыре.

Еще трижды Клодиу покидал его стены, и трижды вместе с ним была Рада. Она сама выбирала ему жертв, сама вершила их судьбу. Как и прежде, это были турки.

— Почему ничего не меняется? — спрашивала Рада Клодиу, когда они возвращались в монастырь. Клодиу говорил ей, что для перемен нужно время.

— Не спеши, у тебя впереди теперь много лет, — убеждал он Раду, но она хотела всего и сразу. Хотела театров и современных писателей, хотела болгарских картин, от которых бы захватывало дух, как это было, когда она впервые познакомилась с творчеством Боттичелли. Хотела австрийской музыки, итальянской грации...

— Но ничего этого здесь нет, — вздохала Рада, возвращаясь в Рильский монастырь, ставший для нее и Клодиу домом. У нее все еще были книги, но книг становилось мало. Хотелось большего. — Покажи мне мир, — начинала она просить Клодиу. — Покажи мне мир, который знал ты.

— Мир, который я знал, изменился.

— Тогда давай изучим его снова, вместе. Ты видел современный балет? Слышал современную музыку? — спрашивала Рада, а затем часами рассказывала о том, что читала. Рассказывала так, словно действительно была там.

— У тебя очень хорошее воображение, — хвалил ее Клодиу, но необходимость отъезда из монастыря была уже почти неизбежна. Клодиу знал, что если он откажется поехать с Радой, то она сделает это одна. А потерять еще одного друга он не мог.

Прощание с Болгарией вышло совсем не таким, как планировал Клодиу. Даже его заверение Раде, что когда-нибудь они снова вернутся сюда, оказалось смазанным и скорее комичным, чем трогательным и волнующим.

Первым городом, в котором они остановились, была Вена. Опера Моцарта «Дон Жуан», которую посмотрела Рада в местном государственном оперном театре, произвела на нее такое впечатление, что она говорила об этом больше месяца, посещая представление снова и снова, пока не выучила его наизусть.

— А ты знал, что турки так и не смогли завоевать этот город? — спрашивала она Клодиу. — Турок было почти в двадцать раз больше, но их не только остановили, но и нанесли им поражение. — Потом она мрачнела и вспоминала свою собственную страну, которая только сейчас начала сбрасывать со своих плеч османское влияние.

Также волновали Раду и трамваи, гремевшие на улицах Вены. Не менее волнительным оказался для нее и дом Хундертвассера, крыша которого была покрыта почвой, и там росли кустарники. Так же растительность встречалась и во внутренних комнатах. Окна фасада были разных размеров и форм. Орнамент был выполнен из глазурованных плиток. Казалось, что в доме нет ни одной прямой линии. Именно там Рада уговорила Клодиу приобрести квартиру.

Много времени Рада провела в Музее художественной истории, построенным в зимней резиденции австрийских Габсбургов. Здание было новым, и Раде казалось, что она чувствует запах краски и слышит голоса архитекторов, которые недовольны рабочими. Рада поднималась по парадной лестнице, готовая поверить, что эта лестница ведет в рай. Своды были высокими, расписанными талантливыми художниками. Каменные фигуры львов охраняли вход. Когда Рада поднималась по лестнице, она всегда подолгу стояла перед этими львами.

Внутри было просторно. Колонны поддерживали огромный свод. В свой первый визит туда у нее закружилась голова. Вначале архитектура этого комплекса захватывала ее больше, чем картинная галерея. Но потом она увидела картину Рубенса «Четыре великие реки древности», которая захватывала дух Рады и прежде, когда она видела ее в репродукции. Но сейчас, стоя перед оригиналом, она чувствовала, как замирает время. Казалось, что она может вечно стоять и смотреть на это полотно. В какой-то момент ей начало казаться, что если долго смотреть на детали, то можно увидеть, как Рубенс создавал свой шедевр, услышать его дыхание.

Нечто подобное Рада испытала и когда увидела картину Бартоломеуса Спрангера «Геракл в пленау у Омфалы». Ночью ей приснилась эта греческая легенда, только на этот раз лидийской царицей была сама Рада. И это именно ей был продан в рабство Геракл. Она очаровала его, и он исполнял любую ее прихоть. Рада видела детей, которых родила от Геракла... Потом наступило утро. Она рассказала о своем сне Клодиу и обиделась, услышав его смех. В этот же день она заказала себе книгу с репродукциями работ Спрангера. «Закат солнца» так захватил ее, что она уговорила Клодиу отправиться в Лондон, чтобы посмотреть коллекцию Ричарда Уоллеса, где, как ей сказали, находилась оригиналная картина «Закат солнца».

— Мне больше нравится балет, — признался Клодиу, однако от поездки не отказался.

Квартал Мэрилебон ждал их, но еще их ждал внезапный приступ голода, который едва не свел Клодиу с ума. Визит в Хэртворт-Хаус пришлось отложить. Своего первого мужчину в Англии, которому суждено было стать пищей для Клодиу, Рада встретила на Трафальгарской площади, недалеко от колонны Нельсона. Он оказался русским эмигрантом и так плохо говорил по-английски, что Рада едва не убила его сама в приступе раздражения, пока кэб вез их в гостиницу. Вторая жертва попалась на крючок в лондонской национальной галерее. И снова это был эмигрант из России.

— Господи, здесь есть хоть один настоящий англичанин? — спросила его Рада. Он не понял иронии. Позже Клодиу забрал его жизнь, сматывая трапезу добрую половину ночи.

Третьей жертвой стал еврей по имени Ехил. Потом пошли англичане: врач с Харли-стрит, разбогатевший бедняк из Португальской области, разорившийся меценат с Бейкер-стрит. У башни святого Стефана Рада встретила турка по имени Атмаджа и так настойчиво предлагала ему отправиться с ней в гостиницу, что турок испугался и позвал полисмена, решив, что Рада проститутка. Полисмена звали Раймонд Аллен и, чтобы избежать ареста, Рада убедила его отправиться в гостиницу и удостовериться, что она порядочная женщина. По дороге они разговорились, и узнав о семье Аллена и детях, Рада решила, что не станет забирать его жизнь. Она ударила его на глазах десятков людей. Прохожие зашептались. Кровь Клодиу удесятеряла силы Рады, и она, не учтя это, послала Аллена в глубокий нокаут. Вместо полисмена она привела Клодиу модельера с Сэвил-Роу.

Бродя по Риджен-стрит, желая выйти на берег Темзы, Рада попала в квартал Сохо. Вонь сточных вод вызывала тошноту, а продающие себя женщины — отвращение. Хозяин булочной, возле которой она остановилась, вышел на улицу и предложил ей комнату, в которую она сможет приводить клиентов за половину от заработанных ей денег.

— Ты ведь новенькая, верно? — спросил он, разглядывая ее, словно товар. — Еще совсем юная... — Он улыбнулся, показывая гнилые зубы, и спросил, сколько Рада хочет за свое тело.

— За мое тело? — Рада сдержалась, чтобы не вырвать ему сердце, затем записала адрес гостиницы и сказала, что сегодня вечером будет ждать его. Торговец не пришел.

На Таузэр Бридж, в пешеходной галерее, соединяющей башни, чтобы пешеходы могли перебраться через мост, когда его крылья разведены, Рада встретила писателя по имени Уильям, который бормотал что-то на французском о глупости жизни, жаловался на женщин и собирался покончить с собой.

— Не стоит, — сказала ему Рада на французском. — Даже если тебе не нравятся женщины, это не повод, чтобы умереть. Тем более ты писатель. Я ведь правильно поняла, что ты писатель?

— Да, — растерянно сказал Уильям.

На вид ему было немногого за двадцать, может быть ближе к тридцати. Высокий лоб, безвольный подбородок, хмурые брови, мрачные глаза и разочарованно опущенные уголки рта. Сначала Рада думала о том, чтобы отвести его к Клодиу — не пропадать же этому молодому телу зря, но потом, разговорившись, поняла, что ей симпатичен этот выросший во Франции британец. Он рассказывал о том, как лишился родителей, как вырос у родственников в графстве Кент. Рассказывал о своем первом произведении — биографии композитора Джакомо Мейербера, рукопись которой он сжег после того, как издательство отвергло ее.

— Я слышала, что он брал уроки у Антонио Сальери, — сказала Рада.

— Ты разбираешься в музыке? — удивился Уильям.

— А еще в архитектуре, живописи, литературе...

Она рассказала о том, как мать привила ей любовь к истории. Рассказала, как путешествовала по Болгарии с родственником по имени Клодиу, как едва не погибла от рук бандитов. Потом о смерти матери, о торговце по имени Борислав, от которого забеременела и снова чуть не умерла, когда пыталась избавиться от ребенка. Потом о Рильском монастыре и тысячах книг, которые прочитала. О том, какое впечатление на нее произвели Вена, Лондон.

— В моей стране ничего подобного не было. А здесь... Здесь целая жизнь!

— Тебе должно быть не меньше шестидесяти лет! — недоверчиво сказал Уильям.

— Чуть больше. — Рада улыбнулась.

— Но ты выглядишь на двадцать!

— Долгая история... — отмахнулась Рада. — Скажу лишь, что яви-
дела достаточно много смертей, чтобы понять, что умирать — скучное и
безотрадное дело. Мой тебе совет — никогда этим не занимайся. — Она
подалась вперед, заглянула в бездну, куда собирался прыгнуть Уильям,
и предложила молодому писателю свою дружбу, если он оставит затею
расстаться с жизнью.

Уильям отказался, но идея завести друга захватила Раду. На поиски она отправилась в Южный Кенсингтон. В Гайд-парке возле статуи Ахилла ей встретился еще один турок. Он говорил, что работает в правительстве, и флиртовал с Радой, словно они были не в парке, а на каком-то высокопоставленном балу. Его слова были настолько приторно-сладкими, что Рада с дрожью представляла себе момент, когда Клодиу осушит этого нездачливого любовника. Но турок выжил. Его спас высокий скандинав, которого они встретили на выставке в Альберт-холле.

Как только Рада увидела его, мир, казалось, ушел у нее из-под ног. Все сосредоточилось на скандинаве. Турук заметил это, продолжал еще какое-то время флиртовать, но огонь в его речах угас. Да Рада и не слушала его. Главным был этот высокий, светловолосый швед с голубыми глазами и лицом, словно вырубленным из камня. Она извинилась перед турком, объяснив свой уход тем, что просто не может позволить себе пройти мимо этого скандинава. Низкорослый и располневший от сидячей работы турук тяжело вздохнул и ретировался. Рада осталась одна.

Какое-то время она наблюдала за пленившим ее мужчиной, пытаясь придумать возможность познакомиться, затем просто подошла и представилась. Скандинава звали Йон Маттссон, и это имя понравилось Раде так же, как нравился ею внешний вид. Вначале она пыталась флиртовать, но потом поняла, что Йон не обращает на это внимания, и начала говорить об искусстве. Они проходили мимо выставленных картин, и Рада отчаянно хотела блеснуть своими обширными знаниями.

— А в моей стране лишь недавно появились художники, — как-то неожиданно просто сказал Йон. Он назвал имя Карла Ларсона, но тут же признался, что ему не нравятся его картины.

— Мне тоже не нравятся болгарские картины, — сказала Рада. — Да там и нет картин, в основном только иконы.

— А музыка? — спросил Йон, и долго перечислял имена шведских композиторов, таких как Юхан Руман, Карл Бельман, Отто Линдблад, Альфрида Андре...

— Нет. Ничего подобного у нас нет. Только Емануил Монолов со своей оперой, но это совсем не то, — сказала Рада.

— Зато у вас есть турки, — не очень удачно пошутил Йон, но Рада готова была простить ему все, что угодно.

Их роман продолжался больше года. Клодиу не возражал. Потом Йон Маттссон уехал в Швецию. Он предлагал Раде поехать с ним, но она отказалась. Прощание получилось каким-то неожиданно трогательным, и когда Рада осталась одна, она заплакала впервые за долгие годы. Лежала среди влажных, мятых простыней и смотрела за окно, где начинался хмурый Лондонский вечер.

— Не хочу больше оставаться в этом городе, — сказала она Клодиу.

Он не возражал сменить обстановку. Они ненадолго вернулись в Вену, посетили несколько театров.

— Если хочешь, то можем отправиться в Швецию, — предложил Клодиу.

Рада отказалась. Какое-то время она наслаждалась своей грустью по Йону, бродя в отрешении по театрам и художественным выставкам Вены, потом вдруг оживилась, сказала, что готова переехать.

Так они оказались в Венеции, затем в Милане. Рим поверг Клодиу в тоску о былых временах, когда он жил здесь более тысячелетия назад, и Рада поспешила увезти его из этого города, из этой страны. Они отправились в Барселону. Там они поселились в готическом квартале, недалеко от площади Каталонии. Но и здесь Клодиу сумел найти причины для грусти — остатки римской стены в районе Площади святого Иакова.

— Я такой же, как эта стена, — ворчал Клодиу и упорно отказывался переезжать.

Он приходил к останкам римской стены раз в неделю на протяжении года. Затем, после очередного приступа голода, когда Рада накормила его нездачливыми глупцами, польстившимися на возможность провести с ней ночь, собрал вещи и сказал, что они уезжают в Париж.

— Когда-то здесь жили кельты, — говорил Клодиу, затем вспоминал пришедших в эти края римлян. Вспоминал храмы, возведенные в честь Марса и Юпитера. Вспоминал термы с их купальными залами, сооруженные для водоснабжения акведука, каменные жилые постройки с подвалами, настенной живописью и гипокаустами для отопления. И казалось, ни одна достопримечательность современного Парижа не может отвлечь его от этих воспоминаний.

Рада водила его к Эйфелевой башне. В Лувр, что на правом берегу Сены. Затем в центр — в сады Тюильри, где некогда стоял дворец, уничтоженный парижскими коммунарами. Устраивала поездки в экипаже от площади Конкорд до Триумфальной арки, в недавно открывшийся музей армии, где они увидели коллекцию шляп Наполеона, которые он менял каждый месяц во время своего правления, его генеральскую форму времен Итальянского похода, его саблю из битвы с турецко-египетской армией. Посетили церковь Пантеон, затем собор Парижской Богоматери, который был построен, как вспомнил Клодиу, на месте храма Юпитера. Побывали на площади Бастилии у Июльской колонны. Посетили кладбище Пер-Лашез на востоке города, где были похоронены многие известные люди. И в эту же ночь отправились в «Мулен Руж».

Когда шоу закончилось и они шли по бульвару Клиши, Клодиу рассказал Раде об оставшейся в Вене балерине, танцы которой он полюбил и теперь посыпает ей свою кровь, чтобы она могла жить столько сколько захочет.

— Ты хочешь, чтобы она сменила меня? — спросила его как-то неожиданно серьезно Рада.

— Нет. С ней все иначе. Мне не нужна она. Только ее танцы... Теперь я знаю, что только танцы...

С тех пор они иногда посещали Вену, чтобы увидеть выступление Саши Вайнера, или ждали, когда она приедет с труппой в Париж. Сама они поселились на улице Риволи, недалеко от «Пале-Рояль». Во Фран-

ции Рада узнала о том, что Болгария получила независимость, став государством. Потом была Мировая Война, отступление французских войск к Марне, высадка англичан в Бельгии и вступление русских войск в Восточную Пруссию. Рада не любила политику, но одного она понять не могла — как родина Вагнера, Гетте, Брамса, Йеснера, Мендельсона, Коха и многих, многих других могла начать войну.

Первые месяцы войны Рада без устали говорила об этом с Клодиу, но потом сама устала от этих разговоров и даже ночные клубы Парижа стала выбирать так, чтобы не слышать о войне. И время как-то замерло вместе с фронтом, на который уходило все больше и больше людей. В военные действия были втянуты Италия и Болгария. Рада так и не смогла понять как вышло так, что ее родная страна решила выступить на стороне агрессора, поддержав тем самым терпящую поражение Турцию.

— Да только ради того, чтобы отомстить туркам, она должна была выступить против Германии! — ворчала Рада.

Новый год начался с эвакуации союзных войск Антанты с Галлий-полийского полуострова и Битвой при Вердене. В небе появились американские самолеты эскадры «Лафайет». В начале лета началась битва на Сомме, которая продлилась до поздней осени. К началу следующего года люди уже говорили, что до конца войны осталось немного, что Германия и ее союзники обескровлены, когда перемирие, которое Россия неожиданно заключила с Германией, дало агрессорам еще один шанс. Но уже к середине лета следующего года произошла вторая Битва на Марне, результатом которой стало отступление Германских войск. К октябрю была освобождена почти вся Франция и большая часть Бельгии. К ноябрю войска Антанты освободили Сербию, Черногорию, Албанию и вошли на территорию Болгарии. Известие об этом заставило Раду напиться.

— Хорошо еще Болгары заключили перемирие, — говорила она. — Но, видимо, мало им было почти тысячи лет под турками!

Запой Рады затянулся на пару месяцев, и когда она медленно вернулась к жизни, не особенно помня, где и с кем была в последние дни, оказалось, что война закончилась.

— Мы должны собраться и поехать в Болгарию, — сказала она Клодиу.

Он не стал возражать, но отъезд из Парижа затянулся более чем на два года. Когда они приехали в Софию, город был заполнен русскими эмигрантами, бежавшими от революции в их стране. Многие из них толпились возле построенной незадолго до войны Русской церкви.

— Ну, думаю, это лучше, чем турки, — сказала Клодиу Рада.

Нечто подобное она сказала, когда они увидели выступление местной балетной труппы. Неуклюжей и неопытной, если сравнивать с тем,

что они видели в Вене или в Париже. Вся эта страна казалась настолько неуклюжей, что хотелось вернуться в Рильский монастырь, который давал им приют полсотни лет и снова погрузиться в чтение. Но после того, как за плечами остался целый мир, чтения уже было мало.

— Да и не хочу я снова в монастырь, — сказала Рада.

Клодиу согласился. Они не говорили, но каждый чувствовал неловкость от того, что родная страна стала вдруг чужой.

Борясь с этим чувством, они посетят Тырново, Пловдив, Родопские горы... Потом отправятся в Вену, говоря, что им просто нужно отвлечься, но Австрия, разорванная на части после Мировой Войны, была жалким зрелищем в сравнении с тем, что было раньше.

Вена превратилась в главный лагерь социал-демократов. Лишь изредка слышались призывы к возврату правления Габсбургов да выступления Пангерманской партии за воссоединение с Германией, что было запрещено согласно Сен-Жерменскому договору. То здесь, то там вспыхивали акты вандализма, устроенные обнищавшими рабочими. Правда, интеллигенция заявляла, что их духовный уровень от этих трудностей возрос — экономические лишения стимулировали духовность и творческий рост. Открывались все новые и новые культурные заведения.

— Нужно найти Сашу Вайнер, — сказал Клодиу, но в театре, где она выступала прежде, ему сказали, что она уехала в Париж или в Америку — никто толком не знал. Адрес удалось найти благодаря родителям Саши Вайнер, да и те не сказали Клодиу ни слова — ему пришлось прочитать их мысли. — Ненавижу, когда приходится это делать, — признался он Раде. — Человеческий век такой короткий. И когда заглядываешь людям в мысли, чувствуешь себя таким старым...

— Ты переживаешь из-за того, что Саша сбежала от тебя? — спросила Рада.

— Она сбежала не от меня, — грустно улыбнулся Клодиу. — Думаю, она сбежала от того, во что превратился ее мир.

— Хочешь поехать за ней?

— А ты не против?

— Ну, за океаном я еще не была... — Рада помрачнела, оглядываясь по сторонам. — К тому же там нет войн.

Уже в Нью-Йорке они узнали о взрыве бомбы в софийском соборе «Святой Недели», случившимся во время службы. Ответственность ложилась на агентов ОГПУ, а целью было свержение болгарского правительства и осуществление коммунистического переворота. В этот день на Бродвее выступала со своей труппой Саша Вайнер, и Рада решила не показывать Клодиу газету, где рассказывалось о взрыве. Позже она сделает подобное, когда узнает, что Болгария ввязалась во Вторую Мировую Войну, и снова на стороне Германии.

Глава четвертая

Свой первый бар для слуг Рада посетила в Нью-Йорке. Это был год, когда слава «Beatles» докатилась наконец-то и до Нового Света. Количества проданных пластинок «Meet the Beatles» превысило полмиллиона, а их песни занимали все первые места национальных хит-парадов. Тысячи людей потянулись на Манхэттен, в «Карнеги-холл», чтобы увидеть концерт знаменитой четверки. Что касается Рады, то ей эта группа никогда не нравилась. Поэтому она предпочла остаться в клубе для слуг, надеясь, что в этих стенах сможет укрыться от безумной популярности ливерпульцев. Но говорили о них даже здесь. Хозяин бара, Боаз Магидман, подобрал персонал бара, похожий на участников «Beatles», и как только Рада вошла в его бар, тут же предложил ей мальчика, похожего на Пола Маккартни.

— Можешь укусить его или заняться с ним сексом, — сказал он.

— Я не пью кровь людей, — сказала Рада.

— Еще слишком молода? — Магидман хитро подмигнул.

Она не ответила, прошла в зал, где были закрытые кабинки со столиками. Несколько полуоголых женщин, пришедших сюда заработать, смерили ее пытливым взглядом. Рада не обратила на них внимания, заказала себе вино из Санданского винограда. Магидман всегда уверял ее, что вино это пряником из Болгарии, но Рада не особенно верила ему — старый еврей мог душу продать, лишь бы получить выгоду. Хотя такими в этом клубе были все, кроме слуг.

Мужчины и женщины приходили сюда на заработки. Они продавали свое тело, продавали свою кровь. Молодые слуги ограничивались их телами, старые утоляли свою жажду. Рада знала, что когда-нибудь тоже сможет пить кровь людей, которая будет действовать на нее почти так же, как сейчас действует кровь Клодиу, сам Клодиу говорил ей об этом, но все, что она поняла из его рассказов, — как только настанет такой день, значит, точка невозврата пройдена. Дальше будет только хуже. Дальше жизнь будет терять смысл. Медленно, неизбежно... И

еще это чтение чужих мыслей. Некоторые из слуг, которых встретила здесь Рада, могли с легкостью забираться в сознание людей. Но слуги эти были старыми. Не телом, нет. Старость была у них в глазах. Или мудрость? Не важно, иногда это становится равноценным.

Рада просидела в одиночестве до поздней ночи. Когда она уходила, в главном баре старая слуга по имени Мэйталь пила кровь мальчика, который был похож на Пола Маккартни. Еще одна слуга — Либена, ласкала темнокожую девушку. Шея девушки была прокущена, струйки крови скатывались между грудей на плоский живот. Либена слизывала свежую кровь с эбенового тела. Чернокожая девушка выгибалась спину — не то ей действительно это нравилось, не то она была хорошей актрисой, а возможно Либена просто внушила ей эту страсть, это вожделение. Рада не знала. Единственное, в чем она была уверена — никто не умрет в эту ночь. Таков закон этого бара. Поэтому он и живет. И не только он.

Рада слышала, что нечто подобное есть в Чикаго, Флориде, Луизиане. Боаз Магидман всегда говорил, что его бар один из самых культурных. Он просто зарабатывает на слугах деньги. Ему нет дела до того, кому они служат. Здесь, на Манхэттене, ему принадлежит лишь небольшое, обитое бархатом помещение, где можно достать любую выпивку, будь то вино из Болгарии или же кровь мальчика, похожего на Пола Маккартни. Это выглядит как элитный бордель, которые Рада видела в Париже, в районе красных фонарей.

— Но вот в Луизиане! — Магидман почему-то всегда вспоминал Луизиану, хотя, возможно, в других подобных барах он и не был. Но когда он вспоминал тот бар, глаза его округлялись. — Это словно был целый мир! — Магидман понижал голос и, вопреки своим убеждениям, советовал посетить конкурентов. — Если бы я мог устроить нечто подобное на Манхэттене, — сокрушенno качал он головой. — Если бы я только мог...

В какой-то момент Рада действительно подумывала о том, чтобы съездить в Луизиану, но потом решила, что ей хватает и того, что есть у Боаза Магидмана.

— Когда-нибудь тебе придется покупать что-то большее, чем вино, — сказал ей на выходе Магидман, словно специально караулил ее здесь.

— Когда-нибудь кого-нибудь убьют в этом баре, и твой бизнес прикроется, — парировала Рада.

Она вышла на улицу. Ночь была тихой и холодной. Казалось, что весь Гринвич-Виллидж спит. Почти весь. Рада замерла, увидев высокого светловолосого мужчину. Он стоял под фонарем. На плечах походная сумка, в зубах сигарета. Синие джинсы, армейская куртка. Воротник поднят. В его грубом, вырубленном словно из камня лице, было что-то знакомое. Рада вздрогнула, когда поняла, что он напоминает ей Йона Маттссона — шведа, с которым она встречалась в Лондоне. Но это

было полвека назад. Сейчас Йон уже либо мертв, либо древний старец. Но этот мужчина молод и свеж. На лице у него светлая щетина. Глаза голубые — в последние годы Рада заметила, что зрение ее улучшилось, она стала замечать новые запахи, и слух стал более острым. Иногда ей казалось, что скоро, если хорошо прислушаться, удастся различить удары сердца. Значит скоро она сможет пить человеческую кровь. Ей почему-то вспомнился хозяин бара для слуг Боаз Магидман. Он улыбается и хлопает в ладоши, радуясь еще одному клиенту, который кроме дорогих и редких вин заказывает у него кровь.

— Нет, — Рада тряхнула головой, чтобы избавиться от этих видений.

— Вы что-то сказали? — спросил похожий на бывшего любовника мужчина.

— Я? — растерялась Рада. Ноги сами понесли ее вперед, к незнакомцу. Кто он? Откуда? Еще один нищий интеллектуал, который путешествует по стране? Или художник? Музыкант? Писатель? Да кого только не встретишь в этом районе — центре бит-культуры, богемной жизни и гомосексуалистов?! — Простите, вы просто напомнили мне одного старого друга, — сказала Рада незнакомцу. Он смерил ее внимательным взглядом, сказал, что не помнит ее.

— Может быть, мы встречались в молодости? — предположил он.

— Навряд ли, — улыбнулась Рада. — Мой друг намного старше тебя.

— Жаль, — незнакомец улыбнулся. — Я бы хотел быть твоим другом.

— Ну, это не так сложно устроить, верно? — Рада протянула ему руку, представилась.

— Рада? — незнакомец нахмурился. — Это болгарское имя, верно?

— Верно. А ты...

— Аллан Монсон.

— Швед?

— Кто-то из моих старииков был шведом.

— Вот как... — Рада заглянула ему в глаза, потом спросила, что он делает ночью на улице.

— Стою, — пожал плечами Монсон. — А ты?

— Я была в баре.

— Не знал, что здесь есть бар. — Его голубые глаза устремились к закрытой железной двери, из которой вышла Рада.

— Это закрытый клуб, — сказала она.

— Может проведешь меня туда? — спросил Монсон.

— Не думаю, что тебе понравится это место.

— Не думаю, что мне понравится ночью на улице.

— Так тебе некуда пойти? — Рада снова окинула его внимательным взглядом.

— Хочешь пригласить меня к себе? — спросил Монсон. — Если да, то я не разочарую.

— Вот как? — Рада смотрела, как он прикуривает.

— Вот. Держи, — сказал Монсон, протягивая ей самокрутку. — Это поможет принять решение.

Рада кивнула, затянулась, вернула самокрутку своему новому знакомому. Он улыбнулся.

— Это хорошая трава. — В его голубых глазах что-то сверкало, искарилось.

Он сделал большую затяжку и поманил Раду к себе. Вязаные перчатки на его руках были драными, обнажая пальцы — Рада заметила это, когда он коснулся ее подбородка, попросил открыть рот и, подавшись вперед, выдохнул густую струю дыма прямо ей в легкие, выждал несколько долгих секунд и поцеловал…

Они проснулись поздним утром в постели Рады. Вернее, проснулась сначала Рада. Долго лежала и смотрела, как Монсон спит. Ему было лет двадцать пять, не больше. Высокий лоб, широкие плечи, сильные руки. Словно почувствовав на себе взгляд Рады, Монсон открыл глаза.

— Хочешь еще? — сонно спросил он.

— Спи. — Рада провела пальцами по его лицу, заставляя закрыть глаза, поднялась с кровати и пошла готовить завтрак.

Три года назад Клодиу настоял на том, чтобы они разъехались. Тогда Рада не понимала, почему он этого захотел. Понимание пришло лишь сейчас. Живи она с Клодиу, то с Монсоном пришлось бы идти в отель, спать на чужой кровати, а утром разбегаться, словно один из них был проституткой. Единственное, чего не могла понять Рада — почему Клодиу не пожелал поселиться где-нибудь поблизости? Почему выбрал район Ричмонд на острове Статен? Ведь он всегда говорил, что древние должны жить в населенных районах, а сам выбрал совершенно противоположное.

Когда просыпался его голод, Рада была вынуждена искать ему жертв в Бруклине, избегая Манхэттена, потому что жила там сама. Как-то раз Клодиу почувствовал одного из своих сородичей, который был где-то рядом. Рада думала, что именно поэтому Клодиу испугался жить на Манхэттене. Хотя своих сородичей он чувствовал и раньше, еще когда они жили в Старом Свете. Тогда они просто спешно собирали вещи и уезжали.

Если верить Клодиу, то его соплеменники были чуть ли не монстрами. Иногда Клодиу нечто подобное говорил и о себе, но Рада не верила, что Клодиу может совершить все то, о чем говорит. К тому же в мире были и куда более страшные люди, совершившие намного больше убийств. Просто Клодиу был бессмертен, а они совершили свои злодеяния за короткую человеческую жизнь. Так что если бы они жили вечность,

то Клодиу, возможно, был бы ангелом рядом с ними. К тому же Рада все чаще начинала чувствовать себя таким же монстром, как и Клодиу. Разве она не помогала ему находить жертв? Разве не стала пользоваться машинами для выкачки крови?

Когда жажда подчиняла сознание Клодиу, Рада выходила наочные улицы, снимала по телефону номер в отеле, где не задают вопросов и не смотрят на тех, кого приводят женщины на ночь, да и не только женщины. Рада одевалась как проститутка, вела себя соответственно. Она уже давно перестала выбирать жертв по национальности. Теперь ее выбор падал на тех, кто выбирал ее ночью на улице. Молодые и старые, толстые и тощие, высокие и почти карлики — она забирала их кровь. Играла роль шлюхи, чтобы привести в отель, и уже там становилась собой. Большинство из них умирали быстро. Они не понимали, что случилось, считая происходящее какой-то игрой. Потом наступала темнота, а их кровь заполняла предназначенные для Клодиу сосуды. Рада переодевалась, выбиралась из номера по пожарной лестнице и ехала к Клодиу.

Он жил недалеко от Моравского кладбище на Тодд-хилл. Квартира была просторной. Жалюзи на окнах почти всегда закрыты. Ему не нравился Нью-Йорк, но он любил балет, а балет в этом городе, особенно после войны, процветал. К тому же в этом городе жила Саша Вайнер. Рада так и не смогла понять суть этих отношений. Даже не отношений. Нет. Обожания. Словно Клодиу отчаянно нуждался в ком-то, кому бы мог поклоняться. Иногда Рада заводила с ним разговор о женских особях его вида, но он говорил, что когда-то их всех убили самцы вендинги.

— Ты тоже убивал своих женщин? — спрашивала его Рада. Клодиу качал головой и называл себя нерадивым сыном своего племени.

Когда Рада узнала о баре Боаза Магидмана, она спросила Клодиу разрешения пойти туда. Он улыбнулся и сказал, что знает, кто ждет ее на улице, боясь войти в дом древнего. Это была еще одна слуга по имени Мэйталь. Она сама нашла Раду, когда та пыталась отыскать для Клодиу жертву в Бронксе, решив сменить обстановку Бруклина. Хозяином Мэйтала был древний, который называл себя Гудэхи. Мэйталь клялась, что он рассказывал ей о том, каким было место, где построен Нью-Йорк, десятки тысячелетий назад.

— А мой рассказывал мне о Египте, — говорила Рада.

В тот день, когда они встретились — обе искали жертву для своего хозяина, Мэйтала предупредила Раду, что если Гудэхи увидит ее на его территории, то убьет.

— Ты тоже хочешь убить Мэйтала? — спросила Рада Клодиу.

— Мне все равно, — честно признался он. — У меня никогда не было постоянного дома.

— Может быть, тогда нашим домом станет этот город? — спросила Рада и призналась, что больше не хочет возвращаться в Старый Свет. — Возможно, я даже не хочу больше покидать этот город.

Но прошло несколько лет, и Нью-Йорк остался позади. Началом этому послужило знакомство Рады с Алланом Монсоном. Ночь с бездомнным интеллектуалом, затем утро, завтрак. Они разговаривали о Джеке Керуаке, Вильяме Берроузе, Дилане Томасе, Аллене Гинсберге. Много историй у Монсона было о товарных поездах, в которых он несколько раз пересекал страну с востока на запад и обратно. Но что-то во всех этих рассказах было не так. Рада чувствовала это, но не могла понять. Не могла она понять и стремление Монсона познакомить ее со своими друзьями или познакомить его с ее друзьями. Рада отказывалась до тех пор, пока не поняла, что влюблена в него. Тогда они отправились в Гринвич-Виллидж.

В квартире еврейского поэта-гомосексуалиста книг было больше, чем мебели. Она вспомнила писателя-бисексуала, которого встретила когда-то давно на Тауэрском мосту в Лондоне. Поэт, друг Монсона, слушал внимательно и близоруко щурясь, пытаясь заглянуть Раде в глаза. Потом какая-то девушка заговорила о «Beatles», и Рада предпочла ретироваться. Они ушли с Монсоном на кухню. Холодильник был пуст, если не считать пакета с молоком. За грязными окнами шумел ночной город. Кран в раковине был сломан, и тонкая струйка воды текла на грязную посуду.

— Ну, как тебе мои друзья? — спросил Монсон.

— Я видела и более странных людей, — сказала Рада.

— Хочу, чтобы теперь ты познакомила меня со своими, — прошептал ей на ухо Монсон. Его пальцы заскользили по бедрам Рады, медленно, неспешно начиная поднимать вверх длинную юбку. — Давай сделаем это здесь, — предложил он.

Рада не ответила, но и возражать не стала. Монсон усадил ее на кухонный стол. Зазвенела пряжка ремня его вытертых джинсов. Рада обняла его за шею. Под шатким столом что-то зазвенело. Монсон смотрел Раде в глаза и улыбался.

— Что смешного? — зашипела она на него. Он покачал головой, но улыбаться не перестал. — Ну и черт с тобой, — буркнула Рада, крепче прижалась к нему. Кто-то вошел на кухню, достал из холодильника пакет с молоком, спросил у Монсона, не видел ли он чистый стакан.

— Сейчас посмотрим, — пообещал ему Монсон, протянул руки за спину Рады, взял со стола стакан, передал вошедшему.

— Спасибо, — сказал тот.

Все это время Рада держала глаза плотно закрытыми, и даже когда они снова остались с Монсоном одни, ей казалось, что кто-то стоит возле холодильника и смотрит на них.

— Мы уже одни, — шепотом сказал Монсон. Рада не ответила, лишь ближе подвинулась к нему, чтобы лучше чувствовать его внутри себя.

После, когда они покинули кухню, их встретил голый поэт в заваленной книгами комнате. Он и еще несколько человек без одежды сидели на старом диване бок о бок и разговаривали о Ницше, Кафке и Джеймсе Джойсе. Другие, в одежде, ходили по комнате, стояли у окна, сидели на кровати и стульях, принимая участие в разговоре. Нагота друзей, казалось, совершенно не беспокоила их.

— Обещаю, тебе они понравятся, — сказала неделю спустя Рада своей подруге Мэйталь. — К тому же Монсон сам просит познакомить его с моими подругами. А у меня кроме тебя и Клоди никого больше нет.

— Кажется, ты действительно влюблена в него, — сказала Мэйталь. Рада покраснела и пожала плечами. — Не думаю, что таким, как мы с тобой, стоит в кого-то влюбляться.

— Зачем тогда жить? — Рада снова улыбнулась и рассказала о том, как занималась любовью на кухне, в то время как кто-то приходил, чтобы взять молоко из холодильника. Потом рассказала об обнаженной полемике в заваленной книгами комнате.

— Им бы встретиться с Ницше лично! — рассмеялась Мэйталь.

— Ты встречалась с Ницше?

— И даже призналась ему, что еврейка, а он сказал, что ему плевать!

— Обещаю, что с друзьями Монсона будет веселее, чем в баре Боаза Магидмана, — сказала Рада, но Мэйталь, казалось, уже и сама жаждала этой встречи.

Они договорились на субботу следующей недели. Но на этот раз вместо Гринвич-Виллидж Монсон повел их в Бруклин, в район Хайтс. Там среди старых, пришедших из прошлых веков зданий, они остановились возле каменного дома викторианской эпохи. У входа росло старое высокое дерево. Его ветви доставали до окон верхних этажей дома. Привезшее их такси лихо сорвалось с места, свернуло с Пьерпонт стрит на Генри стрит, скрылось из вида.

— Ого, я ждала тараканов и пустого холодильника, — как-то не к месту пошутила Мэйталь, но Монсон неожиданно рассмеялся. Его смех гулко разнесся по ночной улице.

Они поднялись по каменным ступеням, минуя крохотный палисадник. Дубовая дверь была не заперта. Монсон жестом предложил Раде и Мэйталь войти первыми. Свет внутри не горел.

— Это что, вечеринка с сюрпризом? — шепотом спросила Рада Мэйталь. — Я чувствую здесь мысли других людей. — Она вдруг напряглась, замерла на месте. Входная дверь захлопнулась за спиной. — Что-то не так, — сказала Мэйталь.

Рада позвала Монсона по имени. Он не ответил. В сплошной темноте ничего не было видно.

— Аллан, что происходит, черт возьми? — Начала не то злиться, не то бояться Рада.

Затем она увидела яркую вспышку, похожую на молнию, которая на мгновение осветила все вокруг, услышала громыхнувший выстрел. Дробь из ружья пробила Мэйталь грудь, превратив в кровавое месиво. Кровь и раздробленные кости брызнули Раде в лицо.

— Только дернись, и я отстрелю тебе голову, — пообещал ей Монсон.

Вспыхнул свет. Рада увидела крупную, мужеподобную женщину с дымящимся ружьем в руках, увидела Мэйталь. Она с трудом дышала, но была жива. Кровь ее хозяина, Гудэхи, не позволяла ей умереть. Ее собственная кровь все еще текла, но раны уже начинали затягиваться.

— Нужно отрубить ей голову, — сказал Монсон.

— Нет! — Рада все еще хотела верить, что все это какая-то безумная шутка.

Широкоплечая женщина, похожая на Монсона, шагнула вперед. В руке у нее был нож для разделки мяса. Она замахнулась. Рада перехватила ее руку, но Монсон тут же воткнул ей в спину нож. Сталь прошла между ребер, пробила легкое. Рада захрипела, упала на колени, пытаясь вытащить нож из спины, но не в силах дотянуться до него. Из рта у нее потекла кровь.

— Скажи, такие, как ты, правда чувствуют боль или же это притворство? — спросил Монсон. Голос у него был тихим, зловещим, свистящим.

— Почему... Почему ты это делаешь? — спросила Рада, харкая кровью.

— Почему я это делаю? — Он неожиданно рассмеялся. — А почему ты делаешь то, что делаешь? Скольких людей ты убила? А твоя подруга?

Рада попыталась ответить, но зашлась кровавым кашлем. Монсон назвал ее тварью, вампиrom, исчадьем ада. Он говорил, что уже давно следит за клубом Боаза Магидмана. Говорил, что доберется до каждой твари, что посещает этот клуб. Говорил много и страстно. Говорил своим зловещим, свистящим голосом. Но он ничего не знал о Клодиу, не знал о Гудэхи. Для него существовали только их слуги, которые правят этим миром. Не их хозяева.

— Откуда вы взялись, черт возьми? — спросил Монсон, вытаскивая свой нож из тела Рады. Воздух пробитого легкого со свистом вырвался из раны, образовав кровавые пузыри.

Когда Монсон жил в Дакоте, один из слуг сородича Клодиу убил его родителей. Сам Монсон и его старшая сестра спаслись. Они прятались в шкафу, пока незнакомец, перерезав горла их родителей, собирал кровь в медицинские колбы. Слугой был мужчина. Монсон запомнил его

лицо. Особенно глаза. Он и сейчас видел их так, словно с того дня и не прошло пятнадцати лет. Помнила и его сестра. Та самая сестра, которая отрубила Мэйтэл голову ножом для разделки мяса. Ее зовут Вильда. Ей скоро тридцать, но она все еще девственница.

После смерти родителей она может думать только о мести. Да и отвращение к жизни слишком сильно. Она ненавидит этот мир, ненавидит свою жизнь. Каждый месяц она думает о том, чтобы убить себя, но ее сдерживает лишь понимание того, что где-то там ходит тот, кто убил родителей, сломав ее жизнь. Где-то там, в темноте, прячутся десятки монстров, которые пьют человеческую кровь. И об этом знает не только Вильда. Есть и другие люди, которые блуждают по стране в поисках этих тварей. Все это Рада видит в мыслях брата и сестры Монсон. Все их мысли, все их чувства, все воспоминания. И слова не нужны. Она переступила эту грань, по которой шла уже так долго.

От понимания этого закружилась голова. Чужие мысли лились и лились, наполняя сознание, словно хотели разорвать мозг. Это причиняло больше боли, чем рана от удара ножом, нанесенная Монсоном — человеком, которого Рада готова была полюбить. И еще все это отвращение, которое роилось в его голове. Отвращение к ней. Рада упала на пол, свернулась эмбрионом. И в отвращении этом был смысл. Скольких людей она убила? Скольких заставила страдать? Чужие мысли проникли, словно вирус, в кровь, вызывая ненависть и отвращение к самой себе. Хотелось забыться, уснуть, умереть. Рада стиснула зубы и тихо застонала.

— Больно? — ехидно спросил Монсон, решив, что причиной ее страданий является нанесенная им рана. Рада слышала его свистящий голос, который начинал ей казаться голосом другого человека, не того, которого она знала. Он стоял над ней с ножом в руках и, угрожая причинить еще больше страданий, требовал назвать имена остальных подобных ей тварей. — Сколько вас в Бруклине? А по всему Нью-Йорку? Мне нужны адреса, фамилии. Я хочу знать все ваши слабые места, чтобы избавить мир от этого проклятия... — Он продолжал говорить, а Рада чувствовала, как затягивается на ее спине рана, возвращаются силы.

— Давай просто убьем ее, — сказала брату Вильда. — Отрубим ей голову и дело с концом. — Она увидела, как Аллан качнул головой, и покраснела от гнева. — Ты все еще любишь ее? Все еще хочешь ее? Сколько раз вы делали с ней это? Пять? Десять?

— Я не был до конца уверен, кто она.

— А сейчас? — Вильда протянула ему нож для разделки мяса. — Вот. Докажи мне, что ее плоть не свела тебя с ума. Отруби ей голову! — Она увидела сомнения в его глазах и снова начала кричать, словно свихнувшаяся от неудовлетворенности монашка, отчитывающая молодежь за поцелуй. Не хватало только обещаний небесной кары и слов о происках

дьявола. И этот гнев, это безумие — Рада чувствовала их, они заполняли ее так же, как заполняли Вильду. Всю, без остатка. — Убей ее! — ворчала Вильда. — Убей эту шлюху! Убей, убей, убей!

Рада и сама не сразу поняла, что произошло дальше. Мысли Вильды,казалось, проникли не только в ее разум, но и в ее тело. Вернее, не мысли. Ярость Вильды. Особенно когда взгляд зацепился за обезглавленное тело Мэйтала. Вильда рада, что этой твари отрубили голову, но чувства Рады не сплетены с чувствами Вильды. Раде нравилась Мэйтала. Она была ее другом. Но друга больше нет. Друга забрали, убили, как животное. Именно это чувство смешивается с яростью Вильды, образуя безумный, взрывоопасный коктейль. Нужна лишь искра, чтобы воспламенить эту смесь. И эта искра есть. Нож для разделки мяса в руках Вильды — вот она искра.

Капли крови Мэйтала набухают на блестящей стали, скатываются по ее поверхности, падают на пол. Одна, другая. И кажется, что замер весь мир. Вильда не двигается. Рот ее открыт, перекошен гневом. В застывших глазах ее брата смесь растерянности и стыда. В его вязких мыслях Рада видит смущение. В какой-то момент их отношений он верил, что ошибся, верил, что Рада не одна из тех тварей, которая убила его родителей. Но он не признавался в этом даже себе. Он хочет ненавидеть ее, но часть его все еще очарована ее телом, ее голосом, ее запахом. Особенно запахом.

Он зарывается лицом в ее волосы, жадно втягивает их запах в себя. И еще поцелуи. Он целует ее так же жадно, как и вдыхает ее запах. Его тело тянется к ее телу. Его чувства тянутся к ее чувствам. Он влюблен в Раду. Но еще больше он влюблен в свой гнев. Поэтому сейчас он не может признаться себе, что был влюблен в одну из тварей, которая убила его родителей. И он заберет ее жизнь так же, как забрала жизнь Мэйтала его сестра. Есть лишь небольшая грань, которая сдерживает его. Но он уже почти перешел эту грань. И сцены интимной близости с Радой, сцены нежности и страсти, скоро сменятся сценами насилия и жестокости.

Он убьет ее, чтобы угодить сестре. Они отрежут ей голову и будут смеяться, как дети, которые прятались от убийцы их родителей много лет назад и мечтали о мести. Залитые кровью, с безумными глазами они будут хохотать над своими жертвами. Они будут упиваться этой радостью...

А кровь с ножа для разделки мяса, кровь Мэйтала, все капает и капает на пол. Друг мертв. Лежит на полу. Отрубленная голова Мэйтала откаптилась в сторону к стене. Яркие, выразительные глаза стали какими-то неестественно бледными, словно вместе с кровью из головы вытекла вся краска глаз. И сейчас, здесь, перед Радой, Вильда и ее брат не люди, которые борются с исчадиями ада. Это такие же убийцы, как и Рада, как Мэйтала. Возможно и хуже. Особенно Вильда. Особенно эта тридцати-

летняя девственница, которая ревнует своего брата к каждой женщине, с которой у него начинаются отношения. И будь Рада не слугой, а самой обыкновенной, Вильда все равно бы пришла за ней. Она спятила. Спятила уже давно. Рада видит это безумие — оно лежит перед ней обезглавленным телом подруги. И взрывоопасный коктейль в ее голове вспыхивает.

Ярость Вильды наполняет руки силой. Все тело горит огнем. Кажется, что горят даже глаза. Теперь ударить Монсона, отбросив его к стене, уклониться от удара ножом его сестры. Широкое тяжелое лезвие, нацеленное в горло, чтобы отсечь голову, вгрызается в предплечье, разрубает мышцы, вены, застревает в кости. Боль обжигает сознание. Вспышка перед глазами. Яркая, белая. Вильда хрипит, пытаясь высвободить нож. Ружье, из которого она раздробила Мэйтала грудь, все еще в ее левой руке. Она выпускает рукоять ножа. Правая ладонь на прикладе ружья. Безумие придает Вильде сил. Но это же безумие сейчас горит в голове Рады. Горит весь мир. Весь этот безумный мир.

Рада сжимает здоровой рукой горло Вильды. Тридцатилетняя девственница хрипит. Теперь сжать пальцы, вырвать гортань — Рада знает, что сил хватит, но в голову предательски проникают мысли и страхи Вильды. Она не настолько безумна, чтобы не бояться смерти. Этот страх сейчас заполняет все ее мысли. Страх за мгновение до смерти. Страх и желание жить. Дикое желание, сильное. Рада видит это в ее глазах, чувствует, как это проникает в ее сознание. Этот страх подобен вышедшей из берегов реке, которую не может остановить уже ни одна дамба. Кажется, еще мгновение, и река этого страха хлынет из ее глаз, из ее тела. И пальцы, которые еще мгновение назад были как сталь, гловые разорвать жертве горло, слабеют, становятся ватными.

Возвращается боль в разрубленной руке. Кровь из раны черными ручьями скатывается по коже, стекает по пальцам на пол. В застывшем мгновении слышны удары капель о старый паркет викторианского дома. Где-то далеко, в воспоминаниях Вильды, Рада видит, как они с братом бродили по Бруклину, выбирая место для казни. Аллан хорошо разбирался в архитектуре, но Вильде было плевать. Лишь бы в доме никого не было. Но сейчас она не вспомнит об этом, даже если от этого будет зависеть ее спасение. Сейчас ее парализовал страх. И если Рада отпустит ее горло, то она изо всех сил закричит, что хочет жить. Закричит, если сможет сделать вдох, потому что как дышать она тоже забыла. Ничего не существует кроме страха. Страха Вильды. Страха, который заполнил сознание Рады. Нет, она не сможет забрать у них жизнь. Каким бы сильным не был гнев, желание жить будет сильнее. И здесь, сейчас, забирать жизнь Вильды — это почти то же самое, что разрывать горло самой себе, отчаянно пытаясь спастись.

Рада выпустила из своей мертвой хватки посиневшее горло Вильды. Силы внезапно покинули ее. Боль в левом предплечье была тупой и какой-то неестественно далекой, но скоро она вспыхнет, запылает. Скоро запылает весь мир.

Словно в трансе Рада повернулась к Вильде спиной и пошла к выходу. Если бы Вильда сейчас смогла поднять свое ружье, то Рада не стала бы ее останавливать. Но Вильда не могла. Стояла в луже собственной мочи и смотрела, как уходит Рада, уходит смерть. Ее смерть. Смерть Вильды. Ее брат, медленно приходя в сознание после удара о стену, пытался подняться на ноги, но мир все еще казался ему призрачной дымкой, маревом, которое виднеется где-то там, у горизонта уходящей далеко вперед дороги, и до этого мира еще нужно дойти. Лишь тело его уже очнулось, но мысли нет. Движения неуверенные, нелепые. Ноги подгибаются. Руки хватаются за пустоту, ища опору...

Рада вышла на улицу. Дом и безумие остались позади, но какая-то часть все еще заполняла мысли, чувства. Она шла по Пьерпонт стрит, пока на пересечении с Клинтон стрит рядом не остановилось такси. Круглоголовый, розовощекий водила предложил подвезти. В густоте ночи он не видел, что левая рука Рады кровоточит так сильно, что следом за ней тянется темный шлейф. Рада села в его машину, назвала свой адрес. Улицы были пусты. Таксист хорошо знал дорогу. Несколько раз он пытался заговорить с Радой, но она не замечала его. Казалось, что в голове ничего нет, кроме страха Вильды, хотя сейчас Раде начинало казаться, что этот страх отчасти принадлежал и ей... Когда она вышла из такси, рана на предплечье уже начала затягиваться, но заднее сиденье машины было залито густой кровью. Все платье в крови. Кровь течет по ногам, хлюпает в туфлях.

Теперь подняться к себе, сбросить одежду, забраться под одеяло, закрыть глаза.

Ей приснилась Болгария и детство. Приснилась мать, которая рассказывала ей древние истории, которые в детстве казались самыми чудесными и таинственными. Да тогда все было чудесным и таинственным. Но Рада видит странные тени. Они окружают дом, где она живет со своей матерью, пробираются за эти ненадежные стены. Эти густые, живые тени. Те самые тени, которые она будет видеть возле Клодиу, возле своего друга, своего спасителя. Но Клодиу ненавидит эти голодные тени. Они могут сожрать человека за пару секунд. Останется лишь слизь, жика. Они могут сожрать и Клодиу, если их голод выйдет из-под контроля. Они — олицетворение всего, что скрывает в себе Клодиу. Самого дикого, самого древнего. И сейчас, во сне, эти тени пришли за Радой и ее матерью.

Сорвать шторы, открыть окна. Пусть солнечный свет прогонит эти творения тьмы. Но за окнами ночь. Серебряный месяц висит в звездном

небе. А тени уже в доме. Они приближаются к Раде и ее матери, чувствуют тепло их плоти, запах их мяса. Тени извиваются, покрывают пол. У них нет ртов — вся их плоть это один большой рот. Они созданы, чтобы есть. Темнота создана, чтобы пожирать свет, как ночь пожирает угасающий день. А за окном лишь месяц, да холодные звезды, свет которых долетает блеском из забытъя галактики. И шанса на спасения нет. Ни одна история, которую рассказывает мать, не спасет от этой ожившей тьмы. Тьма сожрет плоть, сожрет голос, сожрет сюжет любой истории. И ничего не останется. Лишь холодная, вселенская пустота. Вот что прячет глубоко в себе Клодиу. Вот что живет в каждом из его сородичей.

— Пожалуйста, не убивай нас, — просит Рада Клодиу. Но тени, которые пришли за ней и ее матерью, не принадлежат Клодиу.

Кто-то другой, неизвестный, стоит за окном. У него холодные, черные глаза. Рост средний. Тело жилистое, поджарое. Волосы, длинные, черные как смоль, сплетены на затылке в тонкую косу. Нос прямой. Скулы широкие. Рада, которая видит этого мужчину во сне — Рада-ребенок, никогда прежде не видела индейцев, но Рада, которой снится этот сон, начинает медленно узнавать этот образ. Реальность возвращается. Сотни лет пробегают перед глазами Рады-ребенка. Она не верит. Вся эта кровь. Все эти смерти. Кем она стала? В кого она превратилась?

Для девочки это потрясение, шок. Но девочка выросла, стала женщины, старухой. Она прожила свою жизнь, но кровь Клодиу позволила ей обмануть смерть. Его кровь дала ей сил, чтобы бороться со смертью, когда семья Монсон пришла за ней. Но смерть уже где-то рядом. Как и тени в доме детства. Они почти дотянулись до ног Рады. Мать прячет ее за своей спиной. Тени сжирают ее плоть. Запах тяжелый, удущливый. Рада слышит, как кричит мать. Что-то хлюпает в темноте. Реальность дрожит.

Дом из прошлого сливается с домом из минувшей ночи, куда привел ее Монсон. В этом доме темно, но Рада может видеть во сне. Она видит, как тени сжирают ее мать и видит, как сестра Монсона отрубает ее подруге голову. Кровь из обезглавленного тела и слизь, которая остается от ее матери, сливаются, становятся одним целым. Тени забирают у нее мать. Люди забирают у нее подругу. А хозяин подруги, хозяин Мэйтала по имени Гудэхи, стоит за окном под звездным небом и наблюдает за происходящим. Наблюдает во сне. Наблюдает в реальности. Стоит в дверях спальни и смотрит на Раду. Рада щурится, вглядывается в это жесткое, словно лишенное эмоций индейское лицо, и какое-то время не понимает, что проснулась.

Рана на плече все еще кровоточит. Кровь пропитала, кажется, всю кровать. Рада чувствует слабость. В глазах двоится. Никогда прежде она не видела никого из древних, кроме Клодиу, но Гудэхи выглядит именно так, как его и описывала Мэйтала. Но Мэйтала мертвого. Понима-

ние этого помогает Раде окончательно проснуться, вжаться в высокую спинку кровати, словно она еще может сбежать от древнего, спастись. Но спасения не будет. Рада знает это. Мэйталь говорила, что Гудэхи хотел ее убить, когда узнал, что она ищет себе жертв на его территории. Но почему именно сейчас? Или же он думает, что она виновата в смерти его слуги, Мэйталь? Но она ведь не виновата. Он может увидеть это в ее мыслях, если, конечно, он уже не утратил эту способность.

Клодиу говорил, что когда-то древние могли не только читать мысли людей, но и принять любой их вид. Это было когда-то давно, много-много тысячелетий назад. Но сейчас они уже не могут этого сделать. Кажется, что даже свой собственный вид — искрящийся и меняющийся, словно в них не было ничего, что связано с физическим миром, — они скоро уже не смогут принять. Только жалкие ошметки. Когда-нибудь. Пройдет еще пара тысячелетий и это случится. Но Рада знает, что не доживет до этого дня. Возможно, она не доживет до обеда. Гудэхи разорвет ее здесь, забрызгав стены ее кровью. И никто не сможет ее спасти. Но почему же он ждет? Почему стоит в дверях и просто смотрит?

— Я... я не убивала Мэйталь, — сказала Рада охрипшим голосом.

— Я знаю, — услышала она тихий, произнесенный почти одними губами ответ Гудэхи.

— Я любила Мэйталь. Она... Мы... мы были друзьями. Понимаешь? — Мысли в голове начали путаться. Рада понимала, что должна говорить, но страх перед древним, перед настоящим древним — холодным и пустым, как вселенная, а не тем, кем пытался быть Клодиу, — давил, парализовал все мысли. — Пожалуйста, не убивай меня, — сказала она то единственное, что крутилось в голове.

— Я пришел не для того, чтобы убить тебя, — сказал Гудэхи так же тихо, как и прежде.

Только сейчас Рада заметила черный пакет в его руке. Пакет, который Гудэхи нашел в доме на Пьерпонт-стрит, где обезглавили Мэйталь. Нашел в эту ночь. В пакете лежало что-то тяжелое, круглое. Рада боялась думать, что это может быть. В какой-то момент у нее появилась мысль, что Гудэхи убил Клодиу, и в пакете голова ее друга. Но она ошибалась. Клодиу был жив, а в черном, лишенном надписей и рисунков пакете лежали головы Вильды и Аллана Монсон.

Они умерли быстро. Гудэхи никогда не заставлял людей страдать. Хотя жизнь Мэйталь стоила того, чтобы изменить своим принципам. Они были вместе почти полторы сотни лет. Их первая встреча произошла на землях полуострова, омываемого с запада Мексиканским заливом, а на востоке Атлантическим океаном.

В тот год, следом за племенем чокто, настало время дороги слез и для семинолов. Большинство из них подчинились. Непокорных было лишь

несколько сотен. С ними и остался Гудэхи. Они скрывались в болотистой низине полуострова, забирая жизни солдат, посланных подчинить их воли президента Эндрю Джексона и белых колонистов, желающих занять их земли. Ночами Гудэхи покидал индейский лагерь и утолял свой голод. Он разрывал белым солдатам горла, вырывал им сердца.

Однажды, вернувшись в лагерь, он увидел семью колонистов. Отец Мэйтэл был проповедником. Ему сняли скальп и повесили за ноги на высоком старом дереве. Он был еще жив, но в глазах уже сгущалась тень смерти. Кровь с обнаженного черепа капала на груду библий, которую сложили под его телом. Индейцы пытались их разжечь, но тонкая дешевая бумага лишь тлела и дымила. Его жена и младшие дети были мертвы. Им перерезали горла и усадили возле повозки, чтобы отец мог видеть их. Его старшей дочери, Мэйтэл, вспороли живот. Она сидела у повозки рядом со своей матерью, прижимала руки к животу, чтобы не вывалились внутренности, и отчаянно цеплялась за жизнь.

Гудэхи подошел к ней и заглянул в глаза. В них не было ни намека на смерть. Она хотела жить. Ей было лет шестнадцать. Волосы густые, черные, вьющиеся. Лицо светлое, чистое. Она попросила у Гудэхи воды. Он покачал головой. Солнце поднималось в небо, жгло кожу. Гудэхи забрался в крытую повозку. Когда начались сумерки, Мэйтэл была еще жива. Никто уже не обращал на нее внимания.

Крупный, угольно-черный коршун спикировал откуда-то с неба и сел на деревянный крест повозки проповедника. Глаза у него были красные. Хвост сизый, с широкой черной полосой. Клюв тонкий, вытянутый, загнулся книзу. Казалось, что никто не замечает его, кроме Гудэхи. Осмелев, коршун взмахнул крыльями, спустился на землю рядом с Мэйтэл и снова замер, разглядывая умирающую женщину. И время, казалось, остановилось. Затем Гудэхи услышал, как звякнула тетива лука. Засвистела, рассекая воздух, стрела. Наконечник пробил коршуна грудь, привязав к колесу повозки рядом с Мэйтэл. В красных глазах птицы не было страха. Они погасли медленно, закрылись. Все это время Гудэхи смотрел в эти умирающие глаза. Этот коршун напоминал ему Мэйтэл. Но в отличие от Мэйтэл и ее семьи, убийство коршуна не имеет смысла. Это была просто птица, просто хищник, который жил согласно законам своей природы. Тонкая струйка крови вытекла из пробитой груди коршуна, скатилась по древку стрелы до оперенья.

Гудэхи так и не понял, почему забрал жизнь выпустившего эту стрелу индейца, но чувство, которое он испытал при этом, ему понравилось. Это был не голод. Что-то другое. Других оставшихся в снимающем лагере индейцев он убил просто так. На все это у него ушло не больше минуты. Собрав разорванные тела, он бросил их в крытую повозку. Кровь просочилась сквозь доски и потекла на землю, скапливаясь возле

мертвого коршуна и умирающей Мэйтал, чьи глаза так сильно напоминали ему глаза коршуна. Но скоро они потухнут. Очень скоро. Жизни в них уже осталось мало. Гудэхи разрезал себе ножом запястье, прижал его к губам Мэйтал и велел пить. Она подчинилась.

— Когда раны затянутся, уходи отсюда, — сказал он ей.

— Не бросай меня, — неожиданно попросила она. Гудэхи обернулся. Глаза Мэйтал были налиты кровью, словно в нее вселился дух убитого коршуна. Она смотрела на Гудэхи без страха, без отвращения, без ненависти и раболепия. Это был просто взгляд. Взгляд сильной, свободной птицы. Птицы, которая будет лететь рядом с ним всю свою жизнь...

В ту ночь, когда Монсоны забрали жизнь Мэйтал, Гудэхи почувствовал это. Пустоты стало чуть больше. Где-то далеко глаза женщины-коршуна погасли. Глаза его верного спутника. Гудэхи не мог знать подробностей этой смерти, но ему представилась стрела, которая пробила много лет назад коршуну грудь. И сейчас, как и тогда, он снова хотел забрать за это жизнь того, кто выпустил эту стрелу.

Длившаяся полтора века связь медленно остывала, словно солнце, которое садится за горизонт, вспыхивает напоследок, слепя глаза, и Гудэхи надеялся, что ему хватит времени найти Мэйтал, а рядом с ней и ее убийц. Когда он добрался до Пьерпонт-стрит, Аллан Монсон и его сестра уже убрали тело Мэйтал в подвал. Старая кирпичная кладка была разобрана — место освобождено для двоих, но Рада сбежала, спутала их планы. Гудэхи стоял в комнате, где обезглавили Мэйтал, и слушал разговор брата и сестры Монсон. В комнате пахло кровью слуг. Одной из этих слуг была Мэйтал — Гудэхи хорошо различал ее запах. Вторая кровь принадлежала кому-то другому. Гудэхи не двигался, лишь слушал. Слушал о Раде.

— Ты должен убить ее, — говорила Вильда брату. — Я видела сомнения в твоих глазах. Ее тело свело тебя с ума. Убей ее и избавься от этой связи.

Монсон не возражал. Вильда Монсон говорила, что нужно убраться в доме, не оставлять следов. До утра еще есть время.

— А потом мы отправимся за твоей шлюхой, — сказала Вильда брату. — Она не нужна тебе. Она не нужна нам. Никто не нужен.

Гудэхи ждал, пока не услышал все, что ему нужно, затем спустился в подвал. Монсоны ничего не знали о древних, но древний стоял перед ними. И древний был зол. Молча, затратив минимум сил и движений, он оторвал охотникам головы. Кровь брызнула на кирпичные стены. Гудэхи заметил черный пакет у дальней стены, собрал в него трофеи и отправился к Раде.

— Я пришел не для того, чтобы убить тебя, — сказал он, бросив пакет на кровать. Головы брата и сестры Монсон вывалились на голубые простыни, пялясь в пустоту мертвыми глазами.

— Господи! — прошептала Рада.

— Они хотели убить и тебя, — сказал Гудэхи.

— Я знаю. — Рада пыталась не смотреть в глаза Монсона, но не могла. Они притягивали ее взгляд. Эти горящие глаза на мертвецки бледном лице. Она почему-то вспомнила минуты их близости. Во время кульминации Монсон всегда краснел, наливался кровью, словно спелый помидор. Теперь лишь только мертвецкая бледность. — Я любила его, — прошептала Рада.

— Он был охотником, — тихо сказал Гудэхи.

— Я знаю.

— Есть и другие. — Гудэхи ждал, изучая Раду. Она потеряла много крови. Ее глаза застилала пелена тумана. — Тебе нужна кровь древнего, — сказал Гудэхи, закатывая рукав на правой руке.

— У меня есть Клодиу, — качнула головой Рада. Имя сородича вызвало раздражение у Гудэхи, но он оценил верность.

— Ты должна предупредить остальных слуг об охотниках.

— Эти охотники ничего не знают о древних.

— Но они готовы убивать вас — наших слуг. На востоке, на западе, в Старом Свете...

— Хочешь, чтобы мы начали охоту на них?

— Хочу, чтобы вы были готовы к встрече с ними. — Гудэхи долго и внимательно смотрел Раде в глаза. Она хотела спросить его о Мэйталь, но так и не решилась.

Потом он ушел, оставив отрубленные головы брата и сестры. Рада хотела подняться, избавиться от трофеев, но раненая рука не слушалась, висела плетью вдоль туловища. Да и сил не было. Поэтому Рада снова легла в кровать.

Теперь закрыть глаза, увидеть сон о детстве в Болгарии, где Рада и ее мать окружены тенями в своем шатком, ненадежном доме. И шанса на спасение нет. Тени сожрут их. Сожрут весь мир. Рада пытается кричать, но вместо этого из горла вырывается лишь стон. Тени подбираются к ее ногам. Плоть растворяется в их тела-пастях. Тело всыхивает острой болью, но уже через мгновение приходит немота. Все заканчивается. Здесь, в этом доме в болгарских горах.

Когда Клодиу пришел несколько дней спустя в квартиру Рады, она уже едва дышала. Рана на предплечье гноилась, началась лихорадка, и в комнате пахло медленной, мучительной смертью. Кровь Клодиу помогла Раде зацепиться за жизнь, но что-то темное и мрачное осталось в ее глазах.

— Зачем тебе это? — спросил Клодиу, показывая на начинавшие разлагаться головы в изножье кровати.

— Их принес Гудэхи.

— Кто?

— Неважно. — Рада поднялась с кровати. — Нужно будет избавиться от них. — Она ушла в ванную, скинула пропитавшуюся потом и кровью одежду, включила горячий душ.

Когда она вернулась в спальню, Клодиу уже ушел. Головы Монсонов остались. Клодиу словно понял, что ей сейчас нужно побывать одной. Сегодня, через неделю, через месяц. Что-то изменилось. Рада не знала, что послужило причиной. Может быть, смерть Монсона. Может быть, его предательство. Может быть, визит Гудэхи. Или убийство Мэйтала. И еще эти чужие мысли, которые она начала читать, глядя в глаза своей смерти. Чувство было такое, что нечего безвозвратно потеряно. Нечто хорошее. Нечто, что позволяло ей оставаться человеком.

Словно в тумане Рада прожила последовавшие несколько месяцев. Не помогло и приглашение Клодиу на балетную постановку, которую организовала на Бродвее Саша Вайнер. Шоу удалось на славу, но Рада не чувствовала ни радости, ни удовлетворения. В груди была пустота. Густая, тягучая.

Она сидела в первых рядах и почти не смотрела на игру актеров. Все это потеряло смысл. Рада не следила за тем, что происходит на сцене — она представляла, как черные тени окружают зрительный зал. Прожектора освещают сцену. Это единственный источник света. Тени избегают его, но в зале защиты нет. И тени, рожденные древними, лакомятся посетителями. Балетная труппа продолжает порхать по сцене, не замечая криков, не замечая пустоты, которая уже прожевала все живое в зале и принялась за стулья, полы. Вот заискрила проводка. Прожектора заморгали. Постановка замерла, но действие продолжилось. Тени добрались до труппы. Белые костюмы утонули в темноте, пустоте...

Рада очнулась, когда услышала аплодисменты. Клодиу стоял рядом с ней и хлопал, казалось, громче всех. Балет всегда увлекал его. Сейчас Рада завидовала ему. Сейчас она завидовала любым чувствам, которые можно испытывать в этом опустевшем мире. Когда они вышли на улицу и Клодиу поймал такси, она сказала, что ей нужно немного пройтись.

Вечер сгущался, медленно перетекая в ночь. Люди, как тараканы, сновали по театральному кварталу. На Таймс-сквер Рада встретила молодую золотоволосую пару. Они были так похожи, что их страстные поцелуи вызывали смущение у прохожих, которые невольно принимали их за брата и сестру. Эта пара напомнила Раде Вильду и Аллана Монсона, головы которых еще недавно лежали в изножье ее кровати.

Золотоволосая пара шла по Седьмой Авеню, и Рада, не особенно понимая почему, шла следом за ними. Шла так близко, что слышала их голоса. Девушка говорила, что мечтает стать актрисой. Парень смеялся и отпускал по этому поводу непристойные шутки. Она притворялась,

что обижается, и демонстративно, в знак наказания, убирала его руку со своих ягодиц. Но все это было частью их веселья. На пересечении Седьмой Авеню и Сорок второй стрит они спустились в метро, проехали семь остановок и вышли на Кларк-стрит.

За полчаса, что они провели в метро, Рада насчитала восемнадцать поцелуев, девять анекдотов и четыре попытки блондина пробраться под блейзер своей девушки к ее груди, две из которых увенчались недолгим успехом. Рада не знала, почему считает все это, почему идет за этой парой. На Кларк-стрит она уже хотела поймать такси и вернуться домой, когда вдруг увидела, что пара сворачивает на Генри-стрит — улицу, которая находилась рядом с Пьерпонт-стрит, где стоял старый дом в викторианском стиле, в котором Вильда Монсон отрубила Мэйтalu голову, а ее брат воткнул Раде в спину нож.

В груди что-то екнуло. Что-то вздрогнуло в этой заполнившей все тело и мысли пустоте. Рада замерла. Мимо проехало такси. Она махнула рукой, но сделала это уже слишком поздно. Пара, за которой пришла сюда Рада, скрылась за поворотом на Генри-стрит. Рада не слышала их голоса, но ей казалось, что она слышит обрывки их мыслей. Или же это были ее собственные мысли, ее воспоминания? Она словно бы видела все глазами Аллана Монсона и его сестры. Вот они так же, как и эта золотовласая пара, выходят из метро, вот идут по Генри-стрит, сворачивают на Пьерпонт-стрит. Старый викторианский дом продается. Они ждут, когда не будет свидетелей, затем Аллан разбивает окно в подвале, пробирается внутрь. Вильда следует за ним...

Словно во сне, где с трудом понимаешь, что происходит и почему, Рада дошла до Пьерпонт-стрит. Золотоволосая пара, которую она преследовала, стояла в тени разросшихся на тротуарах лиственных деревьев, но Рада смотрела только на дом, где Монсоны убили Мэйтalu, а затем Гудэхи убил Монсонов. И все еще кажется, что это сон, что сейчас время повернет вспять, и Аллан приведет ее и Мэйтalu не в дом смерти, а на забавную вечеринку, где снова кто-то обнажится и будет цитировать Ницше. Но мечты эти не сбудутся. Сон не останется сном. Это реальность. Чертова реальность.

Рада прижалась спиной к дереву и закрыла глаза. Где-то далеко гудел город, и молодой блондин склонял свою девушку к сексу. Его намеки были настолько прозрачными, что Рада не сразу поняла, о чем он говорит. Потом появились случайные прохожие, заставив парочку отступить в темноту между домами. Сумрак проглотил их тела, оставил едва различимые ореолы светловолосых голов. Мимо проехало еще одно такси, остановилось впереди, возле дома на углу с Хикс-стрит. Рада перешла на другую сторону, чтобы не беспокоить молодую пару, надеясь, что кэб окажется свободным, и она сможет вернуться домой. Но не успела она

пройти и десятка шагов, как такси, скрипнув резиной, лихо сорвалось с места и умчалось прочь. Рада остановилась возле лестницы в греческом стиле, которая вела в крошечный, окруженными колоннами портик, в глубине которого таился вход в четырехэтажный дом.

— Правда не можешь больше ждать? — спросила на другой стороне улице в темноте между домами девушка своего парня.

— А ты разве не чувствуешь? — спросил он.

— Чувствую. — Девушка неожиданно обернулась, желая убедиться, что рядом никого нет.

Деревья на тротуаре скрыли от нее Раду, скрыли этого неслучайного свидетеля. Рада слышала, как зажужжала молния на джинсах, видела, как одна из светловолосых голов переместилась вниз. Чувств по-прежнему не было, но Рада неожиданно поняла, что может слышать не только голоса этой пары, но и мысли. Далекие, сбивчивые.

— Считай звезды и не подглядывай, — сказала девушка своему парню таким шутливым и в то же время задорным голосом, что Рада пожалела, что не может подойти ближе.

Мысли этой пары, словно слабая радиоволна, то долетали до нее, становясь четкими, то гасли. Понять что-то из этого было невозможно. Да Рада и не хотела понимать, не хотела находиться здесь. Она подумала, что должна была давно умереть. Подумала, что ее тело давно бы сгнило где-нибудь в болгарской земле, если бы Клодиу не дал ей свою кровь. Но сейчас вечная жизнь не казалась больше подарком, скорее проклятием. Спина заныла как раз в том месте, куда вонзил нож Аллан Монсон. Заныло и плечо. Раны затянулись, не осталось даже шрамов, и Рада знала, что это болят не порезы, а тяжелые, мрачные воспоминания, которых становится слишком много для одной жизни, для одного человека.

— Не могу больше сдерживаться, — сказал на другой стороне улицы молодой блондин.

— И что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила девушка снизу.

— Не знаю, — растерялся он. — А что ты обычно делаешь?

— А что тут можно сделать?! — хихикнула она.

Обрывки ее мыслей долетели до Рады. Или не ее — блондина. А может кого-то из жителей этих домов.

— Не провожай меня, — сказала девушка парню, когда они вышли из своего убежища. Она чмокнула его в щеку и побежала к перекрестку с Хикс-стрит, скрылась за углом. Походка у нее была легкой. Казалось, что она парит над дорогой. Блондин закурил, сунул руки в карманы джинсов и пошел прочь.

Рада пошла за ним. Ей было все равно, куда он идет. Было все равно, какие у него планы. Она собиралась набраться смелости, выбрать

тихую улицу и прокусить ему шею, выпить его кровь. Желание было каким-то странным, словно и не принадлежало ей. Но она не могла с ним бороться, не хотела. Рада пересекла улицу. Блондин заметил ее, но оборачиваться не стал. Они поравнялись. Рада выждала несколько мгновений и толкнула блондина в темноту между домами. Еще совсем недавно в подобной темноте молодая девушка подарила ему оргазм, сейчас другая женщина, такая же молодая телом, но старая духом, собиралась забрать у него жизнь. Блондин словно почувствовал это, выудил из кармана пружинный нож. Рада сдавила ему горло, прижала спиной к кирпичной стене, пытаясь решить, как лучше пустить ему кровь. Блондин дернулся и как-то неуверенно воткнул свой нож ей в бедро. Боль обожгла сознание. Струйка крови потекла по ноге. Рада сильнее сжалась блондину горло и отобрала свободной рукой нож. Он что-то пытался сказать, но не мог.

— Заткнись. Просто заткнись! — зашипела на него Рада, вскинула нож к его горлу и пустила ему кровь. Теперь пить. Жадно, как это делает Клодиу. Пить, пока кровь не принесет покой и не заполнит пустоту.

Желудок сжался внезапно. Рада попыталась сдержаться, но ее все равно вырвало кровью блондина. Она выругалась, отпустила его и пошла прочь. Он выживет. Она знала это. Выживет и постарается забыть эту ночь. Даже сейчас это мелькало в его мыслях, которые Рада вдруг смогла видеть так же отчетливо, как это было с ней, когда Вильда собиралась убить ее.

Она поймала такси и отправилась к Клодиу.

— Я стала другой, — сказала она ему с порога. — Изменилась.

Клодиу не ответил. Рада прошла в дом. Рана на бедре уже затянулась. В полумраке казалось, что тени действительно оживают. Перед глазами мелькали картинки с молодым блондином. Особенно его напуганные глаза. Монотонно, почти беззвучно, Рада рассказала, как после театра встретила молодую пару, пошла следом за ними.

— В них было так много жизни, так много маленьких смыслов, целий. — Рада тяжело вздохнула. — В них была любовь, а во мне, кажется, осталась только пустота и ничего больше. — Она бросила на Клодиу короткий взгляд. — Не думай, что я обвиняю тебя, просто... — Тени в углах снова вздрогнули, зашевелились. — Ты снова голоден? — догадалась Рада.

— Я могу потерпеть, — сказал Клодиу.

— Зачем? — она заставила себя подняться. — Я ведь для того и живу, чтобы кормить тебя, чтобы заботиться о тебе.

Тени потянулись к ее ногам. Эти псы ночи, эти стервятники пустоты. Рада подумала, что если они сейчас набросятся на нее, то она не станет спасать себя... Когда она только встретилась с Клодиу, когда только

начала жить с ним, заботиться о нем, она боялась этих теней, которые приходили каждый раз, когда у Клодиу начинался приступ голода. И чем голоднее он был, тем более свободными становились эти тени.

«Интересно, — подумала Рада. — Что будет, если я обману Клодиу и не стану его кормить? Что будет, если он сам не отправится на улицы, неся хаос и смерть? Что тогда? Выйдут ли эти тени из-под контроля?» Никогда прежде она не видела, как тени забирают чью-то жизнь, забирают плоть и пространство, оставляя пустоту. Но Клодиу говорил ей, что когда-то давно это случалось. Остальное делало воображение. Рада представляла, как тени пожирают целые улицы, кварталы. Но Клодиу, казалось, действительно мог держать этих выродков ночи под контролем.

Когда Рада познакомилась с Мэйталь, то они много разговаривали о своих хозяевах. Гудэхи был другим. Мэйталь видела, как рожденные его естеством тени пожирают людей. Он никогда не ценил чужую жизнь. Для него люди были не больше, чем животные для людей: одних можно приручить, а других пустить в пищу. И у них нет права выбора.

— Хотя ко мне он привязан, — говорила Мэйталь.

Ее истории заставляли Раду представлять Гудэхи свихнувшимся индейцем, в доме которого развешаны снятые скальпы своих врагов, а на шее сверкают белые амулеты из человеческих зубов. Но в действительности все оказалось иначе. Возможно, когда Рада рассказывала Мэйталь о Клодиу, обо всех его приступах голода и убийствах в те времена, когда они жили в Болгарии, Мэйталь тоже представляла его монстром. Или древним богом, которому приносят сотни, тысячи жертв. Но Клодиу был другим. Другим был и Гудэхи.

Они приручили своих слуг, воспитали их, сделали щадящим инструментом своей сущности. Они заставили их совершенствовать искусство смерти. Мэйталь, например, никогда не осушала жертв целиком. Она оставляла место преступления в таком виде, что власти считали это простым убийством. Еще Мэйталь никогда не смотрела своим жертвам в глаза.

— Мы как проститутки, которые продают свои тела, но избегают поцелуев в губы, — говорила она. — В этом лишенном ценностей мире нужно придумать что-то, что поможет чувствовать себя чуть чище. Иначе сойдешь с ума.

В те дни Рада считала Мэйталь более зрелой, чем она сама. В глазах Мэйталь была мудрость, которая помогала ей жить. Но Мэйталь больше нет. Любовник Рады заманил ее в ловушку, а его сестра отрубила ей голову.

— Никогда не смотреть в глаза, — звучит где-то далеко голос Мэйталь. Снова вспомнить блондина. Снова вспомнить его глаза. Все это парит где-то в пустоте сознания. Все мысли парят в пустоте сознания, словно принадлежат кому-то другому.

Клодиу позвал Раду по имени, спросил, все ли с ней будет в порядке.

— А с тобой? — спросила она, перед тем как уйти. Он не понял вопроса.

Рада вышла на улицу и долго бездумно шла по ночному кварталу. Айронмин-драйв вывела ее на Флэгг-Плэйс, а затем по Тодт-Хилл-роуд к Моравскому кладбищу, проход на территорию которого преграждали кустарник и железная ограда. Вход на кладбище находился чуть дальше, возле белого двухэтажного дома. Дорога была хорошо освещена, и Рада надеялась, что ее заметят, попробуют остановить, задать вопрос, почему она идет на кладбище в такой поздний час. Но ее не заметили.

Кладбище было огромным, и Рада бродила между надгробных плит всю ночь. Бродила бездумно, ничего не чувствуя, ни о чем не думая, затем поняла, что заблудилась. Мысль о том, что она потерялась среди мертвцевов, пришлась ей по вкусу. Она представила, что весь мир превратился в кладбище, и нет смысла пытаться выбраться отсюда, села под старым раскидистым лиственным деревом, прижалась спиной к его стволу и закрыла глаза. Снов не было, она даже не поняла, удалось ей заснуть или нет, но наступления утра она не заметила. Ее разбудил старик в старом твидовом костюме. Он что-то говорил о своей усопшей жене и что его дочь похожа на Раду.

— Ваша дочь не похожа на меня, — сказала Рада. — Вы не захотите, чтобы она была на меня похожа.

Солнце стояло высоко в небе. Рада вспотела. Кровь запеклась на подоле платья. Все тело казалось грязным, усталым. Вернуться домой, принять душ.

— Я помолюсь за тебя, — пообещал старик. Рада не ответила, лишь безнадежно махнула рукой, показывая тщетность обещанной молитвы.

Добравшись до Манхэттена, Рада вышла недалеко от Башни Нельсона, решив, что ей просто необходимо пройтись пешком, почувствовать жизнь окружающего ее мира, который все еще казался ей кладбищем. Все эти железобетонные дома-скелепы, все эти короткие жизни, которые от рождения уже начинают медленно умирать. Вся эта пустота, смерть. Смерть повсюду... Желудок сжался как-то внезапно. Раду снова вырвало кровью блондина. Толпа людей, словно река, в центр которой природа поместила огромный камень, обогнула Раду и потекла дальше.

Домой, под душ, отмыться, отоспаться, и все пройдет. Но пустоты стало больше.

Рада лежала на кровати и смотрела в ночь. Мир остался где-то далеко, не здесь. Здесь были только пустота да холодные надгробные плиты.

Началось утро, но Рада не заметила этого. Солнечный свет проник в спальню, просочился сквозь тяжелые шторы. Подняться с кровати, приготовить себе завтрак. Процесс жизни стал механическим движе-

нием, заранее запланированным действом, где нет ничего нового. Рада открыла окно и долго смотрела, как далеко внизу бродят люди.

Ближе к вечеру она вспомнила Клодиу, вспомнила его голод. Одеться, выйти на улицу, бродить среди этих бессмысленных толп, ища жертву. Ничего. Никого. Мертвцы ходят по мертвым улицам мертвого города. Тени придут и сожрут весь мир. Останется лишь пустота.

Рада бродила по городу до поздней ночи, но так и не нашла себе жертву. Впрочем, она и не искала. Просто ходила и ждала, когда кто-то подойдет и скажет, что готов отдать свою жизнь, чтобы утолить голод Клодиу. И желающих не было. Все они хотели жить. Все эти мертвцы хотели жить. «Или же это я мертвец? — подумала Рада. — Я умерла уже давно. Умерла не один раз. И для меня все кончено. А у этих людей своя жизнь. Маленькая, короткая, счастливая жизнь. Потому что в вечности нет смысла. Этот мир не создан для вечности».

Она представила Клодиу. Представила каждого древнего. Представила, каково это — жить от начала времен, жить среди тех, кто эволюционировал у них на глазах, плодился, развивался. Жить без причины, без смысла, без цели. Жить, зная, что позади осталась целая вечность, а впереди неизвестность. Их жертвы — люди, — знают, что будет в конце. Им отмерено меньше века, они знают об этом, а у древних нет этого знания. Они пусты в своей целостности.

Рада хотела заплакать, но не смогла. Хотела выбрать наконец-то себе жертву, но и это показалось неосуществимым. Не было слов. Не было смысла. Если выбирать человека для того, чтобы накормить Клодиу, то кто достоин этого? Или кто не достоин того, чтобы жить? Раньше ответ был. В Болгарии Рада выбирала турок, захватчиков. Во Франции она хотела убивать немцев. Но кого выбрать сейчас? Рада бродила по улицам, глядываясь каждому прохожему в глаза. Но в глазах каждого была жизнь. В глазах каждого было то, что она утратила когда-то давно, но только сейчас поняла это. Она — мертвец. Гниющий, разлагающийся мертвец.

Рада вернулась домой. Закрыла все двери и окна. Забилась в угол и стала ждать. Ждать, когда голод Клодиу выйдет из-под контроля. Когда город задрожит от кровавых убийств. Тени выйдут на улицу. Хаос подчинит мир. Мысли об этом принесли далекие крики. Люди просили пощады для тех, кто был им дорог, предлагая обменять их жизни на свои. Матери умоляли не трогать своих детей. Влюбленные жертвовали друг другом. Но голоду было плевать. Древние не выбирали себе жертв. Они несли лишь смерть, а тени, которые ползли за ними, как шлейф королевской мантии, подбирали то, что оставалось после трапезы своих хозяев. И Клодиу знает, что так будет. Гудэхи знает, что так будет. Поэтому они держат рядом таких, как Рада и Мэйтэл. Мудрость приносит

пустоту и одиночество, но в этом одиночестве древние еще борются за свой рассудок.

Рада лежала, на полу, поджав к груди колени, и убеждала себя подняться, накормить Клодиу. Убеждала даже во сне, среди какого-то нелепого нагромождения чернильных пятен, которые падают откуда-то сверху, из густой темноты на чистый белый лист. И Рада вдруг понимает, что она и есть этот лист. Вся ее сущность превратилась в белый лист, на котором появляются все новые и новые кляксы, все новые и новые пятна Роршаха, и кто-то в темноте берет эти листы, берет Раду и показывает то, что получилось, своим пациентам. Они смотрят на листы, и их фантазия рисует все новые и новые образы. Но никто не видит, не понимает, что эти листы были когда-то женщиной. Они смотрят на ее обнаженное тело, изучают его, но видят лишь чернильные пятна...

Сон закончился так же внезапно, как и начался, но Рада еще долго лежала с закрытыми глазами. «Просто белый лист. Я просто белый лист, — думала она. — Лишь время оставило на мне свои бессмысленные отпечатки. Пусть люди сами выбирают, кого хотят видеть во мне».

Рада заставила себя подняться. Теперь одеться. «Нет, все не то. Все эти платья. Весь этот внешний вид...» Рада смотрела на свое отражение, и женщина напротив совершенно не нравилась ей. Она больше не могла сохранять этот образ, поддерживать. Он умер, остался на Мертвом Холме за решеткой Моравского кладбища. Теперь ей нужно что-то новое. Что-то нейтральное. Что-то между жизнью и смертью. Сменить прическу, сменить гардероб, сменить духи.

Рада потратила на это перевоплощение почти три дня. Она забыла о голоде Клодиу, и когда пришла к нему, ждала удивления, а не страданий. Когда она постучала в его дверь, никто не подошел, и ей пришлось открыть своим ключом. Клодиу сидел у окна. Бледный, обессиленный.

— Ты принесла кровь? — спросил он, не открывая глаз, словно лишь его тело находилось здесь, а разум был где-то далеко-далеко. Хотя, возможно, так было всегда. Он всегда находился где-то далеко. В прошлом и в будущем. Этот пленник вечности. — Моя кровь у тебя? — снова тихо спросил Клодиу.

— Я забыла о твоем голоде, — призналась Рада. Клодиу улыбнулся. Устало, безжизненно. Тени в углах комнаты вздрогнули, насторожились. — Но я найду тебе кровь, — пообещала Рада. — Сегодня. И завтра. Пока ты не насытишься. Пока не победишь свой голод.

Она ушла, так и не решив, понял ее Клодиу или нет. На поиски жертвы потребовалась почти вся ночь. Толстый мужчина лет сорока, с одышкой, принял ее не то за шлюху, не то за одинокую женщину, которая сидит в баре одна, отчаянно нуждаясь в крепком плече. Его кровь помогла Клодиу успокоиться. Успокоились и тени, но крови нужно было больше.

— Почему ты не можешь пить мою кровь? — спросила неделю спустя Рада своего пресытившегося хозяина. — Я могла бы отдать тебе всю себя до последней капли. Тогда бы эта жизнь закончилась. Мне не жалко. Я все равно уже мертвa. — Она смотрела Клодиу в глаза, ожидая ответа, но ответа не было. Оставалось уйти, отвлечься, не встречаться, ограничиваясь короткими и редкими телефонными звонками, чтобы знать, когда вернется голод Клодиу, и придется снова отправляться на улицы и забирать чьи-то жизни.

Раз в месяц, иногда два, Рада приходила в бар Боаза Магидмана и покупала себе на ночь мужчину. Она не знала, зачем это делает, потому что удовлетворения от близости все равно не получала. Эти походы в бар Магидмана и покупка мужчин превратились скорее в ненужный ритуал, чем были необходимостью. Ждать определенного дня, приходить в бар, выбирать, вглядываясь каждому мужчине в глаза, словно желая найти кого-то особенного. Затем разговоры, вино, флирт. Все вроде как обычно. Вокруг полумрак. Чернокожий пианист с глубоким голосом. Мужчины слуги. Женщины слуги. И просто люди. Все смешаны в этом коктейле Боаза Магидмана, в этом железобетонном шейкере.

Старый слуга по имени Торелло пьет кровь молодой девушки. У нее короткие, выкрашенные в ярко-рыжий цвет волосы. Одежда легкая, воздушная, под которой видно обнаженное бледное тело. Торелло так стар, что его лицо меняется, как это происходит с древними, когда они собираются пустить кому-то кровь. Не так очевидно, но появляются острые, словно иглы, зубы, которыми можно легко прокусить податливую плоть. Рыжеволосая девушка дрожит. Торелло никуда не спешит. Он смакует свою жертву, словно это бокал с хорошим вином. Смакует всю ночь, покидая бар на ее излете, чтобы избежать солнечных лучей, которые жалят его плоть, жгут, убивают. Он может читать мысли других, может внушать людям ложные воспоминания. Но в глазах его усталость, пустота, распад, гниение. И так повсюду. Даже у тех, кто более молод.

Рада никогда не видела, чтобы Торелло покупал себе женщину для секса. Только кровь, молодость и рыжие волосы. Хотя его друг Киан, который приезжает в бар откуда-то из Пенсильвании, приобретает обычно целый комплект. Боаз Магидман достает для него бургундские вина с выдержкой от пяти до десяти лет, опиумную настойку и пару девушек с длинными, прямыми шелковистыми волосами. Девушки должны быть обязательно похожи.

Киан начинает игры с того, что смачивает свои губы опиумной настойкой. Ему нравится, когда девушки слизывают наркотик с его губ. Сначала одна, потом другая. Киан никуда не спешит. Он выбирает, распределяет обязанности, изучает глаза каждой из девушек, сравнивает искусство поцелуев, ждет, когда наркотики начнут действовать на де-

вушек. В руке Киан держит бокал с вином. Он отдыхает. Он расслабляется. Он готовится к трапезе и ночи любви. Потому что в конце, когда выбор сделан, он отправляет одну из девушек под стол, продолжая время от времени смачивать каплями лауданума свои гениталии, а другой девушке прокусывает шею. И снова время замирает. В воздухе летают запахи вина, железа, мускуса. В глазах девушек блестит дурман. Они всегда одеты. Киану не нравятся их тела — только их волосы. Поэтому они должны быть идеальны. Рада знает, что иногда Боаз Магидман тратит долгие недели на поиски нужного товара. Но цена оправдывает все старания.

Слуги тратят деньги древних. Слуги сами давно уже богаты до безумия. Но им не нужно это. Они знают, что все они уже давно мертвые. Мертвые для этого мира, поэтому остается лишь служить и забываться в баре Магидмана или подобных ему. Некоторые слуги предпочитают просто смотреть. Они покупают пару. Зачастую это мужчина и женщина, хотя изредка пара выбирается однополая. Поцелуи и ласки делятся всю ночь. Слуги пьют ром или вино, употребляют легкие наркотики, хотя кровь древних не позволяет им пьянеть. Остается лишь наблюдать.

В отдельном зале Боаз Магидман установил обитый толстым войлоком подиум, на котором устраивает шоу любви. Мужчины и женщины отдаются друг другу с театральным пафосом. На подобные постановки тратятся долгие часы. Рада ненавидит эти постановки. Они напоминают ей молодую пару, за которой она наблюдала на Пьерпонт-стрит, и о том, как она пыталась выпить кровь блондина. В эти моменты ее желудок снова начинает сжиматься. Нет, подиум и шоу любви не для нее. Она избегает этот зал, стараясь держаться там, где полумрак. Не нравится ей и однополые пары.

Слуга по имени Либена, с которой Рада пыталась подружиться, оттолкнула ее тем, что предпочитает себе в партнеры девушек. Желательно чернокожих. Она прокусывает им шею, ждет, когда ручейки крови побегут по телу, и только потом начинает слизывать ее. Ей нравится женский живот. Рада вспоминает Мэйтэл, вспоминает ее одержимость всеми, кто был похож на Пола Маккартни. «Лучше уж так, чем слизывать кровь с женского живота», — думает она, стараясь держаться подальше от Либены.

Ей не нравится показывать себя другим. Не нравится наблюдать за другими. Она выбирает себе мужчину и уходит в альков. На столе в стеклянной колбе горит свеча. Рада выбирает место так, чтобы можно было видеть сцену и чернокожего пианиста, слышать его голос, его музыку.

Она заказывает болгарское вино и абсент с самым высоким содержанием туйона. Вино напоминает о прошлом, абсент олицетворяет будущее. Купленный мужчина что-то говорит. Рада улыбается. Альковная

тайна продлится до утра. Здесь, в закрытом баре, стены которого разрисованы абстракционистами, светильники алькова выполнены в виде жуков *lytta vesicatoria*, а кровь партнера бурлит от кантирина или других подобных веществ. Он будет любить купившую его женщину до утра. Снова и снова. Обессиленный, лоснящийся от пота, но с горящими желаниями глазами.

— Тебе хорошо? — спрашивает он Раду.

— Да, — врет она. Врет не для него. Врет для себя. Врет, потому что устала ничего не чувствовать. Желание мертвое. Тело мертвое. Все это лишь оболочка. Оболочка с лицом женщины. Дорога жизни стала рыхлой, и Рада чувствует, как ноги увязают в этом непроходимом болоте. Эта жизнь проглатывает ее. — Мне нужно выпить, — говорит она своему любовнику.

Он улыбается, считая, что наконец-то удовлетворил ее. Десятки, сотни этих желающих заработать мужчин. Рада улыбается в ответ, одергивает юбку. В эти ночи она не раздевается. Лишь ее любовники. Они сидят за столом напротив и ждут нового сигнала. Янтарный абсент заполняет стакан. Одежда мокрая от пота. Воздух густ от запахов секса, крови, пота, опия и марихуаны. Рада пьет, закрыв глаза. Она ни о чем не думает, лишь слушает музыку. Музыка помогает отвлечься, забыться. Особенно хорошая музыка.

Когда умирает старый чернокожий пианист, она считает своим долгом появиться на его похоронах. Тяжелый дубовый гроб опускают в землю. Погода пасмурная. Начинается дождь. Собравшиеся быстро расходятся. Рада не двигается. Кто-то берет ее под руку. Женщина. Она знает Раду, но рада не знает ее. Женщина что-то говорит о музике покойного пианиста, о баре Боаза Магидмана.

— Ты тоже слуга? — спрашивает ее Рада. Женщина кивает. Рада заглядывает ей в глаза. — Ты не похожа на слугу.

— Я молодая слуга. — Она дружелюбно улыбается, но Рада чувствует, как от нее разит любопытством. Все это она уже когда-то видела. Все это уже было. — Меня зовут Лореа — это значит цветок, а тебя? — Она все еще улыбается.

— Рада.

— Это болгарское имя? Что оно означает?

— Что девушка, которую так называли, должна быть счастливой.

— А ты счастливая?

— Не очень.

— Я тоже не очень похожа на цветок.

— Ну почему же... — Рада окидывает ее усталым взглядом. У девушки смуглая кожа, худое тело. Волосы длинные, густые. Глаза темные.

— Могу я предложить тебе выпить? — спрашивает она.

— Зачем?

— Затем, что я никого не знаю в городе, кроме тебя.

— А откуда ты знаешь меня?

— Мы только что познакомились, забыла?

— Ну да... — Рада заставляет себя улыбнуться.

Теперь поймать такси, вернуться на Манхэттен. Бар на Седьмой Авеню. Красное вино в бокалах. Лореа спрашивает о баре Боаза Магидмана. Спрашивает о Нью-Йорке, спрашивает, почему Рада называет себя слугой.

— А как называешь себя ты? — спрашивает ее Рада.

— Не знаю. — Лореа пожимает плечами. — Никак не называю. Зачем нужны все эти клише? — Она еще что-то говорит, но Рада уже не слушает. У нее перед глазами Аллан Монсон. Его вопросы не столь откровенны, но суть их та же.

— Хочешь, я покажу тебе город? — предлагает Рада новой знакомой.

Они колесят по улицам до позднего вечера. Потом, где-то в Бронксе, Рада отпускает такси. Улица темная, грязная. Вдоль домов контейнеры с гниющим мусором. Несколько кошек затеяли брачные игры.

— Почему мы здесь? — спрашивает Лореа, все еще изображая беспечность.

— Ты не такая, как я, — говорит Рада.

— Но я же сказала, что еще молода и... — Лореа хрипит, потому что Рада сдавила ей горло. За спиной кирпичная стена. Вокруг никого, кроме похотливых котов.

— Ты ведь охотник, верно? — не столько спрашивает, сколько шипит ей в ухо Рада. — Как много вас здесь? Как ты узнала обо мне? От Монсона?

Она пытается заглянуть девушке в мысли, увидеть ее воспоминания, злится, что не может этого сделать, и еще сильнее сжимает ей горло. Девушка задыхается, достает из карманов какие-то медальоны, растворы. Святую воду Рада и не замечает, от эссенции чеснока у нее начинает резать глаза.

— Мы не вампиры, чертова дура! — кричит она на Лореу.

Гнев заполняет сознание. Сейчас пред ней не молодая девушка, имя которой означает цветок. Нет. Сейчас перед ней Монсон. Сейчас перед ней та грань, после которой все изменилось.

— Какого черта вы не оставите нас в покое? — Раду трясет от гнева.

Она все еще требует назвать имена, адреса, где можно найти других охотников. Кошки слышат ее голос и начинают кричать еще громче. Где-то далеко проносятся машины. У кого-то лает собака. И где-то среди всего этого безумия в голову Рады буквально вколачиваются мысли

и чувства девушки-цветка. Особенно чувства. Страх и ненависть. Лореа думает, что сейчас умрет. Она видит не Раду, нет. Она видит порождение ада.

— Ада нет! — шипит ей в ухо Рада. — Рая нет. Только мир, который ты видишь. Только мир.

Она снова заглядывает в налитые кровью глаза Лореа. Мысли девушки вспыхивают, словно фейерверк. Вспыхивают и гаснут. Снова и снова. Рада видит это, чувствует. Затем неожиданно все стихает. Даже кошки, и те сбежали куда-то. Лореа мертвa. Рада разжимает пальцы, которыми сдавливала ее горло, и тело девушки падает тряпичной куклой. В груди немота. Она разрастается, расползается по всему телу.

Полицейские сирены. Далекие, призрачные, нереальные. Рада слышит их, но не придает этому значения. Патрульная машина медленно ползет по темной безлюдной улице, останавливается. Пара патрульных. Рада смотрит им в горящие жизнью глаза. Но для нее жизнь мертвa, чувства мертвы, цели мертвы. Ей некуда идти. Некуда бежать. Ее жертва — Лореа, лежит у ее ног. Наручники на запястьях. Дорога в участок. В патрульной машине пахнет плесенью, рвотой, мочой. Мир становится чем-то механическим. Закрыть глаза, забыться. Кто-то спрашивает сигарету. В камере тесно. Пара потертых проституток. В коридоре за решеткой желтый свет.

— За что тебя забрали? — спрашивает Рада проститутка. Рада смотрит ей в глаза, но ответа нет. Ответ не имеет значения. Она уже мертвa. Она не должна быть здесь. Не должна даже жить. Все закончилось где-то в Болгарии много лет назад. — Эй, ты что, глухая? — снова спрашивает проститутка, подходит, обыскивает карманы, бранится, что нет сигарет.

Рада не двигается, стоит, прижавшись спиной к холодной стене. Реальность дрожит, меняется. Сознание несется прочь, на темную улицу. Заглянуть в глаза Лореа, заглянуть в ее мысли. Маленькие мечты. Маленькие надежды. Где-то далеко смеется Аллан Монсон. У него красавая, белозубая улыбка. Он улыбается Лореа так же, как улыбался Раде, но на этот раз в нем нет притворства, нет отвращения. Лореа видит его живым. Для Рады он мертв. Для Рады он лишь оторванная голова, которую принес Гуджи и бросил на ее кровать. Голова лежит на голубой простыне и улыбается, показывая окровавленные зубы. Рада словно снова оказалась в прошлом, словно время повернуло вспять. А голова Монсона вдруг начинает смеяться. Смех такой громкий, что у Рады начинают болеть уши. Трясутся стены, разбиваются окна. И в тот самый момент, когда кажется, что громче смех уже не станет, из черного пакета, толкая себя языком, выкатывается голова Вильды Монсон и начинает смеяться вместе с братом.

— Пожалуйста, хватит! — просит их Рада, но голос ее тонет в этой безумной какофонии хохота брата и сестры.

Они смеются над ней. И кажется, что от этого смеха все внутренности превращаются в кашу, в желе. Еще немного, и Рада лопнет, взорвется, как наполненный кровью воздушный шар.

— Заткнитесь, заткнитесь, заткнитесь! — шепчет Рада, зажимая уши руками, сжимается, скручивается, становится все меньше и меньше. Еще мгновение — и ее не станет, она растворится в этом диком хохте... Но кто-то берет ее за руку, тянет вверх, заставляя подняться, заставляя проснуться. Рада смотрит на молодого офицера. Ошметки сна еще висят на глазах, сплетаются с реальностью.

Офицер выводит ее в коридор. Запахи бетона, мочи, сырости. Окон нет. Лишь только редкие желтые лампочки под потолком.

— Эй, забери и меня! — кричит офицеру одна из проституток, с которой Рада была в камере. — Ты же знаешь, я в долг не останусь... — Она еще что-то говорит, но Рада уже не слышит, коридор остается за тяжелой железной дверью.

В участке людно. Большие часы на стене показывают девять утра. Жесткие стулья. Ожидание. Кабинет начальника отдела. Невнятные извинения.

— Вы что, глухая? — спрашивает он. Рада смотрит ему в глаза и молчит. — Да ну, к черту! — бормочет начальник отдела.

Снова молодой офицер, суэта участка, проходная, улица. Воздух кажется чистым и свежим, словно оказался в горах. Наручников нет, но запястья все еще болят. Молодой офицер ждет. Кадиллак на стоянке цвета кровавого заката. Черные стекла. Дверь открывается. Либена улыбается Раде. Нет не Раде. Она улыбается молодому офицеру. Они о чем-то говорят. Рада не слушает — ей кажется, что все это какой-то странный сон. Возможно, она все еще находится на безлюдной, ночной улице, лежит на дороге рядом с телом девушки, которую задушила. Но это не сон.

— Пошли, — говорит Либена, берет Раду под руку и ведет к «Кадиллаку». За рулем незнакомый мужчина. Рядом с ним женщина. Слуга. Рада не знает ее, но чувствует, что она стара, как мир. — Это Надин, — шепчет Либена. Рада не реагирует. Еще мгновение — и сон развеется. Еще мгновение, и реальность превратится в сон.

— Зачем ты убила Лореу? — спрашивает Надин, не оборачиваясь.

— Она была охотником, — говорит Рада.

— Она не была охотником. Я хотела сделать из нее слугу.

— Но она ничего не знала о слугах.

— Просто не пришло еще время. — Надин оборачивается и заглядывает Раде в глаза, изучает воспоминания. Минувшая ночь оживает.

— Я видела мысли Лореу, — бормочет Рада, чувствуя, как в груди появляется вина.

— Ты видела лишь то, что хотела видеть. — Надин заглядывает глубже в ее воспоминания, вытаскивает оттуда образы Монсона, дыхание Монсона, объятия Монсона. — Слуги не должны любить, — говорит она. Перед глазами Рады вспыхивает лицо Лореу. Она сжимает ей горло, забирает ее жизнь. — Любовь заставляет нас делать ошибки, — голос Надин вгрызается в мозг. Новые картинки мелькают перед глазами. Рада не знает, хочет ли Надин показывать ей это, или же это она сама залезает в ее голову, в ее мысли. В эти старые, усталые мысли.

— Но ты ведь тоже хочешь любить, — шепчет Рада, хотя после ошибки с Лореем она уже не уверена, что увидела в чужой голове то, что там действительно было. Но Надин не возражает. Она показывает ей своего хозяина, показывает девушек, которых находит для него, растит для него, чтобы они заняли ее место, чтобы они подарили ей свободу, купили своей службой ей свободу.

Кадиллак медленно сдается назад, покидает стоянку полицейского участка. Начальник отдела стоит у окна. Он видит, как уезжает «Кадиллак» цвета кровавого заката, увозя убийцу, единственную подозреваемую, но он не думает об этом. Он лишь исправляет ошибку своих подчиненных. Так ему внушила Надин, когда встретила утром возле участка. И молодой офицер, который задержал ночью Раду, а утром выпустил на свободу — Надин поработала и над его воспоминаниями, внушив ему, что он сохнет по Либене. Либена сама попросила Надин об этом, потому что решила, что ее хозяин будет счастлив, если она приведет к нему этого мальчика. Не женщину, как обычно, а этого похожего на женщину мальчика. Почему бы и нет? Мир меняется, и слуга хочет, чтобы хозяин менялся вместе с ним... Все это видит Рада в воспоминаниях Надин, потому что Надин хочет показать ей это. А «Кадиллак» ползет по утренним улицам.

— Все верно, — говорит Надин Раде. — Ты мертва. Теперь прими это и научись жить с этим знанием.

— Легко сказать, — бормочет Рада.

— Ты все еще можешь убить себя. Иногда это тоже выход. — Надин смотрит ей в глаза и улыбается. — Но ты ведь не убьешь себя, верно? Ты боишься. Я уже видела таких. — Она предлагает Раде прийти ночью в бар Боаза Магидмана и познакомиться с Сиджи Найдеккер. — Мой хозяин устал от нее. Она не поддается контролю. Бросает его, уезжает в другие города. — В глазах Надин появляется пелена меланхолии. — Нет. Такую замену Гэврил никогда не примет от меня.

Они высаживают Раду на Манхэттене, недалеко от ее дома.

— Увидимся у Боаза, — говорит Либена. Рада кивает.

Но в эту ночь бар закрыт. Боаз Магидман мертв. Его тело находят две недели спустя, когда достают из гавани желтый «Дюзенберг» 1935 года, на котором Магидман разъезжал по городу, словно восставший из мертвых Гэри Купер, в актерскую игру которого был влюблен Магидман. Его бар будет закрыт больше года. Его машину выкупит новый слуга Гудэхи по имени Кэнги, надеясь подчеркнуть этим поступком почтение хозяину закрытого бара.

— Нам всем плевать на старого еврея, — сказал ему слуга по имени Киан. — Он зарабатывал на нас деньги, а мы получали от него то, что нам нужно. — Киан подался вперед, заглядывая Кэнги в глаза. — А что нужно тебе? — Потом он что-то показал Кэнги. Что-то из своей жизни. А возможно и всю свою жизнь.

В эту же ночь чернокожий Кэнги, прадед которого был рабом новахо, сбежал назад в родную Оклахому. Рада слышала, что Гудэхи нашел его и забрал его никчемную жизнь. Кэнги мог бы стать хорошим сутенером, но никогда хорошим слугой.

— Тебе никогда не казалось, что мы безнадежно потеряны для этого мира? — спросила Раду как-то раз Либена. Они разговаривали о Надин, и Либена не могла поверить, что Надин сможет снова стать человеком.

— Боишься, что не сможешь прожить без своих чернокожих девушек? — пошутила Рада, а Либена призналась, что скучает по временам, когда был открыт бар Магидмана.

— Говорят, подобный бар есть в Питтсбурге, — сказала она и предложила Раде поехать вместе с ней.

— Не хочу я никуда ехать, — честно призналась Рада, а потом долго рассказывала, как путешествовала с Клодиу по Европе.

— А я из Чехии, — сказала Либена. — И я совсем не хочу вспоминать, как Плеймн сделал меня слугой. Он совсем не такой, как твой Клодиу. Ему плевать на меня, на этот мир. — Она рассказала о своей семье, о родном городе, о цыганском таборе и о певце по имени Фонсо. — У него был такой голос, что я бросила все и бежала с его табором. Мне было лет тринадцать, не больше. Фонсо жил со мной дольше года, а потом продал Плеймну. Вот и все путешествия…

После этого разговора Рада подумала, что, возможно, она действительно особенная, не такая, как остальные слуги, потому что Клодиу был не таким, как другие древние. В нем была жизнь. По крайней мере, он искал в себе жизнь, борясь с пустотой, а не поддаваясь ей, не позволяя пустоте завладеть собой. И если Надин могла мечтать о чем-то хорошем, о чем-то простом, Надин, чей хозяин был намного хуже, чем Клодиу, то почему бы ей — Раде, не попытаться сделать того же. Нужно лишь оставить темную часть своей жизни в прошлом и научиться мириться с темнотой, которая ждет ее в будущем, которая ждет ее каждый

раз, когда просыпается голод Клодиу. Скольких людей она уже лишила жизни? Скольких еще лишит? Вот она темнота, которая червем селится в груди, выедает все живое, оставляя лишь мрак, пустоту, отчаяние, которые не вытравить, не заполнить в себе.

Ночью, когда Рада легла спать, ей приснилась жизнь Либены до того, как Плеймн превратил ее в слугу, жизнь в цыганском таборе, жизнь с Фонсо. Причем Рада не помнила о том, кто она, не помнила свою собственную жизнь. Была только жизнь Либены. Рада сама была Либеной. Молодой, наивной, влюбленной. Она не вспоминала о прошлом и не страшилась будущего. Она просто жила с цыганом по имени Фонсо, у которого был такой бархатный голос, что замирало сердце...

Рада почувствовала, что просыпается, но еще долго цеплялась за этот сон, держалась за него, как утопающий за спасательный круг. Вернее, не за сон. За те чувства, которые она испытывала в этом сне. Испытывала, осознавая себя как Либену. Зная, что будет после, но не думая об этом, игнорируя. Было только настоящее. Был только бархатистый голос Фонсо, его объятия, поцелуи. В этом сне было столько жизни, столько чувств, что Рада поверила, что все еще может наладиться. Она приспособится, адаптируется, как это сделал Клодиу. В конце концов, у нее впереди еще много человеческих жизней.

Рада позвонила Клодиу и спросила, когда он собирается на Бродвей. Он притворился, что не удивлен, и уже на следующий день они отправились в театр, где Рада впервые за последние годы следила за игрой актеров, за постановкой, танцами, сюжетом. Она заставляла себя впитывать каждую деталь, уделять внимание каждой мелочи, чтобы в голове не осталось места для других, тяжелых мыслей.

— Если хочешь, то я могу найти тебе другого слугу, — сказал Клодиу, словно прочитав ее мысли.

— Другого слугу? — Рада сама не поняла, что вздрогнула.

— Я знаю, ты не боишься смерти, просто тебе тяжело находить для меня пищу...

— А другому будет не тяжело? — Рада заглянула ему в глаза. Был ли он действительно ее хозяином или с самого начала был другом? Странным, но другом.

— Есть много людей, которые с радостью променяют свою однобразную жизнь на бессмертие, — сказал Клодиу. Рада молчала. — Если ты попросишь, то я смогу обойтись и без слуг...

— Так будет только хуже... — тихо сказала Рада, немного подумав.

— Но ты ведь не хочешь больше убивать ради меня.

— Я вообще не хочу убивать.

— Значит, я должен отпустить тебя.

— Я никогда не хотела убивать. И никогда не обвиняла тебя в том, что убиваю ради тебя.

— Но ты устала.

— Я устала быть такой, как другие слуги. Они словно... Они словно уже все мертвые, понимаешь? Словно с каждым новым годом, который они прожили сверх отмеренного им природой, в них все больше и больше крохотных прожорливых червей, которые сжирают все чувства, все цели. Ничего не остается.

— Ты боишься, что станешь такой же?

— Я уже становлюсь такой же. — Рада рассказала о том, как убила Лореу. — И никаких чувств. Понимаешь? Мне было плевать. Просто человек. Еще один человек.

— Я видел людей, которые убивали просто ради удовольствия. И никаких сожалений. Наоборот.

— Может они просто завидуют? Знаешь, все эти люди вокруг. Они куда-то бегут, о чем-то мечтают. В них так много чувств, так много жизни, что... хочется их убить, запретить им радоваться.

— Ты это чувствуешь?

— Нет, но мне иногда не хватает этих маленьких радостей.

— Что тебя останавливает от того, чтобы их получить?

— Думаешь, это так просто?

— Нет, если относиться к этому, как к чему-то особенному.

— Значит, я все усложняю? — Рада почувствовала, как в груди вспыхивает злость. — Да что ты знаешь о маленьких радостях всех этих людей?

— Верно. Ничего не знаю, — согласился Клодиу. — Но я знаю тебя. Помню тебя. И знаешь, что? Ты никогда не была, как все. Даже ребенком. Тебе всегда было недостаточно этих маленьких радостей. Ты хотела большего. Хотела путешествовать. Хотела увидеть мир. Помнишь, как ты просила меня подарить тебе вечную жизнь? Помнишь, как хотела стать моим другом? И после, умирая. Ты пришла ко мне, а не вернулась в родной дом, на землю, где умерла твоя мать. Вот твоя маленькая радость. — Клодиу взял ее за подбородок, заставляя смотреть себе в глаза. — Не знаю, важно для тебя это или нет, но я благодарен тебе за то, что ты стала моим другом. Не слугой. Другом. Понимаешь? Ты никогда не служила мне. Ты свободна. Всегда была. И всегда будешь.

Он подался вперед и прижался своими губами к ее лбу, затем развернулся и пошел прочь. Рада не двигалась — смотрела, как он уходит, пока тьма не проглотила его силуэт.

Через неделю она позвонила Клодиу и сказала, что хочет отправиться в Южную Америку.

— Хочу отправиться одна, — добавила Рада.

— Навсегда? — спросил Клодиу.

— Надеюсь, что нет. — Она еще хотела что-то сказать, но слов не было. Трубка была прижата к щеке, и в тишине слышался треск помех, потому что Клодиу тоже молчал. Рада собралась с духом и заставила себя повесить трубку.

Она не смогла придумать ничего лучше, кроме как отправиться в Бразилию. Позвонила Клодиу, подсознательно надеясь, что он захочет поехать с ней, покажет мир, станет наставником, как это было прежде. Но он, кажется, решил, что ей нужно побывать одной. «Может быть, он и прав», — думала Рада, когда Нью-Йорк остался далеко позади. Самолет уносил ее прочь, и она совершенно не хотела думать о том, вернется когда-нибудь назад или нет.

Рада остановилась сначала в Рио-де-Жанейро. Район Копакабаны отпугнул ее своей богемной жизнью. Все эти писатели, художники, поэты напоминали ей Гринвич-Виллидж, Аллана Монсона и его друзей, которые сбросив одежду цитировали Ницше и мечтали о поездке в Мексику, манившую так сильно после прочтения книги Керуака. Нет, пляжи Копакабаны были не для Рады. Прочь. За мыс Апроадор. Здесь тоже есть пляж. К тому же более спокойный океан. Остановиться в отеле. Пара молодоженов из Англии, с которыми познакомилась Рада, рассказывает о Сахарной голове, возвышающейся над заливом Гуанабара, и открывшемся рядом амфитеатре «Конша Верде».

— Будет весело! — обещает Раде молодая жена.

— Почему бы и нет? — смеется Рада.

Она здесь, чтобы отвлечься. Она здесь, чтобы забыться. Ей не нужны люди. Ей нужен мир. Она хочет смотреть на него, хочет впитывать все эти великолепия в себя. Посетить старый город. Театры уступают Бродвею, но Раде нравится это разнообразие. Вот музеи навевают скуку. Бежать. Поезд поднимает туристов на сложенную из гранита гору. Выйти на верхней станции. Теперь по ступеням вверх, к раскинувшей руки статуе Христа. Город лежит далеко внизу. Город у ног Спасителя. Весь мир.

Воодушевленная этими мыслями, Рада посещает монастырь Сан-Бенто, который совершенно не похож на Рильский монастырь, где она провела долгие годы с Клодиу в Болгарии. Потолок и витражи, украшенные сценами жизни святого Бенедикта, вызывают головокружение. От ярких красок байронского стиля слезятся глаза.

В какой-то прострации Рада бродит по католическим церквям Рио-де-Жанейро. Прошлое шепчется за спиной. Нет, она слишком долго смотрела на иконы и слушала песнопения, чтобы снова окунаться в это. Прочь. Отвлечься. Пусть будет бывшая императорская резиденция Кинта-да-Боа-Виста. Пусть будет колониальный стиль старого города. Пусть будет акведук Аркус да Лапа и трамвай Бондинью, который везет своих пассажиров по мосту в старый район Санта Тереза.

Аристократичные молодожены из Англии, с которыми познакомилась в отеле Рада, преследуют ее, словно тень, веселятся за себя и за свою мрачную знакомую из Нью-Йорка. Их вычурность тонет в яркости жизни. Молодой жене лет двадцать, и она хочет впечатлений, хочет приключений.

На одном из рынков она купила неприлично прозрачные футболки с надписью «Los recien casados». Теперь молодожены повсюду ходят в этих футболках. На девушке нет бюстгальтера, и ее молодая грудь привлекает взгляды мужчин. Молодую жену это заводит. Кажется, что она хочет набраться впечатлений на всю жизнь. Втроем они бродят по узким улицам Санта Терезы. Здесь все еще царит эпоха средневековья. Их окружают старинные дома. Под ногами каменные мостовые. В крошечных барах отличный кофе и живая музыка. Монашки в черно-белых облачениях чередуются с богемной россыпью художников и поэтов, которые облюбовали этот район. Рада не хочет снова вспоминать Монсона, но вместо этого рассказывает молодоженам о Гринвич-Виллидж, о голой вечеринке, на которой была.

— Наверное, это было крайне забавно! — смеется молодая жена.

Спустя три дня она уговаривает своего супруга и Раду отправиться в фавелу Росинья, на частную вечеринку, о которой без устали говорил на плохом английском молодой парень. На ржавом Рено их везут по узким улицам вдоль карточных домов. Красота и шик уступают место нищете. Нет и полиции. Последний богатый дом остался далеко позади, да и тот скоро будет продан, потому что хозяин из США не собирается больше сюда возвращаться, после того, как с расположенных выше домов фавел его двор засыпали мусорными отходами. Власти отказались разбираться. Об этом рассказывает молодой парень, который везет их на вечеринку. Они платят за вход, скрываются в убогом двухэтажном кирпичном доме, к боковым стенам которого пристроились деревянные халупы. Такие же халупы стоят выше на горе, опираются на крышу дома. Внутри празднуют не то чью-то свадьбу, не то день рождения, не то это просто вечеринка с пивом, шлюхами и легкими наркотиками.

— Такой была богемная вечеринка в Гринвич-Виллидж? — спрашивает Раду молодая жена.

— Там было чище, и они цитировали Ницше, а здесь, сомневаюсь, что люди вообще умеют читать! — кричит ей Рада, перекрывая африканские ритмы грохочущей музыки и крики толпы.

— Даже не думай искать себе здесь жертв, слуга, — шипит Рада на ухо незнакомый мужчина. Он стар, и она буквально чувствует, как он копается у нее в голове, в ее воспоминаниях. — Мне шесть с половиной сотен лет. И если я захочу, то убью тебя силой мысли. Выжгу все твои воспоминания и отправлю на улицу продавать свое тело, пока ты не

заразишься сифилисом и не сгниешь заживо, — шепчет он. Его губы касаются уха Рады. Его мысли роются в ее голове. Ничего не скрыть. Ничего не спрятать.

— Слуги не убивают слуг, — бормочет Рада. Это единственное, что приходит ей в голову. Чистый, неразбавленный страх парализует. Рада уже и забыла, что это такое.

— О, нет, девочка. Я намного хуже, чем ты можешь себе представить, — шепчет ей Вимал. Он сам показал ей свое имя. Показал людей, которые умирали, произнося его имя. Умирали от его рук. И он хотел, чтобы они знали о нем, хотел, чтобы он был тем последним, о чем они могут думать, кого они могут бояться. Не смерти, не пустоты, а его. — Хочешь стать одной из них? — спрашивает Вимал. Рада качает головой. Все тело онемело. Ноги дрожат. Внизу живота что-то колет, словно мочевой пузырь вдруг переполнился, и его невозможно сдерживать. — Ну давай, покажи мне, как ты меня боишься, — требует Вимал. — Покажи мне свой страх.

Время словно замерло. Жизнь вокруг замерла. Россыпь цветов. Кафофония звуков. Букет запахов. Раде казалось, что она может разложить мгновение на составляющие и изучить каждое из них в отдельности. Мир выглядел огромным, необъятным. Даже эта комната со всеми этими жизнями, судьбами. И где-то далеко крики жертв Вимала. Стоны, мольбы, хрипы. Он не был убийцей, за спиной которого стоит сама смерть. Он сам и был этой смертью. И сейчас смерть смотрела Раде в глаза, изучала ее, решала, достойна она стать еще одной жертвой или нет.

— Пожалуйста, не убивай меня, — шепчет Рада. Она хочет умолять, готова унижаться, готова на что угодно, лишь бы сохранить свою жизнь, но слов нет. Только чувства, которые сложно понять. Но Вимал улыбается. Ему нравится то, что он видит.

— Хорошая девочка. — Он гладит Раду по голове, пропускает ее волосы между своих пальцев, зарывается в них носом, жадно втягивает запах. Но не запах волос. Он вдыхает запах страха. Запах пота и мускуса. Запах миндаля и дуста. Рада не сразу понимает, что весь этот букет исходит от ее тела. Что-то кисло-терпкое. И от этого не сбежать, не отмыться. Смердит не только тело. Смердит сам разум. — Да. Прочувствуй это. Запомни, — шепчет Вимал. — Живи, но знай, что я рядом. Знай, что когда-нибудь я приду за тобой, и мы закончим то, что начали сегодня.

Он пробирается еще глубже в сознание Рады. Воспоминания вспыхивают в голове. Вся боль, что была в ее жизни, все страхи, все слезы. Все это здесь. Все оживает в одном мгновении. И это невозможно терпеть. Ноги подгибаются. Рада падает на колени. Кажется, что страдает каждая клетка. Все тело превратилось в детальную карту боли. Кажется, что кровь течет из каждой поры. Кровоточат уши, нос, глаза. Что-то

густое и теплое течет между ног. И еще чувства — Рада переживает все страдания, которые у нее были в жизни. Хочет кричать, выть, кататься по полу и молить о смерти. И это вечность, из которой нет выхода.

Но в действительности проходит лишь мгновение. Нет ни крови, ни слизи, которая течет из тела. Нет ничего. Перед глазами мелькают ноги людей, собравшихся на вечеринке. Рада видит пару английских молодоженов, которую привела сюда. Кажется, что прошло уже несколько часов, потому что коктейли вскружили им голову. Особенно молодой жене. Она танцует в окружении разгоряченных мужчин. Молодая грудь под прозрачной футболкой с надписью «Los recien casados» прыгает в такт африканских ритмов. Смуглый мужчина с жилистым телом бегуна из Кении снимает свою футболку, кружит возле молодой жены, словно петух вокруг курицы, и та, чтобы поддержать своего партнера по танцам, тоже избавляется от футболки. Гремит возглас одобрения...

— Теперь уходи, — говорит Вимал Раде. Она пытается подняться. — О, нет. Уходи на коленях, — говорит Вимал. — Ползи как пес. Напуганный, грязный пес. — Он смотрит ей в глаза. Древний, безумный. Рада не знает почему, но чувствует, что обязана подняться. Пусть и ценой своей жизни, но подняться. — Строптивая... — тянет Вимал, до отвращения похотливо изучая ее. Такое чувство, что его глаза могут видеть сквозь одежду, сквозь кожу. Ничто не скроется. Он видит все желания, все оргазмы и все разочарования. — О, нет, ты еще не видела настоящей боли, — говорит Вимал. — Когда-нибудь я приду к тебе и покажу, что это такое. — Он хочет заглянуть Раде в глаза, но она опускает голову, разворачивается, собираясь уйти. — Тебе понравится, — обещает Вимал.

Улица.

— Хотите вернуться в отель? — спрашивает мальчишка на португальском. Рада кивает, он расхваливает свой старый мопед и клянчит американские доллары.

Они несутся по улицам фавелы. Мопед таращится, оставляя позади шлейф черного дыма. Скорость небольшая, но на этом мопеде кажется, что еще немного и они, оторвавшись от земли, попадут в космос. К тому же разбитая дорога все время под гору. Чтобы не упасть, Рада обнимает мальчишку-водителя, крепче прижимается к нему. Мальчишка забавляется и разгоняет мопед быстрее, причем успевает еще время от времени гладить левой рукой колено Рады. Она не возражает, лишь бы он увез ее из этого квартала, подальше от вечеринки, подальше от Вимала и своих собственных страхов.

Утро. Отель. Завтрак заказан в номер. Расплатившись с мальчишкой на мопеде, Рада думала, что не сможет заснуть, но стоило голове коснуться подушки, как спасительный сон ворвался в сознание. И как бы реальность не пыталась пробраться в него, рисуя образ Вимала, сон

побеждал и рисовал Раде картины прошлого. Лишь утром, когда лучи солнца пробрались сквозь окна, сон отступил. Рада проснулась. Никогда прежде она не хотела жить так сильно. По крайней мере с тех пор, как стала слугой Клодиу.

На пляже она встретила знакомых молодоженов из Англии. Аристократы выглядели хмурыми и помятными.

— С вами вчера ничего не случилось? — спросила Рада молодую жену. Она улыбнулась, словно нашкодивший ребенок, и покосилась на своего мужа.

— Он дуется, что я вчера танцевала голой, — тихо сказала она.

— И это все?

— Кажется. — Девушка нахмурилась. Только сейчас Рада заметила у нее на шее напухший, воспаленный след от укуса.

— Кто это сделал? — спросила Рада. Молодая жена нахмурилась еще сильнее и честно призналась, что не помнит. Рада не стала расспрашивать дальше, но что-то холодное и липкое, несмотря на жаркий солнечный день, коснулось ее груди. Вимал. Это был Вимал. Он пил эту девушку из Англии, а потом стер воспоминания. Рада заставила себя не представлять, о чем еще он мог заставить забыть эту молодую жену.

Она вернулась в отель, собрала вещи и в этот же вечер покинула город, отправившись в Сан-Паулу. Дорога заняла больше восьми часов. Автобус был хорошим, мягким, но Рада так и не смогла заснуть. Что-то изменилось. В ней. Прошлой ночью проснулся не только страх. Нет. Вместе с ним проснулось что-то еще. Что-то, что никогда не принадлежало ей, или же она просто боялась себе признаться в этом. Что-то простое. Какие-то мелочи, на фоне которых все театры и музеи мира теряли свое значение, свою важность. Все было здесь, вокруг. Даже в автобусе, даже в отеле. Жизнь, которая искрится и переливается, стоит лишь присмотреться к ней.

Рада вглядывалась в лица людей, улыбалась мужчинам, которые считали это флиртом, но в действительности она делала это просто так. Делала, потому что вчера могла умереть. По-настоящему умереть. Вимал мог не только забрать ее жизнь, но ему под силу было причинить ей такие мучения, что она сама стала бы умолять его о смерти. Рада не хотела вспоминать, но его обещание отправить ее на улицы и последующее гниение заживо и смерть от сифилиса заставляли ее вздрагивать. И все это где-то здесь. Все это где-то рядом... И покинуть дом, где встретила Вимала, мало. Покинуть фавелу в Рио-де-Жанейро мало. Мало покинуть город. Рада не могла больше оставаться в этой стране.

Так она оказалась во Французской Гвиане, затем в Суринаме, Гайане, где прожила в индейском поселении Араваков почти два месяца, но воспоминания снова догнали ее, и она побежала дальше. Венесуэла.

Колумбия. Трижды Рада становилась свидетелем терактов. В Картахене, куда она отправилась, надеясь встретиться с художником Александро Оберегоном, Рада попала в больницу с острыми болями в желудке. Ей сделали промывание и выставили на улицу, как только узнали, что она из Нью-Йорка. Местный врач вынес ее вещи, и после пятиминутного разговора предложил Раде остановиться у него на ночь.

— У меня большой дом, — спешно добавил он на хорошем английском. — Это не значит, что я...

— Да все нормально, — успокоила его Рада.

Его звали Альваро Мена, и вместе с ним Рада посетила местную церковь святого Петра и дворец инквизиции. Затем была крепость, собор на главной площади, университет. Она жила в его доме четыре дня. Он честно признавался, что очарован ею. Ему было чуть за тридцать. Метис. Чтобы утолить интерес Рады, он достал для нее репродукции работ Оберегона. Рада взглянула на них лишь мельком и разочарованно призналась, что не любит модернизм.

— Я, если честно, тоже, — сказал Альваро Мена. У него были большие доверчивые глаза с намеком на любопытство. Руки у него были сильными, совсем не похожими на руки врача.

— Почему у тебя нет женщины? — спросила Рада.

Он не ответил, лишь растерянно пожал плечами. В воздухе повисло напряженное молчание. Рада чувствовала, как волнение зарождается в груди, ползет к горлу и в низ живота. Она уже и не помнила, когда испытывала нечто подобное. И никаких воспоминаний о Монсоне. Только настоящее.

— У меня тоже нет женщины, — сказала Рада, заглянула Альваро в глаза. Он не двигался, ждал, словно боясь сделать что-то лишнее. Рада тоже боялась. — Если ты... — она запнулась на полуслове. — То я... — на мгновение показалось, что мысль пришла, но это был мираж.

Рада вдруг подумала, что совершенно не умеет обращаться с такими мужчинами. Или же в такие моменты все люди становятся одинаковыми? Рада осторожно опустила руки и неуверенно подняла юбку к поясу. Медленно, не переставая смотреть Альваро в глаза. Он молчал. Рада отошла назад, села на стол и поманила Альваро к себе. Волнение было таким сильным, что начинала кружиться голова. Альваро подошел к ней, коснулся губами ее щеки. Его щетина приятно уколола кожу. Он робко поцеловал Раду в губы. Она хотела ответить на поцелуй, но он уже клонился к ее шее, груди, еще ниже.

— Что ты делаешь? — спросила Рада, запуская пальцы в его густые, вьющиеся волосы, чтобы остановить.

— Я думал, ты хочешь, чтобы...

— Нет.

— Но я...

— Не надо. Не люблю все эти прелюдии. — Рада вернула его губы к своим губам, помогла расстегнуть брюки, подалась навстречу. Волнение отступило. Теперь было только желание. Чистое, неразбавленное.

Альваро прижался к ней. Одна минута, вторая... Рада не сразу поняла, что все закончилось, а когда поняла, не смогла скрыть разочарования. Альваро вспыхнул, словно получил пощечину. Рада попыталась подобрать слова, чтобы извиниться, но вместо этого поняла, что лучшим решением будет уехать.

Она покинула Колумбию, отправившись в Панаму, потом в Коста-Рику, Никарагуа. В Сальвадоре ее захватила гражданская война, и ей пришлось оставаться в стране более полугода, прежде чем удалось выбраться в Гватемалу и уже оттуда, чудом избежав тюрем Риоса Монтты, в Мексику, нефтяной кризис которой казался сущим пустяком по сравнению с гражданскими войнами, оставшимися за спиной.

В Мексике она остановилась в городе Sultana del Norte. Ей нравился местный сплав индейской и европейской культур. Нравилась самобытность с налетом цивилизации. И еще нравились горы, которые окружали город: Серро-де-лас-Митрос, Серро-де-ла-Лома-Ларга, Серро-де-Лас-Сийя, Серро-дель-Обиспадо... В День Мертвых, когда устраивается карнавал, скелеты наряжаются в женские платья, украшают кладбища лентами и цветами, а дороги к домам заставляют свечами, чтобы умершие могли найти дорогу к своим родственникам, Рада познакомилась с древней слугой по имени Крина.

— Мне рассказал об этом празднике хозяин, — сказала Крина. — Майя имели обыкновение держать в своих домах черепа близких, использовать их в ритуалах, праздниках. Вайорель говорил, что это символизировало смерть и воскрешение. А у ацтеков этот праздник продолжался почти месяц. В это время они почитали богиню смерти Миктлансиуатль, которая правила вместе со своим супругом в преисподней. Ее изображали женщиной с черепом вместо головы и в женской одежде. Сейчас ее называют Катрина.

Они стояли рука об руку на кладбище, окруженные людьми и могилами, превращенными в алтари, на которых стояли черепа из сахара, лежала вербена, продукты, текила, пиво.

— Ты сказала, что служишь Вайорелью? — осторожно спросила Рада. Имя древнего показалось ей знакомым. Она где-то слышала его. Или видела в чьих-то воспоминаниях. Или же это кто-то показывал ей эти воспоминания? Рада вздрогнула. Где-то рядом громыхнул смех собравшихся у соседней могилы родственников, которые вспомнили что-то смешное об усопшем. — В фавелах Рио я встретила одного слугу... Старого слугу... Очень старого... — Рада заглянула своей новой зна-

комой в глаза. — Мне кажется, он тоже служит Вайорелю... Его зовут Вимал. Тебе о чем-нибудь говорит это имя?

— Ты встречала Вимала? — Лицо Крины стало жестким, скулы напряглись.

— Он был похож на смерть.

— Он монстр.

— Но благодаря ему я снова захотела жить.

— Странно.

— Почему?

— Потому что когда я была молодой служой, как ты, он делал со мной такие вещи, что лишь ненависть и надежда на месть помогали мне жить дальше.

— Разве вы не служите одному хозяину?

— Сомневаюсь, что Вайорелю было до этого дело. По крайней мере тогда. — Крина развернулась и пошла прочь.

— Куда ты? — позвала ее Рада.

— Хочу кого-нибудь убить, — сказала она. Рада так и не смогла понять, шутка это или нет.

На окраине города они обосновались в клубе «Dia de los Difentos», в котором сложно было дышать от набившегося в его стены народа.

— Как давно ты уже не пила кровь своего хозяина? — спросила Крина, перекривая шум музыки и толпы. Рада честно призналась, что не помнит.

— Кажется, лет пять, но может и больше.

— И что ты чувствуешь?

— Ничего.

— Никаких перемен?

— Нет.

— Может быть, это потому что ты молода?

— Я не знаю.

— И тебе никогда не хотелось умереть?

— Скорее мне не хотелось жить. Все чувства словно замирали, и я... Я ненавидела эту немоту. — Рада увидела, как Крина задумчиво кивает, показывая, что понимает. — С годами становится только хуже, да?

— Да.

— Значит, ты сейчас ничего не чувствуешь?

— В основном только злость и разочарование. — Крина рассказала о древней слуге, которая позволила солнцу убить себя. — Это было в Румынии. Она поднималась на самую высокую башню замка несколько раз и всегда в последний момент отступала.

— Как же она тогда умерла?

— Ей пришлось приковать себя цепями, чтобы не сбежать с башни, когда взойдет солнце.

— Жутко.

— Тогда я была еще молода и не понимала этого.

— А сейчас понимаешь?

— Как только солнце стало причинять мне боль.

— Так ты можешь сгореть, как та слуга?

— Может быть, чуть позже.

— Клодиу рассказывал о том, что когда он жил в Египте, пара его слуг поступила так же.

— Они были любовниками?

— Кажется, да.

— Значит, они умерли счастливыми.

— Сомневаюсь, что они были счастливы.

— Ты просто еще молода. — Крина улыбнулась, не скрывая, что за-видует этой молодости.

— Я убила много людей.

— А их кровь? Ты когда-нибудь пила ее?

— Однажды, но меня вырвало.

— Ты очень молода. — Крина снова улыбнулась.

— У меня даже не получилось прокусить ему шею. Пришлось просто порезать его ножом.

— Зачем же тогда ты вообще стала пить его кровь?

— Не знаю. Говорят, что как только начнешь читать чужие мысли, то можешь пить и кровь, вот я и... — Рада помрачнела, вспоминая Монсо-на. — Ты когда-нибудь встречала охотников?

— Охотников?

— Люди, которые не верят в наших хозяев, и считают нас исчадьями ада.

— Не знаю. Наверное, я просто убивала их раньше, чем они объясняли мне свои доктрины.

— А я была влюблена в одного. В Нью-Йорке.

— Поэтому ты уехала?

— Да.

— И твой хозяин ничего тебе не сказал?

— Он хочет, чтобы я считала его другом.

— А ты?

— Я считаю его другом.

— Ты правда странная. Ты и Клодиу. — Крина купила еще текилы, долго жаловалась, что алкоголь не пьянит ее, сколько бы она ни выпила, затем вспомнила, как впервые попробовала человеческую кровь. — Хочешь посмотреть, как это происходит? — предложила она Раде.

Они долго приглядывались к толпе, выбирая жертву. Остановились на мужчине в желтой рубашке, в разрезе которой виднелась смуглая мускулистая грудь. Крина пробралась ему в мысли, лишила воли — ей потребовалось на это не больше пяти минут общения. Потом они закрылись втроем в кабинке туалета.

— Только пообещай, что не убьешь его, — сказала Рада, когда Крина уже готова была прокусить ему шею.

В полумраке было видно, как метаморфозы меняют ее лицо. Это было не так, как у Клодиу, но... Рада вздрогнула, когда Крина прокусила мужчине шею тонкими как иглы зубами. Кровь хлынула из вены. Рада прижалась к шее губами. Взгляд ее стал мутным. Рада вспоминала бар Боаза Магидмана, где видела, как древние слуги пьют кровь, и ловила себя на мысли, что здесь все было иначе. Здесь было чувство охоты. Здесь было волнение. Совсем не то, что в баре, куда люди приходили добровольно, желая заработать. Да и те слуги совсем не нравились ей, в отличие от Крины. В ней было что-то... Что-то... Рада не один день пыталась подобрать нужные слова, но так и не смогла. Лишь семь месяцев спустя, когда Крина покинула Мексику, Рада поняла, что эта девушка напоминает ей Клодиу. Только она служила древнему, а Клодиу служил богу под названием Голод и Пустота. А Вимал и другие, старые и давно уже обезумевшие слуги, которые, как и Крина, принадлежали Вайорелю, были похожи на сородичей Клодиу — он отличался от них так же, как и Крина отличалась от безумных слуг.

Без нее в Мексике стало скучно, однако Рада оставалась там еще больше года, вплоть до дня, когда на город обрушился ураган Гилберт. Река Санта-Катарина вышла из берегов. Утопленники с белыми, словно у рыб, глазами плавали по затопленным улицам. В воздухе пахло страхом и смертью. Женщина с мертвым ребенком на руках причитала и просила Раду помочь ей. Рада молчала, смотрела на ребенка и думала, что здесь не смогла бы помочь и кровь Клодиу. Где-то далеко кричали люди. Продолжали разрушаться дома, обваливаться крыши. Мародеры заполонили город. Дом, где жила Рада, был разрушен, и ей пришлось ночевать на улице.

Тысячи людей бродили по улицам, словно тени. Завывали редкие по-лицейские сирены, но навести порядок в первые дни было невозможно. То тут, то там вспыхивали пожары. На глазах Рады группа пьяных подростков насиловала женщину. Она лежала на капоте разбитой машины и не произносила ни слова, лишь смотрела на очередного подростка, который подходил к ней, дождавшись своей очереди. Рада перешла на другую сторону улицы. Она не знала, куда идти, поэтому просто выбрала пустой дом, зажалась в самый темный угол. Когда глаза привыкли к темноте, Рада увидела девочку лет пяти, которая сидела в другом углу и смотрела

на нее большими глазами. Они так и провели всю ночь — напротив друг друга, молча, без сна. Когда наступило утро, девочка убежала.

На улице уцелевшие люди искали своих родственников. Недалеко от железнодорожного вокзала Рада увидела труп мужчины, запутавшийся в электрических проводах. Его клевали птицы. Мимо ходили люди, но они то ли не видели труп, то ли не знали, как его снять, то ли просто были заняты своими проблемами. Рада не знала, сколькоостояла там — время словно замерло. Она смотрела, как птицы кружат возле тела, и ни о чем не думала. Но оставаться в городе больше не было смысла.

В автобусе Раде снился погруженный в хаос город. Это было словно нарезка безумных картин: мертвецы, разрушенные дома, крики, плач. И где-то далеко звучат слова Крины о том, что у Рады впереди целая жизнь. Эти сны преследовали ее до самого Нью-Йорка.

Город казался чужим и незнакомым. На такси Рада добралась до Статен-Айленд. Дом Клодиу выглядел пустым и заброшенным. Она поднялась на крыльце, постучала в дверь. Никто не подошел, чтобы открыть.

— Клодиу, это я — Рада! — позвала она и снова постучала. Тишина. — Клодиу, черт возьми! — Слезы навернулись на глаза. Он ушел, сбежал, бросил ее одну. Рада села на ступени, пытаясь успокоиться.

За спиной заскрипел старый замок. Клодиу открыл дверь. Рада обернулась. Сердце екнуло и замерло. Бледный больше обычного, почти серый, Клодиу с трудом держался на ногах. Его впалые глаза окинули Раду усталым взглядом. Она пыталась сказать хоть что-то, думала, когда ехала сюда, что скажет так много, но слова вдруг кончились. Клодиу кивнул и, оставив дверь открытой, скрылся в темноте дома. Несколько минут Рада продолжала сидеть на крыльце. Нет. Нужно заставить себя подняться, нужно собраться.

— Что с тобой случилось? — спросила она, осторожно проходя в дом. Она ждала, что голод превратит это место в древний, залитый кровью алтарь, в котором пахнет кровью и смертью, но здесь пахло только пылью. Ночь была светлой, но свет ядовито-желтой луны почти не проникал сюда, не просачивался сквозь плотные шторы. — Ты что, не питаешься? — спросила Рада.

— Только донорской кровью, — сказал Клодиу.

— Почему не найдешь себе жертву?

— Арил Фриш отправляет мне каждый месяц несколько пакетов. Этого хватает.

— Хватает? Ты видел себя? Словно мертвец.

— Это лучше, чем голод. — На губах Клодиу появилась улыбка. — Я думал, ты не вернешься.

— Я привезла много историй.

— Я готов выслушать их все. — Клодиу сел на старый кожаный диван, поманил к себе Раду. — Давай, расскажи мне, где ты была все эти годы.

— Не сейчас, — сказала Рада. Подсознательно она приняла решение достать для Клодиу жертву раньше, чем поняла это.

Ночь была тихой, и когда Рада вышла на улицу, ей показалось, что можно услышать, как бьется собственное сердце. Словно и не было тех десятилетий, когда подобная охота была для нее нормой. Сейчас, она будто начинала все заново. Не было снятых в очлежках комнат, не было машины, чтобы выкачать из жертвы кровь. Не было даже силы, чтобы справиться с жертвой.

Рада безрезультатно бродила по Статен-Айленд всю ночь. Она знала, что охотиться возле дома Клодиу не лучший вариант, но вести сюда человека из Бруклина или Манхэттена было еще глупее. Почти неосуществимо. Она вернулась утром в дом Клодиу с пустыми руками и честно призналась, что не смогла ничего найти.

— Нужно потренироваться, — заставила она себя улыбнуться. Затем попыталась расспросить Клодиу о переменах, которые произошли в городе за время ее отсутствия, но вскоре сдалась, поняла, что Клодиу почти не выходил из дома. Был только Арил Фриш, который поставлял ему кровь. Он работал в неотложке Бронкса и говорил Клодиу, что узнал о нем от других слуг. — А о слугах откуда он узнал? — насторожилась Рада.

— Кажется, у них здесь новый клуб.

— Новый клуб? — Рада подумала, что это может решить все проблемы.

Ей потребовалось больше недели, чтобы устроить себе встречу с Фришем, но тот наотрез отказался говорить с ней о клубе, и только после того, как она сказала, что служит Клодиу, намекнул, где она сможет встретить кого-нибудь из слуг. Этим слугой оказалась Либена.

— А ты постарела, — сказала она Раде. — Сколько ты уже не пьешь кровь Клодиу?

— Долго.

— Понятно. — Либена смотрела на Раду так, словно та совершила нечто зазорное и в то же время достойное зависти. — И каково это — стареть?

— Не знаю. Некогда было думать. — Рада сбивчиво перечислила часть стран, в которых побывала, и спешно сменила тему разговора, спросив о Нью-Йорке.

— А что не так с Нью-Йорком? — удивилась Либена.

— Кажется, что в нем поселилась половина мира! — Рада натянуто рассмеялась.

Либена пожала плечами и начала говорить о неизбежности перемен. Рада не понимала ее, пока они не отправились в Куинс, где в частном

доме, притаившимся на краю одного из парков, недалеко от аэропорта Кеннеди, находился новый бар для слуг.

Асфальтированная узкая дорога упиралась в лиственные деревья, подступавшие к дому. Сам дом имел два этажа, но был небольшим, выложенным из красного кирпича. Незамысловатая железобетонная лестница вела к входной двери. Окна темные, словно хозяева спят. Ничего странного — еще один дом в спальном районе. Вдоль всей улицы выстроились подобные дома. В какой-то момент Рада подумала, что сейчас Либена рассмеется и скажет, что все это был розыгрыш.

Но вот она увидела охранника на входе, почувствовала знакомый запах марихуаны, опиума и афродизиака. Обнаженная по пояс девушка прошла мимо Рады. Шея у нее была прокущена, и струйка крови стекала по бледной груди. Глаза девушки были затуманены не то наркотиками, не то кантаридином. Она остановилась напротив Рады, заглянула ей в глаза и предложила свою кровь. Рада качнула головой. Девушка пожала плечами, прошла к бару с напитками. Бармен налил ей выпить, предложил пару салфеток, чтобы вытереть кровь. Хорошая акустическая система разносилась по дому «Оберон» Карла Вебера. Невидимый оркестр то затихал, то взрывался помпезней какофонией.

— А где живая музыка? — спросила Рада. — Где джаз и ощущение, что попал в райские сады свихнувшегося бога?

— Это безопасное место, — сказала как-то уклончиво Либена.

— Это место похоже не на бар, который был у Магидмана, а скорее на частную вечеринку старых гомосексуалистов. — Рада примирительно улыбнулась, извиняясь за критику.

— Это лучше, чем ничего, — пожала плечами Либена.

Они поднялись на второй этаж, где на кожаных кушетках лежали несколько девушек. Женщина-слуга, которую Рада не знала, неспешно натирала маслом обнаженного мужчину. Он не двигался, стоял словно статуя, и Раде показалось, что это какая-то игра, которая ей совершенно не нравится.

— К черту! — сказала она Либене. — Нужно накормить Клодиу. Покажи, кого можно забрать, и я ухожу.

— Прости, не могу.

— Никто не умрет.

— Дело не в этом. — Либена налила Раде выпить. — Абсент, верно? — спросила она, показывая, что все еще помнит вкусы старого друга. Потом долго объясняла, что они стараются не привлекать лишнего внимания. — Никто из всех этих людей не запоминает, что был здесь, — сказала она, пояснив, что все, кто хочет заработать, собираются в другом доме, где кто-нибудь из старых слуг промывает им мозги. Потом их привозят сюда, а утром возвращают в тот дом, где они были, и

снова промывают мозги. — Они думают, что это просто какой-то клуб, где собираются богатые извращенцы. И ничего больше. — Либена еще что-то говорила, но Рада уже не слушала ее. — Ты привыкнешь и полюбишь этот дом, — пообещала Либена.

— Помоги мне лучше найти для Клодиу пищу, — сказала Рада. — Потому что та, которую поставляет для него Фриш, никуда не годится.

— Да, плазма это совсем не то, что настоящая кровь. Особенно когда пьешь ее прямо из человека. — Либена снова улыбнулась. — Не думала, что тебе когда-нибудь понадобится моя помощь.

— Так ты поможешь или нет? — начала терять терпение Рада. Либена долго смотрела ей в глаза, затем в очередной раз подметила, что она изменилась.

Они встретились на следующий день на Манхэттене, долго кружили по городу в «Кадиллаке» Либены с открытым верхом. Мужчина, которого выбрала Рада, был высоким и выглядел достаточно крепким, чтобы пережить эту ночь. Либена забралась ему в мысли, лишила воли. Она подвезла Раду и ее жертву до дома Клодиу на Статен-Айленд и умчалась прочь. Рада отвела мужчину в дом. Он должен был подчиниться, но вместо этого попытался сбежать, как только увидел метаморфозы Клодиу. Все блоки, поставленные Либеной, рухнули. Остался лишь страх и крики.

Рада не могла позволить ему уйти, не могла позволить привести в этот дом полицию, заставить Клодиу бежать. Не сейчас. Она схватила с кухонного стола нож и воткнула его мужчине в грудь. Сталь лязгнула о ребра и неожиданно глубоко погрузилась в плоть. Мужчина вскрикнул еще раз и уставился на Раду. Она испуганно выдернула из его груди нож. Струя крови вырвалась из раны, ударила ей в лицо. Мужчина стоял неподвижно несколько долгих секунд, затем упал на колени, зажимая рану руками. Кровь сочилась между его пальцев.

— Я умираю, умираю, умираю... — шептал он, продолжая смотреть Раде в глаза.

Клодиу неподвижно стоял за спиной мужчины с изменившимся для кормежки лицом, словно эта сцена парализовала его так же, как и Раду.

— Выпей, сколько сможешь, он все равно скоро умрет, — сказала Рада, хотела отвернуться, но продолжила смотреть, как жизнь покидает глаза мужчины, которого она привела в этот дом...

— Я предупреждала, что это может не сработать, — сказала на следующий день Либена.

Рада кивнула. Бар в Бронксе, где они сидели, был тихим, и она неосознанно скучала по временам, когда был жив Боаз Магидман.

— Хочу напиться, — сказала Рада, заказала абсент, но абсент уже давно был совсем не тот, что прежде. — Хочу забыть обо всем.

Она пила весь день и ближе к вечеру отключилась прямо в машине Либены. Кровь Клодиу, то небольшое количество, что еще оставалось в ее теле, помогла избавиться от алкоголя, оставив лишь тяжелое похмелье. Рада очнулась. Стоянка. Верх «Кадиллака» открыт. Небо звездное. В клубе через дорогу, который Рада никогда прежде не видела, гулко звучала музыка Уильяма Броуда.

— Где, черт возьми, старый, добрый джаз? — заворчала Рада, неловко выбирайся из машины.

Ей потребовался почти час, чтобы найти в толпе Либену.

— Ну что? Получилось забыться? — спросила Либена, продолжая кокетничать с каким-то тощим подростком.

— Получилось заработать похмелье, — буркнула Рада. Среди всей этой молодежи вокруг она чувствовала себя неприлично старой. — Увези меня куда-нибудь, — попросила она Либену.

— Выпить можно и здесь, — сказал подросток, с которым была Либена. Рада наградила его тяжелым взглядом.

— Так бы и убила, верно? — подмигнул ей подросток.

— Ты даже не представляешь, насколько верно, — процидила сквозь зубы Рада.

Либена спешно увела ее из клуба. Рада не смотрела, куда они едут. Бар оказался пережитком прошлого, но Либена сказала, что здесь хорошая выпивка и можно с легкостью найти мужчину на ночь.

— К черту мужчин, — ворчала Рада, заказывая абсент. Официант извинился и сказал, что хорошего абсента нет.

— А то, что есть... — он поморщился. — Так, только этикетка.

— Тогда текила, — сказала Рада, игнорируя его желание поговорить, подружиться.

— Снова будешь пытаться напиться? — спросила Либена. Рада кивнула. — По-моему, это бесполезно.

— Наркотики мне не нравятся. Если ты об этом.

— Нет. Я не о наркотиках. Я о Клодиу. Хочешь забыться, попроси у него крови. Когда со мной происходит такое, я всегда прошу у Плеймана крови.

— Не буду, — сказала Рада. — Я столько лет обходилась без этого... — Она вспомнила мужчину, жизнь которого забрала в прошлую ночь. — К тому же Клодиу еще слишком слаб.

— Так помоги ему набраться сил, — сказала Либена, словно дьявол-искуситель.

— Я не хочу больше убивать. — Рада жестом попросила бармена, который налил ей стопку текилы, оставить на стойке всю бутылку. — Не хочу, понимаешь?

— Никто не хочет, — улыбнулась Либена. Какое-то время они молчали. — Может, тебе сейчас лучше побывать одной? — предложила Либена.

— Я не против, — сказала Рада.

Больше часа она пила в одиночестве, игнорируя словоохотливого бармена, затем появился Стиджн Отэман. Он подсел к Раде и с гордостью произнес свое имя, словно оно должно было что-то значить для нее. Он был среднего роста, бледный, с круглым лицом и безвольным подбородком. Его голос оказался на редкость высоким, почти женским, как и манера общаться.

— Я не пойму, ты ищешь себе подругу для разговоров или женщину на ночь? — спросила Рада. Он покраснел, замялся. Она предложила ему выпить, затем сказала, что они могут забрать бутылку текилы с собой и поехать к ней. — Я живу на Статен-Айленд, недалеко от Моравского кладбища. Знаешь, где это?

— Кажется.

— И у тебя есть машина, на которой мы сможем туда доехать?

— Да.

— Черт... Выходит, тебе сегодня везет...

Спустя четверть часа они покинули бар. Пикап Отэмана был старым, но ухоженным. Отэман рассказывал о своем детстве, о работе. Рада сидела, закрыв глаза, и мысленно умоляла его заткнуться.

— Мне казалось, ты говорила, что живешь одна, — сказал Отэман, когда они вошли в дом Клодиу, и он увидел хозяина. Отэман обернулся и растерянно уставился на Раду. Она молчала, видела, как искрится в метаморфозах лицо Клодиу, и пятилась назад, к входной двери.

Отэман закричал в тот самый момент, когда Рада выскочила на улицу. Тело была мелкая дрожь. Ноги тряслись так сильно, что ей пришлось сесть на крыльце. Воздух стал тяжелым. Рада пыталась сделать вдох, но не могла. В доме что-то зазвенело, разбилось. Отэман позвал на помощь. Крик был тихим, сдавленным. Рада зажмурилась, зажала руками уши. Потом услышала, как открылась входная дверь, обернулась. На пороге стоял Клодиу.

— Все закончилось, — тихо сказал он. Рада кивнула. Клодиу подошел к ней, протянул руку, предлагая помочь подняться.

— У тебя кровь, — сказала Рада, глядя на свежий порез над бледными костяшками пальцев.

— Ерунда. Скоро пройдет. Ты же знаешь.

— Да. Знаю. — Рада взяла его за руку. — Можно? — спросила она, собираясь прижаться к ране губами.

— Тебе нужна моя кровь?

— Мне нужно забыться.

Последние годы завертелись перед глазами. Сомнения и тревоги отступили. Рада вспомнила слугу по имени Надин, которая мечтала избавиться от власти своего хозяина Гэврила, начать новую жизнь, и поду-

мала, что это, наверное, неосуществимая мечта. Кровь древних страшнее любого наркотика. Вся эта легкость, эйфория... Ты можешь все, ты ничего не боишься. И ты знаешь, что впереди еще целая вечность...

Рада поднялась на ноги. Чувства обострились. Со временем к этому привыкаешь, перестаешь ценить. Она попыталась вспомнить, почему оставила Клодиу, почему уехала. Нет. Плевать. Воспоминания придут после. Сейчас можно насладиться этим чувством свободы, этим полетом.

Рада вывезла бескровленное тело Отэмана на его же пикапе через мост Готалз в Нью-Джерси, бросила машину и долго шла пешком, пока не наступило утро. Таксист, который подвез ее до Бруклина, решил, что она проститутка. Рада прочитала это в его мыслях. Способность была слабой, но впервые Рада смогла контролировать ее.

Из Бруклина она добралась на общественном транспорте до Статен-Айленд. Жаркое полуденное солнце висело высоко в небе, и Рада с удивлением отметила, что его лучи обжигают ей кожу, причиняя легкую боль. Удивления не было — она знала, что это когда-нибудь должно случиться, просто не ожидала, что так быстро, так внезапно. Хотя, возможно, все эти перемены давно уже были в ней. Просто таились, ожидая момента.

Ближе к ночи она встретилась с Либеной и спросила сколько лет после того, как солнце стало причинять боль, она еще могла находиться днем на улице. Либена честно призналась, что не помнит, сказала, что в ближайшие несколько лет не стоит беспокоиться, и предложила отметить это событие. Рада не возражала. Мир менялся, и ей хотелось меняться вместе с ним. По крайней мере вначале, пока кровь позволяла чувствовать себя чуть ли не богом, особенным, стоящим на много ступеней выше, чем простые смертные.

Сейчас, вспоминая Монсона, Рада удивлялась, что так ее зацепило в те дни? Всего лишь очередной мужчина. Всего лишь охотник, про которых слуга, с которой она встретилась в Мексике, говорила, что обычно убивает их раньше, чем они успевают объяснить свои доктрины. Рада смогла убедить себя, что главным в истории с Монсоном было не то, что он пытался убить ее, а то, что он убил ее подругу Мэйталь. К тому же потом была встреча с Гудэхи и отрубленная голова Монсона в изножье кровати. Ни один из слуг, которых она знала, не пережил еще встречи с другим древним, кроме своего хозяина. Гудэхи мог тогда забрать ее жизнь. И она знала это. Поэтому ей было страшно. Смерть заглянула ей в глаза. Так думала Рада. Думала, пока все то, от чего она бежала в Бразилию, не стало возвращаться.

Возвращаться, медленно, но неизбежно нарастаю, словно снежный ком, который несется с вершины горы вниз, и ты еще не видишь его, но уже чувствуешь, как трясется под ногами земля, потому что ком этот

огромен. Вот примерно это и чувствовала Рада. Особенно днем, прячась от яркого солнца в закрытых машинах или барах, когда люди идут за окном, а ты понимаешь, что скоро солнце окончательно станет твоим врагом. Тебя ждет ночь, мрак, где сгущаются голодные тени хозяина. Ждет пустота и одиночество. И кровь древних не поможет сбежать.

— Нам нужен новый бар, — решила Рада. — Такой, как был у Боаза Магидмана. Может, даже лучше.

— Я слышала, в Луизиане есть нечто подобное, — сказала ей Либена, но ехать в Новый Орлеан отказалась, хотя выпытать адрес у Коина Джиджиса — владельца бара в Нью-Йорке, помогла.

Хозяина дома для слуг в Луизиане звали Моук Анакони, и его кожа была черной, как ночь. Дом, где он устроил бар, стоял на бульваре Барагати, недалеко от озера Сальвадор. Из окон второго этажа можно было увидеть кладбище Флеминг на другой стороне канала. Впрочем, жалюзи на этих окнах были почти всегда закрыты, хотя о частных вечеринках, которые устраивал Моук Анакони, почти никто из местных жителей и не знал. Все держалось в тайне. Где-то на другой стороне Нового Орлеана содержался еще один дом, и люди, которые желали заработать, продав себя, собирались сначала там, где несколько старых слуг забирались им в головы, заставляя думать, что они обслуживаются обычновенных людей. Их сажали в лимузин и везли в дом на бульваре Барагати. Когда вечеринка заканчивалась, слуги стирали им воспоминания, возвращали в дом, где они собирались вечером. Моук Анакони говорил, что эта система задействована по всей стране.

— Может быть, где-то в Каире или фавелах это и не нужно, но здесь неприятностей надо избегать, — заявлял Анакони.

Он носил на шее ожерелье из крохотных костей животных и был похож не то на анахроничного жреца Буду, не то на свихнувшегося сутенера. Рада заметила, что даже люди, которые не знали о том, чем на самом деле занимается Анакони, относятся к нему как к бокору. Анакони не возражал, считая этот страхуважением, хотя навряд ли люди стали бы относиться к нему лучше, узнай, чем он занимается на самом деле, узнай, что он втайне принимает кровь древних, которую поставляют ему некоторые слуги.

Вместо охраны Анакони держал дюжину дрессированных доберманов, которые бегали по обнесенной высоким забором территории вокруг дома. Когда Рада приехала к Анакони впервые, старый экскаватор копал за домом котлован, а чернокожие плотники начинали возводить над котлованом крышу, неловко пристраивая ее к старому дому в викторианском стиле, и для отвода глаз пытаясь окружить уродливый котлован бутафорными колоннами. Позже в этот котлован запустили аллигаторов и кормили их исключительно в день вечеринки, бросая в бассейн молодых оленей.

Вдоль высокой ограды, окружившей дом, росли старые дубы и магнолии. Иногда, в качестве шоу, Анакони устраивал в доме экстатические пляски Вуду. Рада не знала почему, но это заводило всех, включая самых древних слуг, тем более проводилось это крайне редко и было всегда сюрпризом. Таким же сюрпризом становились порки. В одном из залов были установлены две колоны с цепями, к которым приковывали руки жертвы, предварительно накачанной наркотиками. Жертвой становились как женщины, так и мужчины. Палачом же всегда была женщина. Крепкая, чернокожая. Она так искусно владела кнутом, что он в ее руках казался реинкарнацией древнего бога змей. Он рассекал воздух, рассекал кожу. Щелчки раздавались гулко. Стихали все. Жертва лишь вздрагивала. После, когда она отключалась, ее уносили, но в воздухе еще долго витало напряжение.

Моук Анакони не держал на содержании своего врача, который мог бы прикрыть его в случае, если игры зайдут слишком далеко, как это было в Нью-Йорке. У Анакони были Болота Мончак. Слухи о происходящих там мистических событиях и о том, что их прокляла королева Вуду, привлекали туристов, для которых на каноэ устраивались дневные илиочные туры по этим болотам. Специально для древних слуг Анакони устраивал охоту на этих туристов, исчезновение которых списывали на аллигаторов или топи. Этот ход привлекал в Новый Орлеан тех слуг, которые никогда бы не появились в подобном баре, если бы не возможность охоты. Рада не любила этих слуг, боялась их. Боялась, потому что одним из них был Вимал. Тот самый Вимал, который встретился ей в фавелах Рио. Во всех, кто участвовал в охоте, было что-то животное, дикое, безумное.

— Иногда мне кажется, что даже наш хозяин Вайорель боится Вимала, — говорила Раде Крина, с которой Рада познакомилась в Мексике. Им было что вспомнить, было о чем поговорить. Иногда к ним присоединялась Надин — служа Гэврила, которая пила кровь купленного мужчины и снова и снова говорила о том, что когда-нибудь станет обыкновенным человеком. Эти разговоры утомляли Раду. — Я думаю, что никто из нас уже не станет человеком, — говорила Крина, словно издеваясь над Надин. — Все закончится на крыше небоскреба солнцем, которое заберет нашу жизнь.

О солнце и смерти от его лучей Рада тоже не любила говорить. Особенно после того, как начала пить человеческую кровь. Сначала по немногу, привыкая и борясь с тошнотой, потом все больше и больше. Прокусить человеку вену у нее не получалось, поэтому приходилось ограничиваться порезом на запястье.

Несколько раз Рада встречала охотников на слуг. Вернее, не встречала, а слышала. Моук Анакони сам разбирался с ними, устраивая охо-

ту на болотах Мончак. В подобной охоте участвовала даже Крина. Но потом по городу прошелся ураган Катрина и сделал то, что не удалось охотникам на слуг — уничтожил дом Моука Анакони на бульваре Барагати.

В момент трагедии Рада была в Нью-Йорке и узнала о случившемся по телевидению. После терактов, свидетелем которых она становилась в Южной и Средней Америке, после урагана Гилберт, в эпицентре которого она оказалась в Мексике, судьба, казалось, решила, что Рада увидела достаточно. Так, когда теракт уничтожил торговый центр в Нью-Йорке, Рада была в Луизиане, а когда Катрина накрыла Новый Орлеан — в своей квартире, расположенной в южной части Манхэттена. Избежала Рада и урагана Сэнди, случившегося семь лет спустя после Катрины. Она покинула Нью-Йорк, как только услышала штормовое предупреждение. Покинула не только город, но и штат, отправившись на север. Рада обещала Клодиу, что вернется, как только угроза минует, но оказавшись в Портленде, поняла, что не вернется назад.

Следующие несколько лет Рада исправно посещала Нью-Йорк, помогая Клодиу утолить голод и жажду, но после того, как солнце стало причинять ей нестерпимую боль, настояла на том, чтобы Клодиу перебрался в Портленд. Тем более других древних в этом городе Рада за десять лет так и не встретила. Были лишь слуги, да и те зачастую приезжали в Портленд, чтобы навестить ее.

Один из них рассказал, что Моук Анакони восстановил бар для слуг, отстроив дом где-то на Болотах Мончак, где вместо охранников — аллигаторы, а кровь льется рекой, но Рада сочла это место пригодным для таких, как Вимал, а не для нее. Не понравились ей и бары для слуг на западе страны, которые она посетила вместе с Криной, пользуясь услугами частной авиакомпании и составляя план перелетов так, чтобы не жариться под недружелюбным солнцем. Раз в несколько лет Рада посещала вместе с Клодиу балетные постановки Саши Вайнера, которые она по-прежнему устраивала на Бродвее.

И жизнь, казалось, замерла, остановилась, позволяя Раде самой выбрать свой путь, самой сделать следующий шаг. Ни охотников, ни безумных слуг, ни ураганов и землетрясений. Ничего. Лишь только чистая, неразбавленная жизнь в своей монотонной скуке. Словно нескончаемые воды одного из многочисленных Луизианских болот. Словно бухта в Портленде, которая не замерзает в самые холодные зимы. И кажется, уже ничто не может потревожить этот монолитный покой. Даже убийство охотниками Сиджи Найдеккер, которую Рада встречала еще во времена Боаза Магидмана, кажется далеким и малозначимым. Но потом от рук своихнувшегося Вимала погибают Надин и Крина. И сразу за этим, не успев еще переварить эти смерти, Рада узнает о том, что и сам Ви-

мал мертв. Вимал и его хозяин — Вайорель. Убиты молодой порослью, отпрысками древних.

Дикие и безумные. Рада слышала десятки жутких историй о них, но не верила ни в одну. Не верила, пока следом за Вайорелем они не добрались и до хозяев Киана, Торелло. Слуги говорили, что сильнее жажды крови у молодой поросли только их жажда уничтожить древних. Их первенца звали Эмилиан, и о его появлении ходило много слухов. Говорили, что он может уничтожить целый город одним взглядом. Говорили, что он родился, вырос и умер за один год. Говорили, что он убивает каждого нового соплеменника только за то, что он рождается не похожим на него... Рада не знала, во что верить. Да и не хотела она верить.

— Все мы уже давно заслужили смерть, — сказала она как-то Либене, и словно вопреки происходящим событиям, открыла в Портленде свой собственный бар для слуг.

Глава пятая

Первые несколько лет бар в Портленде был только формальностью, символом. Вернее, не бар, а скорее дом, где могут собраться вместе несколько слуг. Не было там ни соответствующей атрибутики, ни атмосферы легкого безумия. Просто тихое место на краю кладбища Пайн Гроув. Такое же тихое, как и сам Портленд. И никаких ураганов, никаких терактов. Не объявлялось здесь и наследие Эмилиана. Иногда слуги шутили, что скоро эти безумные твари убьют сами себя. Киан рассказывал, что после того, как одна из этих тварей добралась до его хозяина, за ней пришла другая, более спокойная, но не менее опасная. Они грызли друг друга, рвали на части.

— Казалось, что ожила сама пустота вокруг них, — говорил Киан. — Тени метались по дому, крушили мебель, стены...

Он рассказывал об этом всю ночь, повторяясь, возвращаясь к началу... Его история шокировала, холодила кровь. Казалось, что никто не хотел ничего другого, кроме как слушать эту историю. Но вскоре историй этих стало много. Все знали, что где-то в центре страны есть целый город, который находится под контролем молодой поросли, но никому не хотелось найти этот город, заглянуть за ширму. Говорили, что Эмилиан, первенец, был выведен генетически. Называлось даже имя — Габриэла Хадсон. Ученый, генетик, которой удалось достать кровь древних и вывести их клона. Но вместо вечности древних им достались их голод и жестокость, которые они отчаянно пытались удовлетворить.

Они не соблюдали законов, не подчинялись правилам. Они хотели питаться и убивать древних. Причем охота на древних начиналась только в том случае, если они чувствовали близость древнего. Всего лишь дикие, безумные животные, встречи с которыми мало кто переживал. Некоторые слуги говорили, что их может сдержать вирус двадцать четвертой хромосомы, пришедший на смену ВИЧ. Вирус, который некоторые охотники использовали в борьбе со слугами. Вирус, который мог превратить заразившегося им человека в уродца, а мог

пощадить. Никто не знал, чем все закончится. Говорили, что некоторые охотники специально заражали свою кровь этим вирусом, чтобы иметь преимущество над слугами. Говорили, что некоторые слуги, да и сами древние использовали этот вирус для борьбы с Наследием Эмилиана. Но наследие разделилось. Что-то незримое пролегло между молодой порослью, разделив их на безумцев и тех, кто пытался остановить это безумие. Отложив охоту на древних, они занялись истреблением своих собратьев.

Либена клялась, что видела, как дикое наследие насиливает женщину. Это случилось в Филадельфии, в день смерти ее хозяина Плеймна. Он не боялся молодой поросли, не прятался от них.

— Достань пищу, — сказал он Либене. — Женщину. Молодую.

За долгие столетия службы Либена ни разу не видела, чтобы Плеймн пил кровь мужчин. Иногда Либене казалось, что ему не нужно видеть свою жертву, чтобы определить, кому принадлежит кровь, которую принесла ему его слуга. Первые годы службы Либена испытывала большие трудности из-за этого — соблазнять и приводить к Плеймну женщину было намного сложнее, чем соблазнять мужчин. Но потом появилась привычка. Либена научилась обольщать женщин, заинтересовывать их. В конце концов Либена и сама стала увлекаться женщинами, продолжая интересы своего хозяина. Она не заметила, когда это произошло. Просто случилось и все.

Женщина, которую она привела Плеймну в день его смерти, тоже нравилась ей. Особенно ей нравилась ее шея. Фантазии рисовали, как кровь стекает по этой шее, извивается, струится между небольших грудей, скапливается на животе... Либена забралась ей в мысли и закрыла все двери, которые ведут к страху. Женщина была возбуждена и взволнована близостью Либены, поэтому промыть ей мозги оказалось не сложно. Женщина была молода и неопытна. Она хотела попробовать, мечтала о близости с Либеной. Когда она увидела Плеймна, в ее глазах появилось разочарование.

Либена оставила их вдвоем, вышла за дверь. Какое-то время была тишина, затем она услышала крик, испугалась, решив, что недостаточно блокировала страхи девушки. Либена попыталась открыть дверь. Заперто. Крик повторился. Дикий, истощенный. Но на этот раз кричала не девушка. Кричал Плеймн. Либена упала на колени, пытаясь заглянуть в замочную скважину. По освещенной свечами комнате метались тени. Черные, густые. Они сжирали все, что попадалось им на пути, но цель была одна — Плеймн. Тени уже лишили его руки.

— Либена, помоги мне! — крикнул Плеймн, метнулся к окну, надеясь на спасение. Тени преградили ему дорогу. — Нет. Пожалуйста, нет! — начал умолять Плеймн, отступая к стене.

Никогда прежде Либена не думала, что древние способны на мольбы, знают о мольбах. Тени собрались воедино, вздыбились подобно морской волне и проглотили ее хозяина. Он снова закричал, но крик захлебнулся в черной, густой массе. Либена видела, как Плеймн корчится, поглощенный тенями, тает, растворяется. Клубы черного, едкого пара поднялись к потолку. Тени закончили свое дело, вернулись к хозяину — искрящемуся мужчине.

Метаморфозы, изменяющие его лицо и тело, были похожи на метаморфозы древних, но это была лишь жалкая, дикая, безумная копия. Женщина, которую привела Либена, лежала у его ног. Ужас лишил ее сознания. Мужчина шагнул к двери, за которой пряталась Либена, споткнулся о женщину, замер. Если бы он сейчас вышел из комнаты, то Либена не смогла бы сбежать — тело было ватным, скованным ужасом. Она могла лишь прижиматься щекой к двери и смотреть сквозь замочную скважину, как убийца склоняется над девушкой. Кровь из прокушенной Плеймном вены все еще текла из шеи девушки. Убийца принюхался, наклонился ниже, слизывая, словно собака, кровь с кожи девушки, затем неожиданно навалился на нее, засиял.

За свою долгую жизнь Либена видела много страшных вещей, но сейчас ее вырвало. Убийца за дверью взвыл, словно дикий зверь. Да он, собственно, и был зверем. Либена слышала, что эти твари не умеют даже говорить. Вой за дверью повторился, затем зазвенели разбившиеся стекла, и все стихло. Либена не могла двигаться. Не могла думать. Она не знала, сколько прошло времени. Лишь увидела, что за окнами начинается рассвет.

— Я жива, — прошептала Либена. — Жива, черт возьми!

Она подавила в себе желание сбежать. Нет, бежать надо было раньше. Теперь уже торопиться некуда. Хозяин мертв. Вот только почему-то свобода не пьянит. Найти ключ от закрытых дверей. От Плеймана ничего не осталось. Его жертва лежит на полу. Либена подумала, что она мертва. Подумала, что и сама бы наверное умерла, если бы ее телом овладела дикая тварь Наследия Эмилиана. Но девушка жива. Когда она зашевелилась, приходя в сознание, Либена чуть не вскрикнула. Девушка застонала, открыла глаза. Сознание возвращалось медленно. Сначала огляделась, попытаться вспомнить, где она. Затем насторожиться. Дрожь медленно начинает бить тело.

— Что... что... — девушка пыталась подобрать слова, чтобы описать то, что видела ночью, но не могла, затем увидела, что одежда на ней разорвана. Особенно ниже пояса. Лишь жалкие лохмотья. — Что вы сделали со мной? — уставилась она на Либену, попыталась подняться на ноги, вскрикнула, прижав руки к животу.

— Послушай, Кейла... — начала было Либена, но ничего лучше, чем списать все на наркотики, так и не придумала.

— Вы накачали меня наркотиками? — Ей наконец-то удалось подняться. Страх уступил место гневу. — Я... я это так не оставлю, — пообещала она, оглядываясь, пытаясь вспомнить, где в этом доме выход.

Когда она ушла, Либена собрала вещи и переехала в отель. Филадельфия, где она прожила больше века, казалась чужой и враждебной. Любой город, где находилось Наследие Эмилиана, был чужим и враждебным. И если бы Либена знала, где на планете есть место без этих тварей, то незамедлительно отправилась туда. Но она не знала. Либена позвонила знакомому офицеру и попросила узнать адрес Кейлы Прато. Девушка была местной. Либена видела это в ее мыслях. И еще она видела, как дикая, уродливая тварь насищает эту девушку. Желудок снова предательски сжался. Либена поборола приступ рвоты. Ей нужно было отвлечься, забыться. Но что-то подсказывало, что забыться не удастся. Она видела смерть своего хозяина. Слышала мольбы древнего. И еще эта девушка — Кейла Прато. Либена наблюдала за ней больше месяца, а после, узнав, что Кейла беременна, позвонила Раде и сказала, что им надо поговорить.

— И что по-твоему я должна делать? — спросила Рада.

— Не ты. Поговори с Клодиу. Он ведь древний. Для него это должно что-то значить.

Но Клодиу сказал, что ему нет до этого дела. А три недели спустя за Кейлой Прато пришли тени. Либена видела, как эти дети ночи и пустоты сожрали ее тело. Тени, призванные Наследием Эмилиана. Она успела на короткое мгновение заглянуть в мысли этой молодой поросли. Илир. Так его звали. И Либена хватило мгновения, чтобы понять, что он знает о ней и разрешает увидеть его воспоминания, в которых он охотится на своих диких собратьев, стыдится их поступков, их безумия. Либена видит, что он может забрать ее жизнь, но эта жизнь не нужна ему. Ему плевать на слуг. Сейчас ему нет дела и до их хозяев. Только собственное племя. Только безумные собратья, которых нужно истребить. Всех до одного.

— Я видела, как рождаются их дети, — шепчет Либена, пытаясь напиться, но алкоголь уже давно не пьянит ее. Рада молчит. — Дети, выношенные женщинами, которых изнасиловали эти дикие твари. — Ее снова начинает мутить, желудок сжимается. — Они... они развиваются в их утробе, растут, а потом... еще до рождения... они начинают сжирать своих матерей. Клянусь тебе, Рада, я видела мысли Илира. Наследие Эмилиана само боится этих тварей. Потому что если такой ребенок сможет выжить и окрепнуть... Думаю, он придет не только за древними, но за всем миром... Ты знала, что еще в утробе матери они могут влиять на ее разум? Представляешь? Перед тем как сожрать, они заставляют ее искать укромное место, прятаться ото всех, чтобы никто не слышал ее

предсмертных криков. И после, разорвав ее плоть и выбравшись наружи, эти дети продолжают питаться мертвой плотью своей матери, чтобы набраться сил. Клянусь, если бы у меня были силы, то я бы сама начала охоту на этих тварей. Не таких, как Илир, а на их безумных братьев. Понимаешь? — Либена пытливо вглядывается Раде в глаза. На щеках ее сверкает неестественный для избегающих солнца слуг румянец. В темных глазах гнев. Рада молчит, и гнев Либены нарастает, словно теперь весь мир должен поддержать ее, подняться на борьбу с безумными тварями. — Скажи хоть что-нибудь! — требует она.

— Как ты думаешь, — говорит Рада, выдержав ее гневный взгляд. — Если ты видела мысли Илира, то, возможно, он видел и все твои мысли?

— Что ты хочешь этим сказать? — Либена хмурится. — Думаешь, теперь Илир знает о барах и может их найти?

— Думаю, теперь он знает, где найти древних. По крайней мере Клодиу. Ты ведь знаешь, где найти Клодиу?

Либена бранится сквозь зубы. Забыться, отвлечься. Сбежать. Но куда? Она знает о барах на Западе, знает о доме Моука Анакони в Болотах Мончак. Но теперь об этом знает Илир. И бежать некуда. Даже бар Рады на краю кладбища Пайн Гроув сегодня закрыт. Только кафе, где за спиной смеются дети и пахнет крепким кофе вместо афродизиака и опиума. И еще вечернее солнце за окном... Либена дождалась, когда на город опустится вечер, долго бродила по клубам и барам, пока не познакомилась с девушкой из Чехии по имени Адела, мельком заглянув в ее мысли, затем взяла за руку, предложила сесть за свой столик.

— Мы знакомы? — спросила девушка.

— Наверное, нет. Но разве это проблема? — Либена заглянула ей в глаза. — Тебя зовут Адела, верно?

— Откуда ты знаешь?

— Догадалась.

— Такого не бывает.

— Со мной бывает многое. — Примириительная улыбка. — У тебя интересный акцент. Скажи мне, откуда ты?

— Из Чехии.

— Из Чехии? — Либена нахмурилась, вспоминая свою родину, вспоминая свое детство, молодость. Вспоминая годы, когда еще ничего не знала о древних.

— Что-то не так? — спросила Адела.

— Когда-то я тоже жила в Чехии.

— Почему уехала?

— Встретила кое-кого.

— Понятно. Я тоже встретила, — Адела безрадостно улыбнулась. Либена снова заглянула в ее мысли. Чехия. Лысеющий мужчина средних

лет. Обещания. Секс на камеру. Самолет. Западное побережье Америки. Пляжи. Солнце. Пара фильмов с уродливо-непристойным названием и такой же тематикой.

— Ты знаешь, — сказала Либена, — когда-то я так же сбежала из дома. Только не с порно-продюсером, а с цыганом. Хотя это почти одно и то же. И в конце он тоже продал меня.

— Меня не продавали. — Взгляд Аделы стал тяжелым. — Я знала, куда еду и зачем.

— Верю. — Либена чуть было не призналась, что видит это в ее мыслях.

Видит старого слугу, который платит ей не за тело, а за кровь. Платит столько, чтобы купить не только кровь, но и страх, заставить его отступить, сдаться под написком алчности. Адела считает его чокнутым извращенцем, но за последние годы половина мира кажется ей чокнутыми извращенцами. Так что нет особой разницы, что продавать — тело перед камерой или кровь в алькове бара. Адела думает об этом, когда слуга говорит, что таких, как он много. Слуга не интересуется ее телом. Лишь пьет кровь и гладит ее черные волосы, пропускает пряди сквозь пальцы.

— Может быть, встретимся как-нибудь еще раз? — предлагает ему Адела. Слуга не промывает ей мозги, не блокирует двери страха. Нет. Ему нравится естественность. В лучшем случае легкие наркотики для продающего кровь человека... Либена знает это, видела уже не раз этого слугу. Видела у Боаза Магидмана, видела в Луизиане, в Финиксе...

— Тебя послал в Портленд Киан, верно? — спросила она Аделу.

— Откуда ты... — Адела насторожилась, поджала губы.

— О, от тебя просто пахнет желанием продать свою кровь, — сказала Либена.

— Так ты тоже... — Адела так и не смогла подобрать нужных слов.

Повисла пауза. Тяжелая, нервная.

— Киан говорил, что здесь есть что-то вроде клуба для таких, как он, — сказала Адела. — Советовал, найти женщину по имени Рада.

— И ты думаешь, что продавать кровь лучше, чем тело?

— Ты видела последние фильмы, в которых я снималась?

— Я вообще не смотрю подобные фильмы. — Либена улыбнулась и поспешила сменить тему разговора, потому что то, что сейчас она видела в мыслях Аделы, ей совершенно не нравилось. Наверное, продавать свою кровь было действительно лучше. — Расскажи мне лучше о Брно, — попросила она.

— О Брно? — оживилась Адела.

Они до поздней ночи разговаривали о Чехии. Говорили о театре Редута. О Моравской галерее. О музее в Епископском дворце. О параде

фейерверков, где Адела познакомилась с мужчиной, который увез ее в Калифорнию. Об оперном театре. О Масарикове университете, где училась Адела на факультете философии, пока не уехала из страны.

— Неужели сниматься в порно тебе показалось лучше, чем учиться? — спросила Либена, но у Аделы не было ответа. Не нашла Либена ответ и в ее мыслях, в ее воспоминаниях.

Пять лет в солнечной Калифорнии, казалось, что-то безвозвратно выжгли из ее головы, стерли. Либена подумала, что все те десятилетия, которые она служила Плеймну, тоже что-то выжгли в ней. Мир стал каким-то плоским и двумерным. И еще вся эта жизнь, все эти знания! Либена смотрела на Аделу и понимала, что завидует ей. Завидует ее неведению. Мир древних и слуг катится в бездну, а этой девочке нет до этого никакого дела.

Ближе к утру Либена предложила своей новой знакомой снять номер на двоих. В комнате было тихо и прохладно. Пахло лимоном и чистым постельным бельем.

— Ты будешь кусать меня или сделаешь это как-то иначе? — спросила Адела.

— Я не знаю. — Либена смотрела на нее, чувствуя, что желания пить кровь этой девушки совсем нет. Вернее, желание есть, но не так, не здесь, когда Адела сидит на кровати и смотрит в пустоту. Нет. Такую кровь она может достать и на улице. Подойдет кровь любого бедолаги. Достаточно лишь подавить его волю. Он превращается в куклу, сосуд. И никаких чувств. Никакой игры.

Наверное, именно поэтому бары для слуг и пользовались спросом — там все было превращено в шоу. Там можно было отдохнуть, а не только питаться. К тому же легкие наркотики и курильницы с афродизиаком рождали желание и вожделение в глазах тех, кто пришел продать свою кровь. Сейчас же в глазах Аделы не было ничего. Пустота.

Либена ушла, оставив девушке телефонный номер Рады. Ей почему-то показалось, что она больше никогда не увидит Аделу — она сбежит, уедет, вернется домой. Либена отправилась в другой отель, но долго еще не могла заснуть, вспоминая то, что видела в мыслях Аделы. Девушка волновала и возбуждала ее. Вернее, не девушка, а фантазия о том, как она сама просит Либену прокусить ей шею. В глазах ее огонь. Струйки крови катятся по шее к животу, заполняют пупок. Картины эти были столь волнительны, что Либена видела их даже во сне. Видела со стороны, не в силах нарушить оцепенение и принять участие в этой игре. Другой слуга пил кровь Аделы. Другой ласкал ее живот...

Либена проснулась и сразу позвонила Раде, чтобы узнать, не связывалась ли с ней Адела.

— Нет, — сказала Рада, и Либена с трудом удержалась от того, чтобы отправиться к Аделе в номер. Она не знала, что скажет, не знала, что хочет сделать. Просто увидеть ее. Просто еще раз вдохнуть ее запах, возможно, заглянуть в ее мысли.

До конца недели она звонила Раде еще трижды, но Рада была чем-то занята, и ей отвечал ее любовник — Йенс Хаген. Высокий, крепкий, светловолосый. Рада говорила, что он напоминает ей Аллана Монсона — любовника из далекого прошлого. Но он предал ее, оказался охотником и едва не забрал ее жизнь. Она не обижалась на него за то, что он хотел убить ее, но чувствовала себя униженной из-за его любовной игры. Она любила его. Он использовал ее. Нет, с Йенсом Хагеном такого не будет.

— Я не позволю себе любить его, — говорила Рада, но Либена видела, что это не так.

Ей не нравилось, какой становится Рада рядом с Хагеном, не нравился сам Хаген с того самого дня, когда он впервые появился в баре на краю кладбища Пайн Гроув, чтобы заработать на продаже своего тела и крови. Что-то в нем было ненадежное, словно в голубых глазах от рождения блестела способность предать. Но Рада заметила его сразу. Приглядывалась около недели, затем забрала из бара. На второй месяц их отношений она купила ему дом в Портленде, дорогую машину.

— Он просто моя игрушка, — говорила она. А Хаген уже подобрался к ее бару. Сначала просто давал советы, но Либена знала, чем это закончится. Он стал управлять им.

Рада отошла от дел, требуя от Хагена лишь верности и крови, которую она пила, когда приходила к нему на ночь. Либена сомневалась в том, что они занимаются любовью. Иногда ей хотелось убить его — он вторгся в их маленькое царство ночи, в их маленький кошмар. Он выбирал девушек для работы, выбирал мужчин. Он заказывал вина, договаривался о поставках афродизиака и наркотиков. Он стал для нее еще одним какаду — старым попугаем, которого привезла откуда-то Рада. Либена ненавидела эту хрипатую птицу, которую, словно ей назло, полюбил Хаген, забавляясь с ней каждый раз, как только оказывался в кабинете управляющего. Еще Либену раздражало, что когда какаду заболел, Хаген уговорил Раду достать для чертового попугая кровь древнего, чтобы спасти ему жизнь. Тогда почему-то это показалось ей отвратительным, словно пентаграмма или звезда Давида для католика, если не хуже. Сейчас ей казалось отвратительным, что нужно идти к Хагену и спрашивать о девушке по имени Адела, которую он просто обязан принять на работу.

— Уже принял, — сказал он, затем хитро подмигнул и добавил, что видел все фильмы с ее участием.

— Ты взял ее, потому что она снималась в порно? — растерялась Либена.

— Почему бы и нет? Думаешь, наш бар лучше? К тому же у нее такая аппетитная киска, что голова идет кругом. Если, конечно, ты понимаешь, о чём я. — Он улыбался, и Либена с трудом сдерживала себя, чтобы не пустить ему кровь.

Потом она узнала, что он снял для Аделы дом, купил машину. Адела все реже появлялась в баре, и когда Либена пила ее кровь, ей казалось, что каждая клетка ее кожи пахнет Хагеном. Еще хуже все стало, когда Либена рассказала о своих наблюдениях Раде.

— Так ты думаешь, что она спит с ним? — спросила Рада, и вместе того, чтобы направить свой гнев на Хагена, обрушила его на голову Аделы. Хагену же было плевать. Казалось, что его забавляет все это, что он специально дразнит Раду, рассказывая ей о фильмах, в которых снималась Адела и о том, как много людей было очаровано ее телом и ее навыками. А потом, когда гнев Рады переходил черту, он изображал обиду и непонимание, заставляя ее извиняться. Извиняться не перед Аделой, которую она унижала, а перед ним.

— Ну прости меня, — шептала Рада Хагену. — Я просто старая, глупая ревнивица. Что ты хочешь, чтобы я сделала, а? Хочешь новую машину? А новый дом? Хочешь, я достану все фильмы с этой девушкой, и мы посмотрим их с тобой вместе. Только скажи.

Но потом все повторялось заново, словно Рада точно так же играла с Хагеном, как он играл с ней.

— Вчера посмотрела с Хагеном один из твоих фильмов, — говорила она Аделе. — Очень занимательно. Поучительно. Но, боюсь, я слишком стара для всего этого. Понимаешь? — И она отпускала десятки непристойных колкостей.

— Почему бы тебе просто не выгнать ее? — спросила однажды Либена.

— Зачем? — растерялась Рада. — Мне казалось, она нравится тебе. К тому же на ее кровь и тело хороший спрос у слуг.

— И у Хагена, — не сдержалась Либена.

— Это ничего не значит. Она всего лишь шлюха, которая за деньги сделает все, что угодно, — сказала Рада, однако в эту же ночь вцепилась в горло Аделы так, словно собиралась убить, и долго шептала ей на ухо историю о баре для слуг в Болотах Мончак, обещая отправить ее туда.

— Если для тебя что-то значит наша дружба, то я прошу, оставь эту девочку в покое, — попросила как-то раз Либена. Рада рассмеялась, затем стала вдруг серьезной.

— Только не говори, что тоже влюблена в нее.

— Нет. Она просто из Чехии и напоминает мне себя в молодости.

— Никогда бы не подумала, что ты была такой, как Адела.

— Представь себе... — Либена заставила себя сдержаться. — Так мы договорились?

Рада долго смотрела ей в глаза, затем кивнула. Обещания хватило ровно на месяц. Потом издевательства продолжились.

Когда в Портленд приехали Мэйдд Нойдеккер и Макс Бонер, Рада снова бежала по коридорам своего бара за Йенсом Хагеном и просила у него прощения.

— Мне стыдно за тебя! — говорил он Раде. — Ты сошла с ума. Зачем тебе вообще эта девчонка?

— Просто скажи, что она тебе не безразлична, — перешла неожиданно в наступление Рада.

— А если и так? — Хаген остановился и заглянул Раде в глаза. — Да, она мне не безразлична. Ты этого хотела? Все это время ты издевалась над Аделой, только чтобы заставить меня признаться, что она мне не безразлична?

— Возможно.

— Тогда ты вдвойне сумасшедшая.

— Я просто старая и ревнивая. — Рада прижала его к стене. — Скажи, что есть в Аделе, чего нет во мне? Все дело в сексе, да? Ты хочешь делать со мной все те грязные штуки, которыми занимается она? Занимается с тобой, в доме, который ты снял для нее. С другими, здесь, в этом баре?

— Отстань.

— А если я соглашусь? Тогда ты ее оставишь? Прямо сейчас. — Рада расстегнула ему брюки и встала на колени. — Ты этого хочешь, да? — спросила она. — Этого? — Рада опустила голову, чтобы он не видел искрящихся метаморфоз, менявших ее лицо.

Артерии в паху Хагена пульсировали, звали. Рада подалась вперед и прокусила одну из них. Хаген выругался, дернулся в сторону. Рада крепче схватила его за бедра. Кровь была теплой, густой. Рада пила ее жадно, не желая останавливаться, даже когда насытилась. Потом почувствовала на своей спине взгляд, обернулась.

— Тоже хочешь продать кровь? — спросила она незнакомца. Макс Бонер не ответил, и Рада снова вернулась к своей трапезе.

— Хватит, — взмолился Хаген. — Пожалуйста, хватит. Ты убьешь меня. Убьешь... — Он с трудом стоял на ногах, но Рада продолжала блокировать его волю и пить, пить, не зная, действительно желает его смерти или нет. Старая, уставшая женщина.

— Собирай вещи и убирайся. Видеть тебя больше не хочу в городе, — говорит она Хагену. Он кивает, идет, качаясь, по коридору. Рада

смотрит ему в спину. Охранник по имени Броган говорит, что к ней пришла Мэйдд Нойдеккер. — Нойдеккер? — Рада вспоминает ее мать, устало качает головой.

Встреча. Крики чокнутого попугая какаду. «Нужно выкинуть чертову птицу следом за Хагеном», — думает Рада. Ведет Мэйдд Нойдеккер и Макса Бонера в бар. Слуг немногого, но Рада думает, что желающие избавиться от Гэррила найдутся.

— Если кто-то захочет вашу кровь или тело, скажите, что вы мои друзья, — предупреждает Рада, перед тем как уйти. Мэйдд кивает.

Около часа они сидят с Максом за барной стойкой и тянут коктейли за счет заведения. Недалеко от них, за столом слуга пьет кровь молодой девушки. От клубящегося в воздухе дурмана слезятся глаза. Афродизиак и опиум проникают в кровь, будоражат сознание. Либена сидит за дальним столом, наблюдает за ними, слушает. Ей нет до них никакого дела, но она зла на Раду. И дело уже не в Аделе. Дело в том, что Рада дала ей, Либене, обещание, но не сдержала. Старая слуга увлеклась молодым любовником и съехала с катушек. Нужно встряхнуть ее. Либена думала об этом последний месяц. Сегодня, после того, как Рада устроила очередное унизительное шоу с Аделой в главной роли, Либена решила, что убьет Хагена. Выждет пару дней и убьет. Вечером Рада велела установить на подиум кожаную кушетку, и когда Адела пришла в бар, сказала ей, что хочет воссоздать одну из сцен, в которых та снималась в Калифорнии, затем позвала Хагена и заставила смотреть.

Либена наблюдала за ними и уже видела, как забирает жизнь Хагена. Других вариантов не было. Не было, пока она не увидела Мэйдд Нойдеккер, которую Рада представила, как своего друга. Либена подумала, что если она убьет Хагена, то они с Радой могут стать навсегда врагами, но вот убийство Мэйдд... Оно лишь покажет Раде, что нужно очнуться, встряхнет ее.

Либена дождалась, когда Мэйдд наберется смелости, чтобы поговорить с другими слугами о Гэрриле, и поманила ее к себе. Мэйдд и Макс нерешительно подошли.

— Мы здесь не для того, чтобы продать кровь или что еще, — спешно сказал Макс.

— Я знаю, — Либена улыбнулась, показала на свободный стул. Мэйдд села. Макс остался стоять. Взгляд невольно цеплялся за подиум и кушетку, на которой лежало оставленное Аделой нижнее белье.

— Не жалей, что опоздал. Шоу было дерзким, — подмигнула ему Либена.

Начавший пьянять от паров афродизиака мозг заставил Макса вздрогнуть.

— Так, значит, вы хотите убить Гэврила? — спросила Либена Мэйдд Нойдеккер и тут же нетерпеливо взмахнула рукой, показывая, что ее не интересуют подробности. — Если будет нужно, то я увижу это в твоих воспоминаниях.

— Не увидишь, — сказала Мэйдд. — Если захочу, то не увидишь.

— Так ты тоже пьешь кровь древних?

— Моя мать была слугой.

— И поэтому Рада считает тебя своим другом? — Либена снова нетерпеливо взмахнула рукой, показывая, что не хочет слушать подробности, предложила выпить. Мэйдд отказалась. Либена смотрела ей в глаза и пыталась решить, где убьет ее. Выбор пал на улицу, все равно где, лишь бы не в баре, чтобы не нарушать правило — в этих стенах никто не умирает.

Либена вывела Мэйдд за дом, к могилам кладбища Пайн Гроув. Макс Бонер увязался за ними, и ей пришлось избавиться от него. Она ударила Макса в грудь, затем швырнула, словно тряпичную куклу. Он ударился спиной о старый дуб, закряхтел, выгнулся от боли дугой. Либена повернулась к Мэйдд, схватила ее за волосы, заставляя запрокинуть голову.

— Ничего личного, — сказала она, вонзая в ее шею появившиеся зубы-иглы.

Мэйдд вскрикнула, попыталась вырваться, оттолкнуть от себя Либену. Зубы иглы вырвали из ее шеи кусок плоти. Хлынувшая кровь ударила Либене в лицо. Мэйдд попыталаась бежать, но силы покинули ее раньше, чем удалось сделать несколько шагов. Ноги подогнулись. Мэйдд упала на спину. Черное небо было звездным. Либена нависла над ней, заглядывая в тускнеющие глаза.

— Ничего личного, — сказала она перед тем, как уйти.

Лежа возле старого дуба, Макс видел спину Либены сквозь всполохи ярких вспышек боли. Нужно было подняться, добраться до Мэйдд. Макс попытался перевернуться на живот. Казалось, что сломана каждая кость. Воздух был тяжелым, густым. Макс пытался сделать вдох, но не мог. В легкие словно залили свинец, и теперь он медленно застывал в груди, разносился по венам по всему телу, твердел. Но боль отступала. Макс поднялся на локти и пополз к Мэйдд. Она лежала в луже собственной крови. Стеклянные глаза были открыты и смотрели в черное небо. Но в этих глазах еще была жизнь. Макс видел эту жизнь, чувствовал, как она проникает в его мысли. Чтобы спастись, Мэйдд нужна была кровь древних.

— Где я найду древнего, черт возьми? — спросил Макс, взял Мэйдд за руку, прижал ее ладонью к разорванной шее, чтобы остановить кровотечение. Мысли Мэйдд показали ему, что она не боится смерти. Не

боится, что все закончится. — Ты не умрешь. — Макс достал телефон, набрал номер неотложки.

Машина скорой помощи приехала четверть часа спустя. Мысли Мэйдд угасали. Макс чувствовал, как они разваливаются у него в голове, блекнут, догорают алым закатом дня. По дороге в больницу эти мысли окончательно погасли. Дважды у Мэйдд была остановка сердца. Когда ей зашили разорванную шею и отвезли в отдельную палату, врач сказал, что шансов нет.

— Что значит, нет? — спросил Макс. — Она ведь жива.

— Только ее тело. Мозг — мертв.

— Но... — Макс вздрогнул, услышав в своей голове голос Мэйдд. Далекий, едва различимый, подобно эху. Даже не голос — отголосок мыслей, предсмертное послание. Кровь древних. Чтобы спасти ее? нужна кровь древних. Словно из другого мира Макс услышал вопрос доктора о ране Мэйдд.

— Это что, было какое-то животное?

— Да, док. Собака. — Макс спросил, как долго Мэйдд смогут держать здесь, не отключая от аппаратов жизнеобеспечения, услышал бормотание доктора о деньгах и дорогоизнене подобного содержания. — О, деньги у нее есть, — заверил его Макс.

Он вернулся в бар на окраине кладбища Пайн Гроув поздним утром. Долго стоял у дверей, не решаясь постучать, потом собрался с духом. Похожий на быка охранник по имени Броган, с которым Макс уже встречался ночью, провел его в кабинет Рады. Белый попугай какаду спал в клетке. Рада сидела за столом. Взгляд у нее был тяжелым. Взгляд, под которым Максу казалось, что он может растаять. Слова уж точно таяли под этим взглядом.

— Я знаю, что случилось, — сказала Рада. Сказала сухо, словно подул раскаленный ветер в лицо заблудившемуся в пустыне страннику. — Доктор Генри Ли позвонил мне, как только закончил оперировать Мэйдд... — Она выдержала паузу, крутя в руках стакан с янтарным абсентом. — Кто это сделал? — Рада услышала имя, нахмурилась, долго о чем-то думала, затем кивнула, выпила оставшийся в стакане абсент и налила еще, но на этот раз достав стакан и для Макса. — Пей, — сказала она.

— Пей! — сонно повторил какаду, не открывая глаз, убивая всякое желание отказаться.

Макс взял стакан. Рада мерила его взглядом, словно пытаясь прочитать его мысли. Или же она и читала их? Макс спешно сделал глоток. Спирт обжег полость рта.

— Господи, как вы это пьете? — спросил Макс.

— Проживи три сотни лет и поймешь. — Рада покосилась на попугая, но какаду предусмотрительно промолчал или крепко заснул. Макс

выпил еще абсента. — Тебе нужна кровь древнего, верно? — спросила Рада. Макс кивнул и снова выпил. Рада тоже выпила. — Сегодня я избавилась от своего любовника, — сказала она.

— Причем тут я и Мэйдд? — спросил Макс.

— Иногда мир вращается совсем не так, как мы думаем.

— Я не понимаю.

— Я знаю. — Рада улыбнулась. Макс нетерпеливо допил свой абсент.

— Так у вас есть кровь древних или нет? — спросил он. Рада покачала головой. — А ваш хозяин? Вы можете с ним связаться?

— Он сбежал.

— Я знаю, что он сбежал, но...

— Ты не спасешь Мэйдд. Ты ничего не сможешь сделать. Смирись.

— Смириться? — Макс снова услышал далекий голос Мэйдд. Даже не голос. Чувства, которыми она, умирая, делилась с ним. Такие странные, чужие, но понятные, словно стали его частью, стали им самим. И сейчас в больнице умирает не только Мэйдд. Нет. Там умирает часть его. Умирает в то время, как женщина, которая может помочь, сидит за столом и ухмыляется, словно ей нет дела, словно ей плевать на весь этот мир. Гнев вспыхнул в груди Макса, поднялся красными пятнами к лицу. Он ненавидел Раду, ненавидел этот чертов дом. — Смириться? Вы советуете мне смириться? — зашипел он.

— Смириться! — хрюкло выкрикнул какаду сквозь сон.

От этого голоса в голове Макса что-то взорвалось. Гнев больше не мог находиться в его теле, в его мыслях. Ему нужен был выход. Макс схватил клетку с попугаем, сорвал с цепи, бросил на пол и начал топтать. Хрупкие кости птицы затрещали. Какаду несколько раз еще что-то крикнул, но голос был словно у старого патефона, в котором кончился завод пружины. Кровь брызнула из клетки. Ее капли попали Максу на лицо. Он вздрогнул, отступил назад, боясь своего поступка. В повисшей тишине ему показалось, что он может услышать удары собственного сердца. Затем раздались аплодисменты Рады.

— Браво, — сказала она. — Наконец-то кто-то прикончил эту чертову птицу!

Макс растерянно уставился на мертвого попугая, белые, сломанные крылья которого были забрызганы кровью. Неожиданно попугай вздрогнул, ожил. Сначала его движения были хаотичными, дергаными, затем появилась уверенность. Какаду выбрался из разломанной клетки, взмахнул несколько раз крыльями, взлетел, покружил по комнате и приземлился на настольную лампу.

— Вот ведь сукин сын, — буркнула Рада, затем увидела растерянность на лице Макса и сказала, что ее бывший любовник поил попугая кровью Клодиу.

— Ты поила кровью древнего птицу?

— Не я, мой бывший. С сегодняшнего дня бывший.

— А для Мэйдд у тебя, значит, крови нет.

— Если бы была, то, поверь, я дала бы тебе эту кровь. Не думай, что я не сожалею о том, что случилось с Мэйдд. Я знала ее, когда она была ребенком.

— Ну, так помоги ей. Скажи, где твой хозяин. — Макс подался вперед, вглядываясь Раде в глаза, пытаясь отыскать там сострадание, но в этих глазах не было ничего. Только пустота и мрак. Макс развернулся, шагнул в двери.

— Последний раз я видела Клодиу на Бродвее, в театре Саши Вайнера, — сказала Рада. Макс замер. Она дождалась, когда он обернется. — Если найдешь его, расскажи все как есть... Но я не уверена, что он там...

Макс ушел, получив от Рады обещание, что она позаботится о том, чтобы Мэйдд не отключили от аппаратов искусственного жизнеобеспечения. Волнения не было. Наоборот, все чувства обнажились, стали кристально чистыми. Как и цели. Добраться до Нью-Йорка, встретиться с Сашей Вайнери, спросить о Клодиу.

— Понятия не имею о чем ты, — говорит бывшая балерина.

Теперь заглянуть ей в глаза, рассказать о Мэйдд и о том, что случилось в Портленде. Саша Вайнери пожимает плечами. Мимо ходит ее любовница Гаяне. В руках у девушки поднос с виноградом. Глаза опущены. Саша гладит ее по голове.

— Жаль, что пришлось проделать такой путь зазря, — говорит Саша Максу, продолжая гладить волосы молодой армянки. Гаяне улыбается, не поднимая глаз. Макс видит ее шею. Видит следы от укусов. — О, это совсем не то, что ты думаешь, — говорит Саша Вайнери, замечая его взгляд, злится, прогоняет армянку прочь.

— Он ведь здесь, верно? — спрашивает Макс.

— Ты выдаешь желаемое за действительное, глупый мальчик. — Она снимает телефонную трубку и вызывает охрану.

Макс не сопротивляется. Охранник по имени Брэд Ричардс выводит его на улицу. Двери закрываются за спиной. Холодная улица. Поздний вечер.

— Запомни этого парня и больше не пускай ко мне, — говорит охраннику Саша Вайнери. Брэд Ричардс кивает.

Он работает здесь несколько месяцев. Работает после того, как на окраине города нашли обескровленные тела двух молодых балерин из труппы Саши Вайнери, которых та скормила Клодиу. Скормила древнему. Но Брэд Ричардс ничего не знает о древних. Он знает лишь о слугах, считая их пьющими человеческую кровь тварями, которые притворяются обычными мужчинами или женщинами. Он не верил в них, не знал о

них, пока не познакомился с Лорой Оливер — дочерью детектива полиции, которого убили подобные твари. Так говорила она, когда убеждала Ричардса убить его друга, с которым он познакомился еще в армии.

Тогда Лоре было двадцать, Ричардсу двадцать семь. Они встретились с ней в баре. Лора Оливер пыталась познакомиться с его другом. Друга звали Адден Бронсон. Он отвечал на интерес Лоры взаимностью, но из бара ушел с другой девушкой. Никто больше не видел ту девушку. Позже Лора Оливер показала Ричарду фотографии из мorga. Фотографии той самой девушки, с которой ушел Бронсон.

— Это ничего не значит, — сказал тогда Ричардс. — К тому же если Адден был тем, за кого ты его принимаешь, то почему он не убил тебя?

Лора рассмеялась и долго рассказывала ему о вирусе двадцать четвертой хромосомы, которым она заразилась несколько лет назад. Рассказывала, что вирус парализует, причиняет боль таким, как Бронсон. Потом рассказала о своем отце, который заразил себя специально, чтобы эти твари не могли добраться до него.

— Я сказала твоему другу, что больна, когда он уже готов был взять меня вместо той пропавшей девушки.

— Я думаю, что ты спятила, — сказал Ричардс.

Но потом пропала еще одна девушка, из которой выкачали почти всю кровь. Ричардс все еще говорил себе, что Лора Оливер безумна, но во сне уже приходили картины, как его друг убивает девушек, с которыми уходит из бара. А вокруг, по темным улицам за ними следят уродцы, чьи тела обезобразил вирус двадцать четвертой хромосомы. Их клетки мутировали, изменились. Черепа у одних вытянулись, у других сплющились. У некоторых появился третий глаз.

В армии, когда служил Ричардс, была вспышка вируса, и многие из его друзей были отправлены в резервацию, где содержались инфицированные. Содержались по добной воле, не желая становиться центром насмешек нормальных людей. Но были и те, на кого вирус не оказал своего чудовищного воздействия. Он содержался у них в крови, но внешне они не изменились. Одним из таких был Оливер. Он покинул армию, находясь под постоянным наблюдением. Врачи изучали его тело, власти следили за тем, чтобы он не распространял вирус. Лора сказала, что такие, как Адден Бронсон, живут не одну сотню лет. Живут от начала времен.

— Мы думаем, что вирус — это защита человеческой природы, — сказала Лора Оливер. — Сначала это была бубонная чума, сифилис, ВИЧ. Твари, которые пили кровь зараженных людей, страдали, умирали. Но все это убивало и нас, разрушало наш организм. Теперь появился вирус двадцать четвертой хромосомы, и многие из людей не страдают от него. Он защищает нас от тварей, которые видят в нас пищу. Думаю, когда-нибудь мутирует и этот вирус, изменится. И на этот раз не будет

больше страданий. Люди изменятся, станут непригодными для этих тварей. Так мы думаем.

— Мы? — спросил Ричардс. — Так ты не одна такая?

Он думал, что это какая-то секта, клуб безумцев. Он хотел рассказать об этом Аддену Бронсону, предупредить его об опасности. Ведь когда в армии началась вспышка вируса двадцать четвертой хромосомы, Бронсон предупредил его об этом, велел собирать вещи и убираться прочь, бежать, если понадобится. В те дни Адден Бронсон работал в медицинской команде врачей, проверяющей на военных какие-то препараты, увеличивающие силу и скорость реакции. Так, по крайней мере, говорили им тогда.

— Просто беги отсюда и все, — сказал Адден Бронсон Ричардсу. Но бежать было некуда. Да и поздно было бежать.

Больше года Ричардс провел в резервации для зараженных. Но изменений не было. Врачи называли его переносчиком и многие из них были против, чтобы выпускать таких из резерваций. Список того, что запрещается Ричардсу при возвращении в здоровый мир, был таким длинным, что он бросил его читать раньше, чем осилил третью. Просто подписал и все. В конце концов вирус передавался, как и его предшественник ВИЧ, поэтому Ричардс решил, что с этим можно жить.

Оказавшись на свободе, он попытался встретиться с Адденом Бронсоном, но Бронсон бросил работу. Ричардс не знал, но его друга превратили в слугу в тот год, когда он — Ричардс, заразился вирусом двадцать четвертой хромосомы и содержался в резервации. Поэтому, когда он нашел Аддена Бронсона, его друг был уже совсем другим.

Ричардс решил, что все дело в его работе, что Бронсон и команда, в которой он работал, имели какое-то отношение к вспышке вируса. Теперь Бронсон винил себя и не хотел вспоминать о том, что было. Так думал Ричардс. Какое-то время он пытался понять, как сам относится к своему новому открытию — его друг виновен в том, что он заражен. Но потом Ричардс решил, что назад уже ничего не вернуть. К тому же глупо упрекать солдат за то, что они исправно выполняют приказы. Если этого не будет, то мир полетит в пропасть. Ричардс встретился с Бронсоном и сказал, что они должны остаться друзьями. Бронсону было плевать.

Поиски вакцины, которыми он занимался более десяти лет, продолжая исследования своих предшественников, привели его в Аризону, в бар для слуг. Это случилось после того, как знакомый патологонатом позвонил ему и сказал, что Бронсону лучше приехать. Голый мужчина лежал на анатомическом столе. Кто-то разрубил ему грудь и вырвал сердце. Сердце так и не нашли, но раны продолжали затягиваться. Патологонатом нервничал и шепотом рассказывал Аддену Бронсону детали своего открытия. И был еще вирус двадцать четвертой хромосомы, попавший в организм убитого через кровь, которой был заполнен его желудок. Кровь

другого человека. Но убитый обладал иммунитетом к вирусу. Его тело боролось, сопротивлялось. Полгода потребовалось Аддену Бронсону, чтобы узнать имя убитого мужчины. Еще два месяца он потратил на то, чтобы добраться до Аризоны, проследив последние месяцы жизни убитого, и найти бар для слуг. Связи и деньги помогали Бронсону, но когда за ним пришел древний по имени Ингвар, помочь ждать было неоткуда.

— Сегодня твое понимание мира изменится, — сказал Ингвар.

Адден Бронсон готов был служить, но не готов убивать. Вначале не готов. Потом все стало проще. Когда его нашел Брэд Ричардс, Бронсон уже перестал считать своих жертв. Лишь что-то далекое всколыхнулось в нем. Что-то из прошлого, которое скрылось за занавесом, опускавшимся каждый раз после приема крови Ингвара, которая была лучшим наркотиком, лучшим освобождением. Бронсон знал, что будет жить вечно. Все друзья умрут. Все родственники умрут. Но не он. Смерть потеряла свою власть над ним.

— Если хочешь, то я убью Ричардса ради тебя, — сказал он Ингвару.

— На кой черт мне его отравленная вирусом кровь? — сказал древний.

Поэтому Ричардс продолжил жить. Ничего личного, просто расчет, как и в случае с Лорой Оливер. Адден Бронсон ничего не знал об охотниках, и Лора была для него просто очередной женщиной. И никакого чувства опасности. Что могут сделать простые смертные тому, у кого впереди вечность?

Но семена, которые бросила в землю Лора, уже взошли в сознании Ричардса. И вместо того, чтобы рассказать Бронсону о Лоре, Ричардс подлил другу в вино своей крови. Идея была спонтанной, и в последнюю минуту Ричардс запаниковал. Но что-то было не так с Бронсоном. Он видел это, но не мог понять. Что-то изменилось в старом друге. Что-то ушло, и на месте этого ничего не появилось. Пустота. Ричардс заставил себя молчать и смотрел Бронсону в глаза, когда тот пил приторно-сладкое красное вино с кровью Ричардса.

— Ты чего такой бледный? — спросил Бронсон, насторожился, затем почувствовал, как вирус проникает в кровь слуги, наполненную кровью древних. Боль обожгла сознание. — Что ты сделал? — испуганно спросил Адден Бронсон своего друга.

Ответа не было. Бронсон вскрикнул, вскочил на ноги. Он думал только о том, чтобы вернуться к своему хозяину, упасть к его ногам и умолять спасти его. Но сил не было. Ноги подогнулись. Он упал, опрокинув соседний столик.

— Все будет в порядке! — громко объявила всем Лора Оливер, помогая Бронсону подняться. — Слишком много бренди. Просто слишком много бренди. — Она позвала Ричардса, чтобы он помог ей вывести Бронсона на улицу, но Ричардс стоял, застыл, словно статуя.

— Ричардс, черт возьми! — заорала на него Лора. Он вздрогнул, очнулся. Тело подчинилось, но мысли остались онемевшими.

Они вывели Бронсона в парк. Кровь текла у него изо рта. Была полночь. Небо звездное. Лора усадила Бронсона на скамейку, достала нож.

— Что ты делаешь? — спросил Ричардс.

— Он может не умереть. Некоторые не умирают.

— Некоторые? — Растиеряно спросил он.

— Ты думаешь, только твой друг монстр? — Лора прижала нож к горлу Бронсона. Ричардс перехватил ее руку.

— Я не могу, — сказал он. — Только не так.

— Ладно. Тогда будем ждать. — Лора села на скамейку рядом с Бронсоном. Ричардс остался стоять.

Его друг умирал медленно, мучительно. Жизнь цеплялась за тело. Отчаянно, истерично. Иногда он приходил в себя и бормотал что-то о прощении. Иногда вспоминал своих жертв. Ближе к утру его сознание прояснилось, он заглянул Ричарду в глаза и пообещал, что Ингвар отомстит за него.

— Он найдет тебя, Ричардс. Найдет и убьет, — сказал он. Потом пелена смерти застлала глаза. Из рта вырвался поток черной слизи. Бронсон захрипел, в последний раз поднимаясь после нокдауна смерти. Но сил для борьбы не было.

Он умер четверть часа спустя.

— Кто такой Ингвар? — спросил Ричардс Лору.

— Наверное, еще одна тварь, как и твой бывший друг, — пожала она плечами, взяла Ричардса за руку и сказала, что им нужно уходить.

Потом был отель и беспокойный сон. Они лежали вдвоем на одной кровати. В одежде, поверх одеяла.

— И много таких, как ты? — спросил Ричардс, когда они проснулись.

— Больше, чем ты думаешь, — сказала Лора.

— А таких, как Бронсон?

— Больше, чем ты думаешь.

Ричардс поднялся с кровати, закурил. Мысли в голове путались. Он понимал, что должен куда-то идти. Его ждала работа. Ждал собственный дом. Но мир изменился. Или же это изменился он, Ричардс? Он вспомнил все то, что говорил Бронсон о своих жертвах перед смертью.

— И много ты убила этих тварей? — спросил Ричардс.

— Это был третий.

— Третий?

— Мало?

— Я даже не знаю...

— Твой друг был молод. Чем старее тварь, тем она умнее, сильнее, злее. Я не знаю, как они обращаются, как теряют человечность, но с

годами можно научиться выделять их из толпы. Особенно мужчин. С женщинами сложнее. Они умнее, хитрее. Говорят, что старые твари умеют читать мысли. Не знаю. Я уверена лишь в том, что они сильны. Если бы не вирус, то справиться с ними было бы практически невозможно. Вирус парализует их и спасает нас, на случай если они изменятся и попытаются выпить нашу кровь.

— Так ты стала охотником после того, как заразилась?

— Я заразилась, чтобы стать охотником. Я была подростком, когда мой отец столкнулся с этими тварями. Думаю, он подобрался к ним достаточно близко, узнал об их слабостях. Мать говорила, что он специально заразил себя вирусом двадцать четвертой хромосомы, чтобы иметь преимущество над тварями, если они доберутся до него. Не знаю, как много этих тварей он прикончил, прежде чем они убили его, но думаю, что немало. Уверена, что они боялись его. Они даже напали на наш дом. Мать уехала из города и никогда не говорила ни с кем об этом. Вирус превратил отца в уродливую тварь, но он продолжал борьбу. Его хоронили в закрытом гробу. Никто не взялся гримировать его лицо. Наверное, вирус изменил его очень сильно. Не знаю. Я лишь помню, как гроб опускали в землю. Мне говорили, что отец свихнулся, спятил. — Лора подняла голову, показывая шрамы на своей шее. — Это сделала одна из тварей два года спустя. Сомневаюсь, что она мстила мне за отца. Наверное, просто хотела есть. Она вцепилась мне в горло и высушила бы до последней капли, если бы ее не спугнули. Я очнулась в больнице и поняла, что отец был прав. Потом была странная женщина. Ингрид. Она пришла ко мне в палату и просила описать напавшего на меня человека. Я сразу узнала в ней охотника, рассказала о своем отце и предложила помочь. Моя мать работала врачом в резервации, где лечили людей, зараженных вирусом двадцать четвертой хромосомы, так что достать их кровь оказалось не сложно. Мы планировали использовать ее против твари, напавшей на меня. Но тварь оказалась старой и хитрой. Она добралась до Ингрид и начала охоту за мной. Чтобы уровнять шансы, я заразила себя вирусом двадцать четвертой хромосомы. Тогда я думала лишь о том, что если эта тварь достанет меня, то не сможет сожрать, как это случилось с Ингрид. Остальное меня не заботило. Я готова была умереть и не думала о будущем. Но потом появились друзья Ингрид. Они научили меня охотиться, научили выживать. Рассказали о слабостях кровососущих тварей. Мы охотились на убийцу Ингрид, но тварь почувствовала опасность и сбежала. Охотники уехали. Со мной остался лишь один — Мендл Рюге. Мы были с ним вместе почти семь лет. Колесили по стране, собирали информацию, выслеживали тварей... Знаешь, твари всегда держатся в черте больших городов. Так им проще. Здесь люди пропадают каждый день. Сюда каждый день приезжают новые люди. Никому нет ни до кого дела. Никто никого не замечает.

Полиция безмолвствует... Я видела в одном из номеров дешевой ночлежки машину, чтобы выкачивать из человека кровь. Обескровленные тела находят на свалках. Иногда власти думают, что это нападения животных, иногда вообще не желают говорить об этом. Рюге рассказал мне о барах, где собираются твари. Говорят, этими барами управляют обычные люди. Они зарабатывают на этом деньги. Продают мужчин и женщин. Такие бары есть в Нью-Йорке, Аризоне, даже здесь, в Чикаго... — Лора замолчала, пытливо заглядывая Ричарду в глаза. — Скажи, твой друг ничего не рассказывал тебе о подобных местах? — Она увидела, как Ричард покачал головой, и тяжело вздохнула, затем вяло и как-то отстраненно и монотонно начала рассказывать о том, как твари забрали жизнь Менделя Рюге. — Я видела лишь его тело в морге, но думаю, он почти добрался до их бара... — Пелена воспоминаний застлала ее глаза.

— Ты втянулась во все это, верно? — подметил Ричард.

— Может быть... — пожала плечами Лора. — Но разве в этом нет смысла?

— Я не знаю... — Ричард закурил, жалея, что в номере нет мини-бара, чтобы можно было выпить.

— Ты тоже втянешься, — сказала Лора.

— Я?

— Почему бы и нет? К тому же у тебя уже есть преимущество. В твоей крови вирус. У Рюге этого вируса не было. Это делает охотника слабым. Мы же с тобой сильные.

Ричард не ответил.

— Мы оба с тобой инфицированы, а это значит, что если будет желание, то можем стать не только партнерами. — Лора тронула его за плечо. — Когда ты в последний раз был с женщиной?

— Ты говоришь о сексе?

— Да.

— Тогда не помню.

— Я тоже не помню. Охота занимает всю жизнь, к тому же редко удается встретить инфицированных, чье тело не изменил вирус.

— Есть много средств защиты.

— Я не готова к такому риску.

— Я, если честно, тоже.

Они пробыли в городе еще пару недель, затем отправились на восток. Десятки городов, тысячи лиц. Иногда с Лорой связывались другие охотники и просили помощи. За последующий год Ричард трижды нападал на след тварей, видел оставленные ими обескровленные тела. Но никогда Ричард не сталкивался с ними лицом к лицу.

Лишь к концу второго года его новой жизни судьба привела их с Лорой в отель, где подобная его бывшему другу Бронсону тварь выкачи-

вала из своих жертв кровь. Не было времени ждать помощи, поэтому Ричардс и Лора сделали все сами. Тварь была старой, но охотники не боялись умереть. Молодая девушка была привязана к кровати. Машина выкачивала из нее кровь. Во время схватки разбились резервуары для сбора крови, и моторы выбрасывали рубиновые струи в воздух, забрызгивали стены. Тварь заискрилась, показались зубы-иглы.

— Как только мой вирус замедлит это исчадье ада, убей ее, — сказала Лора и, прежде чем Ричардс понял, что происходит, бросилась на искрящегося уродца, в котором с трудом угадывались человеческие черты.

Тварь вцепилась ей в плечо, вырвала кусок плоти и отбросила Лору к стене. Ричардс не двигался. В руках у него было мачете, но сейчас ему казалось, что этого будет мало. Тварь зарычала, шагнула к нему. Но инфицированная кровь Лоры уже попала в его организм, замедлила рефлексы. Ричардс ударил монстра мачете. Сталь разрубила кости и застряла в плече. Тварь зарычала, вырвалась, выпрыгнула в окно и побежала прочь.

Что-то дикое, почти животное вспыхнуло в голове Ричардса. Он был охотником, хищником. Бежать в ночь, преследовать монстра. Вирус и потеря крови забрали остатки сил. Когда Ричардс догнал ее, тварь уже не бежала, она ползла, пытаясь спастись. Ричардс шел за ней следом и монотонно наносил удары, пока тварь не затихла, затем отрубил ей голову.

Земля была мягкой, и Ричардс без особого труда вырыл неглубокую могилу с помощью своего окровавленного мачете, сбросил туда разрубленную тварь. Ночь была темной, и ему долго не удавалось найти затерявшийся среди дорог отель.

Когда, ближе к утру, Ричардс наконец-то вернулся, то девушка, из которой тварь выкачивала кровь, была уже мертва. Никто не выключил машины, и кровь девушки покрывала все стены. Лора лежала на полу. Рана на плече, которую оставили зубы твари, была глубокой, обнажая белую кость. Ричардс отвез Лору в больницу и сказал, что нашел ее на краю дороги. Врачи решили, что это было нападение диких животных.

— Ты сумасшедшая, — сказал Ричардс, когда два дня спустя Лора вышла из больницы. Вернее, не вышла, а сбежала.

— Тварь мертва? — спросила она, все еще с трудом соображая от большого количества обезболивающих. — Ты добрался до твари?

— Да. Добрался.

— А тело?

— Закопал.

— Молодец. — Лора хотела еще что-то сказать, но ноги подогнулись. Ричардс успел поймать ее, усадил в машину.

Спустя два дня у нее началась лихорадка, но снова отправляясь в больницу Лора наотрез отказалась. Пришлось искать частного врача,

который не задавал лишних вопросов. Его услуги стоили недешево, и Ричардс так и не понял, откуда пришел чек. Не знал он и кто оплачивает все их поездки по стране. Не знала и Лора, с которой у Ричардса завя-зался роман на третьем году их совместной работы.

Спустя еще год у них родилась дочь, которую Лора решила назвать Майан. Это имя означало весну или оазис. Ричардсу не нравилось само имя, но против его значений он ничего не имел, зачастую называя девочку либо Весна, либо Оазис, вместо Майан. Лора не возражала.

Почти четыре года они колесили по стране втроем, продолжая выслеживать тварей, затем Лора решила, что лучше будет отдать девочку на воспитание друзьям, которые знали об охотниках и не задавали лишних вопросов. У них был большой дом не первой свежести в Луизиане, где бегало, кроме Майан, еще семь малышей. Приютившая их семья была не молодой, но и не старой. На глаз Ричардс так и не смог определить возраст Оры и Рона Нойман, а чтобы спросить не подвернулось подходящего случая. Майан долго не хотела оставаться одна, но спустя две недели, подружившись с другими детьми, приняла расставание с каким-то взрослым пониманием.

— Скоро здесь будет еще больше детей, — ворковали Нойманы. — Намного больше.

Их обещание оказалось не пустыми словами, и когда Ричардс и Лора приехали полгода спустя навестить свою дочь, детей действительно стало больше. Появились еще два мальчика, а год спустя светловолосая, словно ангел девочка, по имени Адина. Она была младше Майан на два года, но девочки стали подругами. Иногда Ричардсу казалось, что Лоре, которая приезжала навестить дочь, больше нравилось наблюдать за тем, как Майан и Адина играют друг с другом, чем быть вместе с Майан. Но вскоре Ричардсу и саму стало нравиться находиться в стороне и наблюдать. Что-то в этих детских играх было по-настоящему чистое, вселяющее надежду. Это чувство позволяло забыться, выбросить из головы мрачный, залитый кровью мир.

Никогда ни Лора, ни Ричардс не пытались узнать, кто оплачивает содержание дома Нойманов в Луизиане, кто оплачивает расходы охотников, помогает им выслеживать тварей, сообщает о странных исчезновениях людей. Иногда кто-то просто звонил и говорил, куда нужно ехать. Иногда приходили письма с подробными инструкциями. Иногда охотников устраивали на работу, чтобы иметь возможность ближе подобраться к организаторам баров для кровососущих тварей. Определенно, за всем этим стояла какая-то сила, но никто никогда не видел тех, кто находится у руля. Проще было принимать это, как должное, как бесплатный бонус за то, что они — охотники, делают этот мир чище, безопаснее. И не искать объяснений, не задавать вопросов.

Не было вопросов и когда полученное письмо отправило Ричардса и Лору в Нью-Йорк, в театр Саши Вайнера. Документы были уже готовы, и Ричардс без проблем устроился на работу охранником. В театре пропали несколько балерин, и ему нужно было разобраться, что происходит, сблизиться с обслуживающим персоналом, балеринами, другими охранниками. Ричардс потратил на это больше месяца, пока не подобрался к балерине по имени Джатта Ахенбах. Ей было двадцать шесть, и она была первой, кто сказал Ричардсу о том, что в театре происходит что-то странное.

— Была одна девушка. Балерина. Долли, — сказала Джатта Ахенбах. — Бездарная балерина, но... — Она настороженно и пытливо взглянула Ричардсу в глаза. — Она ухаживала за мной. Понимаешь? Не то, чтобы мне нравились женщины, но... — Что-то смущило Джатту, но отнюдь не возможность однополых отношений. — Долли не могла просто так уехать. Она бы попрощалась со мной. Я знаю. К тому же Долли не забрала даже свои вещи.

— В полиции не знают, что вещи Долли остались в театре.

— Конечно, никто ведь не сказал им об этом. — Джатта отступила на шаг назад, меряя Ричардса внимательным взглядом. — Ты ведь не просто охранник, верно?

Он молчал несколько долгих секунд, затем осторожно кивнул. Говорить о том, кто он на самом деле, не имело смысла, поэтому Ричардс спешно придумал себе новую легенду о младшей сестре по имени Табита Корри, которая приехала в Нью-Йорк, чтобы работать с Сашей Вайнера. И когда сестра пропала, он решил найти ее, узнать, что с ней случилось.

Табита была второй девушкой, которая пропала в этом театре, и Джатта долго говорила о том, что у нее был талант, который дремал где-то в этой юной девушке. Ричардс слушал, изображая интерес, стараясь говорить как можно меньше, чтобы не раскрыть свой обман случайной ошибкой. Потом Джатта неожиданно предложила встретиться вечером и поужинать. Она сделала это так небрежно, что Ричардс и не подумал о том, что может оказаться свиданием. Всего лишь деловая встреча.

Не думала об этом и Джатта. Не хотела думать, не хотела признаваться даже самой себе. Но что-то в Ричардсе было волнительное. Возможно, его армейская выпрека. Взгляд прямой, твердый. В глазах пустыни — сухая, знойная. Кажется, еще немного — и можно ощутить этот жар, почувствовать сухой ветер, раскаленный песок под ногами. Руки сильные, крепкие. Черты лица грубые, словно вырубленные из камня. Узкие губы поджаты. Стрижка по-армейски короткая. И еще запах. Запах пустыни, которая поселилась у него в глазах. Джатта не могла забыть этот запах, этот взгляд. Она снова и снова вспоминала его сестру и думала, что если бы Табита имела хоть часть обаяния своего брата, то в нее влюбился бы весь театр. Все мужчины. Все женщины. Но Табита

была просто бездарной балериной. Джатта упрекала себя, что не сказала об этом Ричардсу напрямую. Он бы понял. Не нужно было врать. Такой мужчина не заслужил подобного.

За ужином Джатта поймала себя на мысли, что Ричардс напоминает ей Сашу Вайнера. Только в его взгляде не было пустоты. В той пустыне, что поселилась у него в глазах, была жизнь. В пустыне, которая жила в глазах Саши Вайнера, жизни не было. Джатта хотела сказать Ричардсу об этом. Хотела намекнуть, что он симпатичен ей. Объяснить, что женщины интересуют ее не меньше мужчин. Вернее, не так. Ей интересны не мужчины и не женщины. Ей интересны сами люди. А вся жизнь — это всего лишь череда проб и ошибок. Разве у него, у Ричардса, это не так? Но Джатта ничего подобного не сказала. Наоборот. Держалась подчеркнуто вежливо, отстраненно. Держалась точно так же, как это было с Сашей Вайнера, когда Джатта только приехала в этот город, только оказалась в этом театре. Никогда бы Джатта не подумала, что Саша Вайнер имеет отношение к исчезновению девушки. Нет. Только не Саша. Только не старая ведьма, как называли ее молодые балерины, которых она иногда оставляла у себя на ночь. Когда-то Джатта Ахенбах тоже была молодой. Когда-то она тоже называла Сашу Вайнера старой ведьмой. Сейчас, после нескольких встреч с Ричардсом, Джатта набралась смелости и спросила Сашу о пропавших девушках.

— Я думала, они просто сбежали, — сказала Старая Ведьма, изображая удивление. — Ты ведь знаешь, они же были просто ужасны. Ни одной настоящей балерины. Только глупые надежды. Я всегда им говорила об этом.

— А как же их вещи? — спросила Джатта Ахенбах.

— Вещи?

— Долли Лореу. Она оставила у меня украшения и одежду.

— Ах, Долли... — Саша Вайнера мечтательно прикрыла глаза. — Знаешь, Долли была очень похожа на тебя. Особенно в постели. Только, в отличие от нее, у тебя был талант.

— Я говорю сейчас не о постели и таланте. Я говорю о том, что она уехала, оставив свои вещи.

— Может быть, это был ее подарок тебе? Любовники иногда, знаешь ли, бывают очень сентиментальны. — Старая Ведьма улыбнулась, увидев, как вспыхнули щеки Джатты Ахенбах.

— Думаешь, у нас с ней будут проблемы? — спросил Сашу Вайнера Клодиу, когда Джатта ушла.

— Вряд ли. Это просто ревнивая кошка, — сказала Саша Вайнера.

Когда Клодиу пришел к ней в театр, она была напугана, подавлена. В те первые дни ей казалось, что прошлое догнало ее. Догнала та ночь, которую она провела с Клодиу, провела с монстром, чудовищем. Ночь,

которая изменила всю ее жизнь. Теперь эта ночь вернулась и стояла перед ней, наваливалась на нее тяжестью воспоминаний.

— Почему ты здесь? — спросила Саша Вайнер Клодиу. — Почему я?

— Ты особенная, — сказал он. — Когда я вижу тебя, мне хочется жить.

— Хотела бы я сказать то же самое о тебе, но после той ночи я думала лишь о смерти.

— Я подарил тебе вечность. Разве моя кровь не помогла тебе забыться? Не помогла сохранить свою жизнь, свои таланты? К тому же если тебе станет от этого легче, я уже давно раскаялся, что провел тогда с тобой ночь.

— Раскаялся? — в глазах Саши Вайнер вспыхнул огонь. — Никогда не говори женщине, что сожалеешь о проведенной с ней ночи.

— Хорошо. Не буду.

Они замолчали. Саша Вайнер долго вглядывалась ему в глаза, затем вдруг поняла, что не испытывает к этому существу ненависти. Ненависть умерла, осталась где-то в прошлом веке, на сцене. Сейчас Саша Вайнер больше не выступала. У нее началась новая жизнь, появились новые взгляды.

— Думаю, мне нужно выпить, — сказала Саша Вайнер, и уже позже, когда от скотча начала кружиться голова, сказала Клодиу, что должна услышать историю его жизни.

— Это очень долгий путь.

— Плевать. Я должна знать. Рассказывай или уходи, — сказала она.

Они заперлись в ее комнате. Саша Вайнер отставила стакан, решив, что должна быть трезвой, чтобы понять. Ближе к утру она уснула. Клодиу не двигался, просто сидел рядом и смотрел, как вздрагивают во сне ее веки. Иногда Саша улыбалась, иногда начинала что-то тихо бормотать. Когда она проснулась, на одно короткое мгновение ей показалось, что вся прошлая ночь была сном. Но затем она увидела Клодиу, тихо выругалась.

— Все еще хочешь, чтобы я ушел? — спросил Клодиу.

— А ты уйдешь, если я попрошу?

— Да.

— Тогда нет.

Саша взяла у него немного крови, разбавила с бренди и выпила. Мир ожил, заискрился.

— А ты разве не хочешь немного? — спросила Саша Клодиу и сказала, что не возражает, если он укусит ее.

— Мы не пьем тех, в ком течет наша кровь.

— Может, тогда Гаяне? — Саша позвала свою любовницу.

Клодиу предупредил, что не хочет манипулировать человеческим сознанием, но Саша заверила его, что договорится обо всем. Она разговаривала с Гаяне почти час, затем девушка встретилась с Клодиу и

позволила ему прокусить свою шею. Она дрожала от страха, но в глазах было смирение и любовь к Саше Вайннер.

В последующий месяц Клодиу питался этой молодой армянкой шесть раз. Иногда он оставался в комнате Саши Вайннер и наблюдал за ее играми с Гаяне. Для него это был не секс. Нет. Для него это была еще одна сцена, на которой королевой выступления была Саша Вайннер. После, когда молодая армянка засыпала, Саша Вайннер вела Клодиу на прогулку по ночному Бродвею. Они разговаривали о театре, о женщинах, которые были у Саши Вайннер, о мужчинах, которых у нее не было после той ночи, которую она провела с Клодиу.

— Самое забавное, что мне до сих пор не нравятся женщины, — говорила она. — Даже больше — я ненавижу их. Завидую. Особенно тем, кто лишь играет в эту однополую любовь. Понимаешь? — Она заглядывала Клодиу в глаза и требовала ответа. Потом они возвращались в ее апартаменты, расположенные в театре, где их ждала Гаяне. Ждала женщина для Саши Вайннер и обед для Клодиу. — Ты знаешь, у этой девочки никогда не было настоящего мужчины, — говорила Саша Клодиу. Сытые и удовлетворенные, они стояли возле кровати, на которой спала Гаяне, и смотрели на нее, словно боги, которые смотрят на детей своих. — Я забрала ее невинность. Забрала ее любовь, — говорила Саша Вайннер. — Нет. Я не люблю ее. Но я чувствую ответственность за ее жизнь, ее судьбу. — Она говорила это, потому что с каждой новой неделей сил у Гаяне оставалось все меньше, сил, которые забирал у нее Клодиу. — Я найду тебе другую жертву, — сказала Саша Вайннер. — Кого-нибудь бездарного, не имеющего для меня ценности.

Так Клодиу начал пытаться кровью молодых балерин. Он не хотел забирать их жизнь, но еще меньше он хотел забираться в их мысли, чтобы стереть воспоминания.

— Ну и черт с ними, — говорила Саша Вайннер. — Все равно из них не выйдет ничего стоящего.

Она договаривалась с ними о встрече. Снимала комнату в какой-нибудь ночлежке, где их ждал Клодиу, обещала ведущие роли, говорила о перспективах. Вначале она старалась не думать о том, что с ними происходит, но очень скоро поняла, что ей плевать. Жизнь была слишком долгой, чтобы цепляться за нее, ценить. Это всего лишь неизбежность. Словно секс, который, чем больше ты им занимаешься, тем менее важен, менее эмоционален.

— Думаю, они даже похожи, — сказала Саша Вайннер Клодиу. — Секс и смерть. Смерть и секс. Они волнительны, пока ты не привыкнешь к ним. А потом... Потом тебе плевать. Потом ничто уже не может тебя удивить. — Саша мрачнела, взгляд ее уносился в прошлое. Она вспоминала всех тех, кого она когда-то любила. Но все они умерли. Вспомина-

ла своих мужчин. Своих женщин. — Бедная Гаяне, — тяжело вздыхала она. — Если бы эта девочка узнала меня, когда я только учились любить женщин... Тогда во мне была нежность. Сейчас же остался лишь секс... Грубый, примитивный секс. — Она мрачнела, просила у Клодиу еще его крови. Он никогда не возражал.

Они засыпали на кровати втроем — Гаяне, Клодиу, Саша Вайнэр. Засыпали в комнате, пропитанной запахами секса и дорогого вина, в окружении разнообразных сексуальных игрушек, которыми пользовалась Саша Вайнэр, чтобы выжимать оргазм из тел своих любовниц. Бывших, настоящих, будущих... Когда Саша Вайнэр узнала, что Марджолайн Лаффитт — постаревшая и потерявшая сочность француженка, на смену которой пришла Гаяне, — предала ее, рассказав Максу Бонеру и Мэйдд Нойдеккер о тайне Саши, она сказала Клодиу, что эта француженка станет его следующей жертвой.

— Все просто решат, что она уехала, вернулась к себе на родину, — сказала Саша Вайнэр.

Она договорилась с бывшей любовницей о встрече в Бруклине, сказала, что им нужно поговорить, что это очень важно. Марджолайн была удивлена и взволнована.

— Может быть, она наконец-то решила избавиться от своей армянки? — сказала она Джатте Ахенбах, прося помочи в выборе платья. Марджолайн вертелась перед зеркалом, словно вернулась в годы своей молодости, и говорила, говорила, говорила...

Джатта выпытала у нее адрес отеля в Бруклине, и как только Марджолайн Лаффитт уехала, отправилась к Ричардсу.

— Что-то здесь не так, — сказала она. — Старая Ведьма ненавидит ее уже долгие годы, не скрывая того, что мечтает о дне, когда француженка уберется к себе на родину. А тут вдруг свидание? Нет. Не верю. Да и не в духе это Старой Ведьмы — встречаться в ночлежках, черт знает где.

На машине Ричардса они отправились в Бруклин, отыскали дешевый отель. Саша Вайнэр опоздала почти на час. Ее небесно-голубой кабриолет с поднятой крышей остановился рядом с ржавым пикапом. Из возмутительно дорогой для этого места машины вышла Саша Вайнэр. Клодиу ждал ее в отеле, в номере, который она назвала своей бывшей любовницей. Сейчас, поднимаясь в номер, она знала, что Лаффитт больше нет. Так долго она ждала этого дня. Это должно было означать свободу. Свободу в настоящем. Свободу от прошлого. Но вместо свободы была лишь пустота.

— Ты закончил? — спросила она Клодиу, когда он открыл ей дверь. Взгляд зацепился за черное пятно на старом, протертом ковре. — Это то, что я думаю?

— Я же обещал, что избавлюсь от тела, — сказал Клодиу.

Саша Вайннер кивнула. Она так и не вошла в номер, продолжая стоять на пороге. Затем они покинули отель, забрались в крохотный кабриолет и умчались в ночь.

— Думаешь, Марджолайн мертва? — спросила Джатта Ахенбах Ричардса.

Он не ответил, вышел из машины. Дверь в номер, где остановилась француженка, была закрыта, но управляющий, после того, как Ричардс заплатил ему, согласился дать ключ. Когда Ричардс вошел в номер, управляющий стоял за его спиной. В комнате клубился удручающий запах гнили. Черная густая слизь засыхала на ковре.

— Какого черта они тут делали? — растерялся управляющий, назвал тех, кто здесь был, извращенцами и долго сокрушался по поводу старого ковра.

Ричардс не слушал его. «Что-то не так. Что-то определенно не так», — думал он, расхаживая по комнате. За последние годы Ричардс видел много отелей, где собирали свою жатву кровососущие твари. Иногда ему начинало казаться, что он научился отличать этих тварей, выделять их в толпе. Но здесь все было не так. Ричардс мог поклясться, что Саша Вайннер не убийца. В ее глазах была смерть, но на руках не было крови. Такой же взгляд можно встретить у тех, кто потерял за свою жизнь слишком много близких людей. Все умирают, смерть повсюду. И рано или поздно, эта смерть появляется у них в глазах. Но они не убийцы. Нет. С убийцами все было иначе. Еще в армии Ричардс видел тех, кто уже знал вкус чужой смерти, забирал чужие жизни. У тварей, за которыми он охотился сейчас, в глазах было нечто подобное. Но только не у Саши Вайннер. И не у ее странного друга, который поджидал Марджолайн Лаффитт в номере отеля. Он был другим. Словно и не человек, но и не тварь. Нечто. Еще в театре, когда Ричардс встретился с ним, ему показалось, что с этим мужчиной что-то не так.

— Они убили ее, да? — спросила Джатта Ахенбах, когда он вернулся в машину.

— Я не видел тела, только ее вещи.

— И что это значит?

— Я не знаю, — честно признался Ричардс.

— Может, сообщить в полицию?

— И что мы им скажем? — Ричардс заглянул Джатте в глаза. Она смутилась, пожала плечами...

Когда они остановились у театра, Джатта долго сидела в машине, не решаясь вернуться в театр. Страх смешивался с растерянностью, приковывал к креслу. Как теперь смотреть Саше Вайннер в глаза? Как встретиться с этой женщиной, быть рядом с ней? Нечто подобное Джатта чувствовала много лет назад, когда провела с Сашей первую и послед-

нюю ночь. Тогда она была молодой и неопытной. Тогда она хотела превалиться на утро сквозь землю. И мир тогда тоже вздрогнул, изменился. Как изменился сейчас. Конечно, Джатта подозревала Сашу Вайнера, но до последнего надеялась, что подозрения не оправдаются. Старая Ведьма удивит ее. Удивит сейчас, как удивила много лет назад. И все эти убийства будут тем же, чем были для молодой Джатты слухи о том, что Старая Ведьма предпочитает молодых девушек.

Когда Джатта только узнала об этом, ей показалось, что выбор Саши Вайнера — это просто чья-то шутка. Но потом слухи окрепли. В те далекие годы Джатта смотрела на Старую Ведьму и пыталась представить себе, как эта увядшая звезда балета целует молодых девушек, ласкает их. Сейчас, до поездки в отель, где пропала Марджолайн Лаффитт, Джатта тоже пыталась себе представить, как Старая Ведьма убивает молодых балерин. Но все это было фантазией, разыгравшимся воображением, не больше. Подсознательно Джатта надеялась, что в действительности все окажется совсем не так. Не важно, какой будет правда, но Саша Вайнера удивит ее. Удивит снова. Может быть, слухи и догадки окажутся правдой, но ни одна фантазия не сбудется. Как в ту далекую ночь.

Молодая балерина ждет поцелуев взрослой женщины. Но поцелуев нет. Ждет разговоров, нежности, игр и ласк. Но и этого нет. Балерина играет, балерина хочет, чтобы ее уговаривали. Хочет, чтобы Старая Ведьма просила ее о близости, умоляла. А она, балерина, отказывает. Снова и снова. Лишь приходит в ее спальню, чтобы взбудоражить воображение, играет предвкушением. Играет со Старой Ведьмой. Играет с собой. Играет неловко, неумело, но верит, что опыт придет в процессе. Она даже не уверена, что позволит Старой Ведьме поцеловать себя. Это игра, флирт. Ведь именно об этом шепчутся за кулисами. Так пусть будет вино и томные взгляды — это ни к чему ее не обяжет. А если Старая Ведьма увлечется молодой балериной, то это можно будет использовать. Хорошие роли, своя гримерка... И пусть Старая Ведьма просит сколько угодно. Джатта уступит, только если ей самой этого захочется... Но Старая Ведьма удивляет ее. Прелюдии нет. Игры нет. Намеков нет. Все просто и предельно ясно. Все сухо и безразлично.

— Ты ведь понимаешь, зачем мы едем ко мне? — спрашивает Старая Ведьма.

— Я знаю, что вам нравятся женщины, — говорит Джатта.

— А тебе?

— Еще не поняла.

— Сколько у тебя было женщин?

— Пока ни одной.

— А мужчины?

— Как и у всех.

— Понятно, — Старая Ведьма улыбается. Они едут на машине с открытым верхом в ее дом. Ни поцелуев, ни разговоров. Джатта растеряна, сбита с толку. — Можешь не одеваться после того, как примешь душ, — говорит Старая Ведьма, объясняет, как пройти в ванную. Джатте вдруг начинает казаться, что если она сейчас откажется, то о балете можно забыть. Остается надеяться, что предстоящая ночь не разочарует ее. — Я же не велела тебе одеваться, — говорит Старая Ведьма, когда молодая Джатта возвращается из душа. Свою одежду она держит в руках, на плечах накинут халат, который висел в ванной. — Сними его, — говорит Старая Ведьма.

— Сниму, но разве вам не нужно тоже в душ? — спрашивает Джатта.

— О, не волнуйся обо мне, — улыбается Старая Ведьма. Она отводит Джатту в спальню и показывает свою большую коллекцию страпонов. — Выбери, какой тебе нравится больше.

— Ну, я не знаю… — Джатта краснеет. Ей хочется верить, что все это какая-то странная лесбийская игра. Она уже согласна на поцелуи, согласна на ласки и нежность. Только пусть это будет не так механически, не так сухо, с налетом враждебного пренебрежения. И еще эта чертова коллекция страпона! — Если честно, то я вообще не умею пользоваться этим, — говорит Джатта.

— А ты и не будешь этим пользоваться, — говорит Старая Ведьма. — Этим буду пользоваться я.

И никаких поцелуев. Никаких оральных игр. Просто секс с женской, которая изображает из себя мужчину. Всю эту долгую ночь. Снова и снова. Выжимая из партнера пот и оргазмы. Больше и больше. Пока ее собственное, напряженное до предела тело не вспыхивает в экстазе, бьется, словно пойманная в клетку птица. Ближе к утру. Внезапно. Подобно раскату грома среди ясного неба. Когда не ждешь этого. Не думаешь об этом, не веришь, что такое возможно.

— Я приму душ, а когда вернусь, надеюсь, что тебя уже здесь не будет, — говорит Старая Ведьма.

Балерина одевается. Ноги дрожат, все тело болит, особенно внизу. Больше месяца она стыдится этой ночи, чувствуя себя униженной, изнасилованной. Но после стыда притупляется. Остаются память, опыт и понимание, что в жизни многое бывает совсем не тем, чем кажется вначале.

Сейчас Джатте Ахенбах казалось, что если она поговорит с Сашей Вайннер о пропавших балеринах, о Марджолайн Лаффитт, то все окажется тоже не тем, чем кажется. Объяснение найдется. Неочевидное, возможно сложное и требующее времени для понимания, но найдется. Все является не тем, чем кажется. Не может быть тем, чем кажется.

Джатта позвонила Брэду Ричардсу и сказала, что поговорит с Сашей Вайннер. Обязана поговорить. Она прервала связь раньше, чем он успел возразить ей, попытаться отговорить от этой идеи.

— Думаешь, они убьют ее? — спросила Лора. Ричардс не ответил, но ответ и так был очевиден, висел в наэлектризованном воздухе ожиданием бури. — Ты должен остановить ее, — сказала Ричардсу Лора, но он уже и так одевался, выходил из квартиры, в которой они остановились.

Хлопнула входная дверь. Лора слышала, как грохочут по ступеням шаги Ричардса. Крохотная квартира в Бруклине, где жили охотники, когда приезжали в Нью-Йорк, снова опустела. Лора и Ричардс были здесь уже как-то раз, во время охоты на одну из тварей пару лет назад. Но сейчас что-то было не так. Лора буквально чувствовала это. Что-то странное, необычное. Весь этот театр. Все эти исчезновения. Ей хотелось действовать, помочь Ричардсу — отцу своего ребенка, а не сидеть и ждать. Особенно теперь, когда ситуации накалилась, достигла своего апогея.

До позднего вечера Лора Оливер не могла найти себе места. Потом наступила бессонная ночь, утро, следующий день и следующий вечер... «Что-то случилось. Что-то нехорошее, страшное», — думала Лора. Она оделась и отправилась на Бродвей, к театру Саши Вайнера. Машины Ричардса не было на стоянке. Никто не знал, где он. Ричардс пропал, исчез. Исчезла и Джатта Ахенбах, с которой тщетно пыталась встретиться Лора. Ей сказали, что балерина уехала. Один из работников театра предположил, что у них с Ричардсом был роман, и они могли сбежать вместе. Лора не поверила. Больше двух недель она обзванивала морги города, надеясь хотя бы там отыскать Ричардса, но он, скорее всего, превратился в такую же лужу зловонной жижи, как та, что осталась от француженки Марджолайн Лаффитт. После того случая Ричардс и Лора обзвонили всех знакомых охотников, но никто никогда не сталкивался ни с чем подобным.

«Значит, помохи ждать неоткуда», — решила Лора, заставляя себя смириться с утратой Ричардса. Нужно было собраться. Нужно было решить, что она теперь будет делать. Ведь она знает, кто виновен в этой утрате — Саша Вайнэр и странный мужчина, который повсюду появляется с ней. Но кто из них кровососущая тварь? Чью жизнь должна забрать Лора? Обоих? А что если один из них нечто большее, чем она встречала прежде? Да и будет ли для нее, для Лоры, достаточно забрать их жизни? Удовлетворит ли это жажду мести? Нет. Десятки раз нет. Сначала твари забрали ее отца. Теперь пришли за ее возлюбленным. Ни одна смерть не уравняет эту боль потери. «Я сожгу их театр, — решила Лора. — Сожгу этот дьявольский дом, где поселилось зло. Заберу у них сначала убежище, а затем, последовав за ними и насладившись их красотом, заберу жизни. Жизнь Саши Вайнэр. Жизнь Клодиу... Кем бы он ни был. Кем бы они все ни были».

Глава шестая

Илир наблюдал за Клодиу уже больше недели. Врожденная ненависть к древним привела его к театру Саши Вайнера, ненависть, с которой было крайне сложно бороться, но в Нью-Йорке он оказался из-за своих диких собратьев, безумных, голодных. В последние годы выселять их становилось все сложнее и сложнее.

Они не пытались слиться с толпой, не искали себе теплый угол. Им нужна была лишь кровь. Много крови. Дети Наследия, отцом которого стал далекий предок Эмилиан. Он был первым. Первым разумным. Потом были десятки неудачных экспериментов. Последствия этих экспериментов Разумное Наследие не может исправить до сих пор. Стоит избавиться от одних безумцев, как, словно из небытия, появляются другие. Они селятся в канализациях больших городов, питаются бездомными. В них нет разума. Только инстинкты. Только голод. Они жаждут пищи, жаждут секса. Они насилиуют женщин, которых встречают. Нет, они не думают о своем потомстве. Не знают, насколько сильным оно может быть. Их интересует только удовлетворение собственных инстинктов.

Однажды Илир сам видел, как, оплодотворив бездомную женщину, эти твари, не найдя новой крови, сожрали потенциальную мать своего потомства. Им было плевать. Ради еды они могут убить друг друга. Именно поэтому гнезда, которые они устраивают, не существуют долго. Безумное Наследие убивает друг друга. Илир видел это в лабораториях, когда был молод. Видел на улицах городов, когда стал достаточно стар. Их предки жили от начала времен, не зная смерти. Предки, кровь одного из которых позволила их Матери создать Эмилиана. Но природа сыграла с клоном злую шутку. Вместо вечности она подарила ему мгновение.

Эмилиан родился, вырос и умер за один год. Илир посещал его могилу. Посещал вместе с Матерью — женщиной, которая дала жизнь Эмилиану, клонировав его, а затем выкорамила своей кровью, привив свои ценности. Так появился первый из Наследия. Он вырос за пару месяцев и покинул Мать — женщину-генетику по имени Габриэла Хадсон.

Эмилиан собирался стать древним, завести себе слуг, начать свою собственную жизнь, влиться истоком в реку вечности, но... Но Эмилиан продолжил стареть. Стареть так же быстро, как и рос. Его слуги угасали подобно свечам. Принимали его кровь и превращались в старцев. Ему пришлось отказаться от них, а после от врожденной ненависти к древним.

Дряхлым стариком он вернулся к Матери, Габриэле Хадсон. Вместе они создали Наследие. Такой была история. Но Илир слышал и другую версию. Версию, в которой Эмилиан прошел долгий путь, прежде чем обрел мудрость. Древний, чья кровь дала жизнь Эмилиану, охотился за своим клоном, поэтому Габриэла увезла новорожденного ребенка, спрятала. Но Эмилиан родился не один. У него были братья, которые убили друг друга будучи еще младенцами. Эмилиан уцелел лишь потому, что оказался самым сильным, смог победить своих братьев. Он убил их так же, как сейчас дикое племя Наследия продолжает убивать друг друга. В свои первые дни жизни он ничем не отличался от дикой поросли. Илир слышал, что Эмилиан в молодости мечтал лишь об одном — быстрее вырасти и убить древнего, чья кровь дала ему жизнь. Убить и занять его место.

Чтобы набраться сил, Эмилиан осушил многих людей, хотел убить Габриэлу Хадсон, Мать, когда узнал, что она ждет ребенка, который появился после того, как Эмилиан изнасиловал ее. Он знал, что ребенок будет силен, безумен. Он оставил Мать и послал свою слугу убить ее. Но Габриэла выжила, потеряв ребенка. И пока Эмилиан нес смерть и безумие миру, она создавала его братьев — новых клонов, которые будут ненавидеть его, которые смогут убить его. Именно они сейчас наполняют мир. Именно на них Наследие Эмилиана тратит все силы. Но они так же живучи, как и тараканы. И начало им дала Мать. Начало им дало предательство Эмилиана. Или не предательство? Всего лишь его природа...

Когда Илир был молод, он не верил в эти истории. Они были страшной сказкой, не более. Но сейчас, когда со дня рождения прошел уже почти год, и жизнь его стояла на обрыве, за которым не будет ничего кроме смерти, Илир уже не сомневался, он знал, что в действительности все было совсем не так, как говорили ему в детстве. Тем более дикие собратья рождаются и до сих пор. Он видел это в лаборатории. Но в лаборатории, их жизни забирают слишком быстро, не позволяя окрепнуть и освободиться. Так как же тогда они смогли выбраться? Значит, страшные истории оказались правдой. Значит, этих монстров создала Мать, чтобы они забрали жизнь Эмилиана. Она мстила ему за предательство.

Но урожай этого наследия оказался лишь сорной травой, которая с каждым новым посевом становилась все слабее. Тем более Эмилиан открыл на них охоту раньше, чем они смогли окрепнуть. Ноброшенное в землю семя уже дало плоды, и птицы, склевав их, разнесли по миру.

Они вырождались, уже давно не напоминая ни древних, ни таких, как Эмилиан. Единственное, что оставалось у них общего — скоротечность жизни. Возможно именно поэтому их природа смогла адаптироваться так быстро. Сила перворожденного, та самая сила, которой когда-то давно испугался Эмилиан, разделилась, давая возможность появиться на свет целому гнезду. Двадцать долгих лет, двадцать поколений Наследие Эмилиана охотилось на этих монстров, но их, казалось, становилось лишь больше и больше. И если в начале Эмилиан планировал покончить с безумным Наследием, а затем добраться до древних, то сейчас о древних некогда было и думать.

Лишь иногда инстинкт приводил к их домам или позволял выпытывать места, где они прячутся, у их слуг. Но война, которую начал Эмилиан убийством нескольких древних, затянулась, превратилась из молниеносной в позиционную. Теперь все силы Мыслящего Наследия тратились на содержание лаборатории по клонированию, где они рождались, и охоту на Дикое Наследие. Но как бы там ни было, мир этот был молод. Их мир, который в Наследии исчислялся со дня рождения Эмилиана.

«Но охоту на древних никто не отменял», — думал Илир, продолжая следить за театром Саши Вайнера. Иногда безумие подбиралось к нему достаточно близко, и он с трудом сдерживался, чтобы не пустить кровь случайному прохожему. Инстинкты были сильны, и вдали от центра, где находилась Мать, контролировать природу становилось крайне сложно. Чтобы побороть инстинкты, Илир заставлял себя думать о Габриэле Хадсон, думать о женщине, которая дала жизнь всему Наследию, о женщине, которая жила еще в те времена, когда со своими инстинктами боролся первенец Наследия — Эмилиан. Илир вспоминал, как вместе с ней он посещал могилу Эмилиана, надгробие которой было украшено мраморной статуей пробуждающейся ото сна женщины. Габриэла говорила, что это точная копия созданной известным скульптором пять столетий назад статуи под названием «Утро».

— Скажи, разве она не похожа на вас? — спрашивала она Илира. — Посмотри, подобно утренней заре она просыпается оточных грез. Чертвы ее лица полны страданий, а молодое тело изгибается, словно от внутренней боли.

После Илир часто приходил к надгробию предка, но уже не ради почтения и памяти. Приходил только лишь для того, чтобы увидеть эту статую, понять ее, заглянуть за границы камня и постичь смысл того, что сказала ему Габриэла, их Мать.

Сейчас, в Нью-Йорке, уничтожив гнездо Дикого Наследия, он приходил к театру Саши Вайнера, чтобы наблюдая за ним тоже что-то понять, заглянуть за этот холодный камень, где скрывался древний по имени Клодиу, которого он чувствовал и сквозь толстые стены. Древний, чувс-

тва и мысли которого были не похожи на его сородичей, встреченных Илиром прежде. «Может быть, — думал он, — Клодиу отличается от остальных древних так же, как Эмилиан отличался от Дикого Наследия?» Но потом он увидел охотников, которые приехали сюда, чтобы выследить и убить слугу древнего, увидел Макса Бонера и Мэйдд Нойдеккер... Особенно Мэйдд Нойдеккер.

Никогда прежде Илир не чувствовал ничего подобного. Что-то всколыхнулось в груди, потянуло его к этой женщине. Он заглянул в ее мысли. «Новые Люди» — так называл этот вид Эмилиан. Вид, который был так же молод, как Наследие. Илир видел историю Мэйдд, видел ее мысли, но притягивало его что-то другое. Что-то до боли простое и понятное. И так было до момента, пока в череде пьянящих образов и мыслей он не увидел древнего, Гэврила, которого Мэтоксы держат в подвале своего дома, не увидел Отца, которого Эмилиан хотел убить первым. Эта история была частью Наследия, частью их жизни. И вот теперь Отец был найден.

Волнение было таким сильным, что Илир несколько часов не мог двигаться, не мог думать — стоял и вспоминал, снова и снова, то, что увидел в мыслях Мэйдд Нойдеккер, в мыслях женщины, мать которой служила Гэврилу, в мыслях женщины, к которой Илир чувствовал влечение. Потом Мэйдд Нойдеккер и Макс Бонер уехали, нырнули в ночь, скрылись на старой машине Макса. Илир видел в их мыслях, что они едут в Портленд, едут туда, где могут найти нужные им ответы. Но для Илира поиск ответов был другим. Слуги древних не интересовали его.

Всю ночь он оставался на улице и смотрел на театр Саши Вайнера, словно его ответы были здесь. Но чем настойчивее Илир пытался найти ответ, тем больше появлялось новых вопросов. Вечность Древних. Мгновение Наследия. И где-то между этими крайностями — люди, чью кровь пьют Древние и Наследие. И люди, которые пьют кровь Древних. Сильные люди, совсем не похожие на своих собратьев, не похожие на слуг. Люди, в природе своей подобные Мэйдд Нойдеккер. Они казались Илиру родственными душами — такие же молодые, такие же сильные. Но как им удалось пленить древнего?

Лишь утро и солнечный свет заставили Илира оставить Бродвей и театр Саши Вайнера, скряться в своем убежище. Квартира, где он остановился, была большой. На высоких окнах закрытые жалюзи. Тишина. Илир не хотел тратить время своей короткой жизни на сон, но сон пришел за ним, забрал его в свое царство. Сон, который вместо ответов показал ему гнездо Дикого Наследия. Оплодотворенная женщина уже не кричала, уже почти не жила. Десяток гнусных тварей пожирали ее утробу, набирались сил, чтобы выбраться на свет. Илир не хотел смотреть, но сон не позволял ему уйти, не позволял пошевелиться. Глаза

женщины были открыты, и она смотрела на него, прося лишь обо одном — убить ее, прекратить эти страдания. Но он не мог. Когда женщина поняла это, по ее покрытой потом щеке скатилась одинокая слеза.

Потом дети Дикого Наследия начали выбираться из нее. Крохотные, уродливые. Они напоминали Илиру крыс, которые кишили в канализационных тоннелях, где зачастую гнездилось Дикое Наследие. Окровавленные уродцы оглядывались, принюхивались, подбирались к своей матери и, выпустив зубы-иглы, начинали пить ее кровь. А когда крови в этом теле уже не оставалось, они принимались за плоть. Рычали друг на друга, дрались за печень и сердце, которые вырвали из тела Матери. А сон не позволял Илиру закрыть глаза, чтобы не смотреть на это. Наоборот. Сон разжигал в нем интерес. Сон оживлял голод.

Илир даже не сразу понял, что стал одним из Дикого Наследия. Он зарылся лицом в брюшную полость давшей ему жизнь женщины и пытался добраться до ее почек, а потом, когда наступила недолгая сътость, он почувствовал дикое, всепоглощающее вожделение. А сон, этот дикий, кошмарный сон оживил родившую его женщину, изменил ее лицо. Илир задрожал, узнав в женщине Мэйдд Найдеккер. Желание вспыхнуло. Дикое, беспощадное. Женщина закричала, но крики лишь сильнее распалили его страсть.

Он навалился на женщину, стал тем, за кем охотился всю свою недолгую жизнь. И в этом был смысл. В этом была жизнь. И плененный Отец — Гэврил, лежал привязанный к столу и одобрительно смотрел на своего Сына Илира. И все это среди слез, криков и крови. Среди безумия, голода, страсти. Среди крыс, грязи и сточных вод, которые медленно текли по искусственным каналам канализации. Здесь. Рядом...

Илир проснулся, но россыпь чувств и эмоций еще долго преследовала его, занимала все мысли. Сон оживил тени, и теперь они клубились в самых темных углах комнаты. Голодные тени. Илир смотрел на них и не знал, сможет ли контролировать эти жуткие крупицы его самого. И тени, казалось, знали о его сомнениях, чувствовали их. Тени, жизнь которых была ограничена ночью. Утром за ними придет смерть. Илир знал, что нужно удержать их лишь в эту ночь. Но тени не хотели подчиняться. Тени подняли бунт. Густые, темные. Они покидали свои убежища и подобно голодным псам пытались наброситься на своего хозяина. И контролировать их становилось все сложнее и сложнее. И еще этот минувший сон, в котором не было ничего кроме безумия, но в этом безумии Илир находил какое-то странное успокоение. И тени чувствовали это. И чтобы победить их, нужно было сначала победить свой сон, свои чувства. Победить или быть побежденным...

Илир не заметил, как началось утро. Открыть жалюзи, впустить солнечный свет. Тени зашипели, вспыхнули, вернулись в пустоту, в кото-

рой были рождены. Но тени вернутся. Как только настанет ночь, снова вернутся. Это не победа. Это лишь перерыв в сражении.

Усталый и измученный Илир лег на кровать и закрыл глаза. Лучи солнца, проникая сквозь стекла, медленно подбирались к кровати. Илир видел это, но ничего не делал, надеясь, что боль, когда солнце доберется до него, заставит проснуться, прогонит новый кошмарный сон. О том, что будет, когда снова настанет ночь, Илир старался не думать. Лишь чувствовал сквозь сон, как день расцветает, живет и медленно угасает. Сон, превративший его прошлой ночью в представителя Дикого Наследия, на этот раз показывал мысли Мэйдд, которые удалось днем ранее увидеть Илиру. Воспоминания о детстве, о матери, о приемных родителях. «Такая долгая жизнь», — думал во сне Илир...

Когда он проснулся, теней не было. Илир вернулся к театру Саши Вайнера и наблюдал за людьми, которые стягивались на вечернее представление. Он планировал выбрать себе жертву в эту ночь. Ему нужна была кровь. Нужна была сила, чтобы бороться с голодом, с безумием. Нет, он не станет убивать. Парализует разум жертвы, заберет столько, чтобы сохранить ей жизнь и растворится в ночи. Так будет сегодня. Так будет завтра. Пока голод не отступит. Пока тени не уберутся в свое изначальное ничто.

Илир не знал, почему выбирает себе жертв из тех, кто приходит на представление Саши Вайнера. Он не любил балет, не любил искусство. Все это было вечностью по сравнению с короткой жизнью детей Наследия. Что-то монолитное, прочное. А они... Наследие... Были снегом, который падает с неба на вечные здания города. Снегом, который тает на глазах под ногами людей, спешащих на очередное представление или шоу этой вечной улицы — Бродвей...

Охота помогла Илиру отвлечься. Охота увлекла его, завладела им. Охота, которая с каждым новым днем заходила все дальше и дальше. Все больше и больше крови. Все больше и больше жертв. Но нужно было собраться. Нужно было остановиться. Найти причину, чтобы не свалиться в пропасть безумия, где ничто не будет отличать его от дикого, безумного Наследия. Ничего лучше, чем вспоминать плененного Гэврила, плененного Отца, которого он видел в мыслях Мэйдд Нойдеккер, Илир придумать не смог. И еще он вспоминал саму Мэйдд. Вспоминал всех тех, кто был похож на Мэйдд.

— Расскажи мне о них, — попросил он Макса Бонера в тот день, когда Макс вернулся в театр Саши Вайнера, чтобы достать для Мэйдд кровь древнего. Илир увидел, как охранник выгоняет его из театра, подошел, заглянул в мысли Макса. В эти простые, односложные мысли обыкновенного человека. Беспречного человека, который живет слишком долго, чтобы думать о смерти. — Не стесняйся, я знаю намного больше, чем

ты, — сказал Илир. — К тому же я всегда могу заставить тебя говорить или прочитать твои мысли.

— Так ты такой же, как Мэйдд? — спросил Макс.

— Как Мэйдд? — Илир почувствовал волнение при упоминании этого имени. Или же дело было не в имени — его волновали все люди этого нового вида? — О, боюсь, ты не захочешь знать, что я такое.

— Ты древний?

— Древний? — Илир сам испугался своего смеха, затем так же внезапно успокоился, отвел Макса Бонера в ближайший бар и долго расспрашивал о доме, где держат плененного Гэврила. — Объясни мне, — попросил он Макса ближе к утру, — как, черт возьми, простые смертные смогли пленить древнего? — Илир увидел, как Макс пожал плечами. — Никогда бы не подумал, что такое возможно.

Илир попытался заглянуть Максу в воспоминания, но там не было нужных ему ответов.

— Я должен поговорить с хозяевами этого дома, — решил Илир.

— Я не уеду отсюда без крови древнего. Без крови, которая спасет Мэйдд.

— Возьмешь кровь Гэврила.

— Слишком долгий путь. Слишком мало шансов.

— Я могу заставить тебя это сделать. — Илир забрался в мысли Макса Бонера и показал ему то, что видел сам, когда уничтожал последнее гнездо безумного Наследия. — Хочешь, чтобы это случилось с тобой? — спросил он, увидел, как Макс спешно качает головой и заказал еще пару чашек кофе, заставив Макса выпить обе. — У нас впереди долгий путь.

На следующий день, когда зашло солнце, они покинули Нью-Йорк, двигались до раннего утра, остановившись в дешевом отеле недалеко от Кливленда. Макс отключился почти сразу, а Илир еще долго сидел на своей кровати и боролся с желанием выпить кровь Макса. «И почему от древних нам достался вечный голод вместо вечной жизни?» — думал он, упрекая себя за несдержанность в последние дни. Не нужно было баловать себя, употребляя столько крови. Сейчас вена на шее Макса притягивала, манила.

Начинался день. Зимнее солнце быстро прогоняло ночные заморозки, заставляло Илира оставаться в номере. Воображение оживляло лица всех, кого он убил в последние дни, выпив их кровь. Он заставил себя думать о Матери, о могиле Эмилиана. На мгновение ему показалось, что он начинает понимать смысл той статуи на могиле родоначальника Наследия. Просыпающаяся женщина, выносившая многих детей. Молодость и боль тела. Усталость и такая долгая жизнь. Что там еще говорила Габриэла? Илир заставил себя лечь на кровать, закрыть глаза,

но сна не было. В собственных мыслях господствовал голод, поэтому Илир забрался в мысли Макса Бонера. Максу снилась Ясмин. Снился родной город. Илир попытался сосредоточиться на Ясмин — ведь она была такой же особенной, как и Мэйдд. Голод начал стихать. Вскоре Илир заснул. Ему приснилась могила Эмилиана, но вместо статуи женщины там была статуя самого Эмилиана, которая оживала на глазах Илира, потягивалась, сонно зевая. Глаза медленно открывались.

— Почему ты не убил Гэврила? — спросил Илир. — Мог убить, но не убил?

Илир спрашивал ожившую статую снова и снова, пока не проснулся.

Кровать Макса была пуста. Вечер только начинался, и Илир испугался, что если Макс сбежал, то он не сможет отправиться за ним в погоню прямо сейчас, пока не зашло солнце. Но Макс не сбежал. Он был в душе.

— Испугался? — спросил он Илира.

— Если бы ты сбежал, то мне пришлось бы тебя убить, — честно сказал Илир. — А я не хочу никого убивать.

Макс кивнул, словно смог понять всю эту сложную короткую жизнь Наследия. Илир с трудом сдержал гнев, который вернулся вместе с голодом.

— Нужно поесть, — сказал Макс, словно продолжая издеваться. Илир забрался ему в голову и разрешил бояться, разрешил видеть смерть в глазах своего попутчика. Макс побелел, сжался. Страх нахлынул с такой силой, что он забыл, что нужно дышать. Особенно когда он вспомнил гнездо Дикого Наследия, которое показывал ему Илир.

— Вот так уже лучше, — сказал Илир, удовлетворенный результатом, но не прошло и часа, как ему пришлось вернуть прежние блоки, потому что в том состоянии, в котором был Макс, он не мог даже говорить, не то что вести машину. — Но если будешь умничать, то я снова верну все на место, — предупредил Илир. Макс так и не понял, чем обидел это странное существо, но решил, что лучше будет молчать.

В эту ночь они проехали Чикаго и Миннеаполис. Голод Илира усилился, и утром появились тени, которых он не мог уже сдерживать. Особенно когда рядом спал человек, пища.

Илир видел, как тени покидают номер отеля, просачиваются в вентиляционные отверстия и крадутся к соседям, но не мог ничего сделать. Потом он услышал крики. Тени выбрались из вентиляций. Они корчились и горели в лучах полуденного солнца. Илир лежал на своей кровати и надеялся, что этого никто не заметил и он сможет покинуть отель вечером.

В эту ночь они добрались до границы с Канадой. Голод Илира усилился. Он велел Максу остановиться чуть раньше, выбрав отель в стороне от дороги в городе Биенфайт. До рассвета было чуть больше часа, и Илир надеялся, что ему удастся найти себе жертву. Но наочных про-

селочных улицах не было ни одного прохожего. Голод подчинял, сводил с ума... но голод чудесным образом отступил, как только они оказались в Валдизе, и Макс остановился возле дома с зеленой крышей и тремя одинокими деревьями с фасада на Чена стрит.

Была середина ночи, но свет в доме горел. Илир чувствовал мысли людей в гостиной. Странные мысли. Они не говорили, просто сидели за столом, соединяясь друг с другом телепатически. Илир попытался нарушить эту связь, проникнуть в нее, затем вдруг почувствовал мысли еще одного, постороннего, непрошенного. Древний. Гэврил. Отец. Вендари — последнее Илир прочитал в мыслях женщины, которая вышла на крыльце дома, чтобы выкурить сигарету. Все эти особенные люди называли древних Вендари. Это название принес в их жизнь хозяин дома — Эндрю Мэтокс. Так называл свой род Вайорель — древний, которому служила женщина по имени Крина, которую любил Эндрю Мэтокс. Любил давно, пока ее не убили старые, свихнувшиеся слуги. Потом этих слуг убил Эмилиан. Нет, не убил. Илир заглянул глубже в мысли женщины на крыльце. Мэтокс говорил, что Эмилиан помог ему убить древних слуг, которые забрали жизнь его возлюбленной. Потом Эмилиан забрал жизнь Вайореля... Но он отпустил Мэтокса. Отпустил женщину, с которой Эндрю Мэтокс жил сейчас. И он позволил им... пленить Гэврила. Позволил пленить Отца. Теперь они держали его в подвале, подобно животному, и пили его кровь, чтобы продлить свою молодость, свою жизнь. Но как такое возможно? Как Эмилиан, как основоположник Наследия мог позволить все это?

Илир вышел из машины. Он хотел знать все. Ходил видеть все. Фэй заметила незнакомца, но страха в ней не было. Илир чувствовал это. Лишь только любопытство. Эта странная женщина с сигаретой в руке и кожаном плаще, накинутом на плечи. У нее были серые пытливые глаза. Лицо светлое. Волосы до плеч. Рост средний. Илир с трудом подавил тошноту, почувствовав кровь древнего внутри Фэй. Но как бы там ни было, любопытство тянуло его к этой женщине. Его голод стихал рядом с ней. Все страдания стихали. Ни боли внутри, ни чувства близкой смерти, скоротечности жизни. Ничего. Лишь тишина и покой.

Илир почувствовал, как Фэй пытается заглянуть ему в мысли, но не позволил ей сделать этого. Это вызвало еще больший интерес у женщины, которая жила уже пятьдесят три года, но выглядела на двадцать с небольшим благодаря крови древнего, которого Мэтоксы держали в подвале своего дома. Древнего, который был Отцом Наследия. Древнего, которого помог им пленить Эмилиан — Первнец.

— Покажи мне все, — велел Илир, подходя к Фэй. На мгновение она растерянно нахмурилась, словно ждала от него совсем другого. — Покажи мне всю свою жизнь.

Илир впился ей в глаза своим взглядом.

Ветер колыхнул волосы Фэй. Холодный ветер. Таким же холодным был взгляд незнакомца, взгляд Илира. Он не был древним, не был вендори. Она знала это, почувствовала это, как только он вышел из машины. Но не был он и таким, как она, как Мэтокс, как собравшиеся в этом доме. Он был другим. В нем была сила, власть. И в нем была смерть, которая стояла за его плечом, начиная с рождения. И еще голод и вопросы. Поиски ответов. Желание понять. Понимание своей силы, своей власти. Нечто подобное чувствовала и Фэй, когда была еще ребенком. Она не такая, как все. Она отличается от детей, которые окружают ее. Отличается от своих родителей. Вернее, отличается от своей матери и приемного отца. Об этом рассказал ей мужчина, который иногда приходил к ней в школу. Мужчина, которого она никогда не боялась.

Он показал ей, кто он. Показал свои воспоминания. Она приняла своего настоящего отца с детской беспечностью. Старый слуга по имени Хаймли увлекся ее матерью. Роман был быстрым и недолгим. Ее муж ничего не знал. Для него Фэй всегда была родной дочерью. Но он перестал быть для нее отцом, как только она узнала о Хаймли. Он был среднего роста. Глаза серые. Фэй любила смотреть в эти глаза. Он жил уже полторы сотни лет и мечтал о дне, когда сможет оставить своего хозяина и вернуться к нормальной жизни. Иногда он показывал Фэй свои мечты о том, как они втроем: он, Фэй и ее мать, живут вместе. Фэй нравились эти видения. Но уже ребенком она знала, что этого никогда не случится. Да и как быть с отцом, который растил ее, считая ее своим ребенком?

— Ты особенная, — говорил ей Хаймли. — Я знаю это, чувствуя.

Он говорил об этом так часто, что Фэй и сама начала верить в свою исключительность. Но все это было лишь детской фантазией, пока Фэй не попала в аварию. Мать погибла мгновенно, отец сломал позвоночник, а в ее исцеление не верил ни один врач. Их доставали из груды искореженного металла, в которую превратилась машина, больше пяти часов. Все это время Фэй находилась в сознании, но об этом, казалось, никто не знал. Врачи говорили, что на спасение нет шансов. Говорили так, словно она уже была мертва. Мертва, как ее мать, сломанная рука которой была неестественно вывернута и протянута к Фэй. Дочь узнавала эти пальцы, узнавала этот лак для ногтей. Чуть выше, на спинке сиденья Фэй видела прядь золотистых волос матери, на которых застыла кровь. После лобового удара их машина перевернулась несколько раз. Сейчас голова матери была зажата между крышей и спинкой сиденья, на котором она сидела. Череп лопнул, и в ужасной ране был виден мозг. Отец сидел рядом с матерью.

Иногда он приходил в сознание, и в эти моменты Фэй слышала его истощенные крики. Сама Фэй не чувствовала боли. Лишь вкус во рту, да

врачи, которые говорят о ней так, словно она уже мертва. Мертва. Мертва. С каким-то неестественным безразличием Фэй пыталась осмыслить это новое состоянни. Смерть. Ее смерть. Но она не чувствовала себя мертвой. Нет. Она не может быть мертвой. Смерть — это пустота и темнота. А здесь есть свет, есть звуки.

— Все будет хорошо, — сказал один из спасателей, отгибая железо, чтобы достать умирающую девочку. Врачи сказали ему, что шансов нет, Фэй сама слышала это, но спасатель продолжал работать, продолжал надеяться.

Фэй запомнила его лицо, но не знала имени. Позже она будет пытаться найти его и поблагодарить, но он останется для нее лишь лицом, лишь светлыми глазами, которые единственные, кажется, верят, что девочка не умрет. Пройдет полвека, а Фэй будет помнить этот взгляд. И будет помнить, как впервые приняла кровь древнего.

Она будет лежать в отдельной палате. Палате, где ее оставят, чтобы она могла умереть. Тихо, в одиночестве. «Вот это уже больше похоже на смерть», — подумает Фэй. Но после придет Хайми. Он даст ей кровь древнего, своего хозяина. Кровь, которая спасет Фэй, исцелит раны, вернет в тело ускользающую жизнь, но как раньше уже никогда не будет. Мать мертва, отец прикован к инвалидному креслу, а в голове... В голове что-то сломалось. Кровь древнего что-то разбудила в Фэй. Она не сразу поняла, что может читать мысли инвалида-отца. Тяжелые мысли.

— Я же говорил, что ты особенная, — улыбался Хаймли, когда Фэй рассказывала о своих способностях.

— Я не хочу быть особенной. Не хочу видеть чужие мысли. Мне это не нравится, — говорила ему Фэй, но после привыкла, смирилась и стала спрашивать своего настоящего отца о том, есть ли еще такие дети, как она.

— Хочешь, чтобы я нашел их? — предложил Хаймли.

— Я не знаю, — сказала Фэй, но Хаймли видел ее мысли и желания.

— Ты не будешь одна, — пообещал он.

Больше года Фэй ждала, когда ее отец сдержит обещание. Сначала ожидание волновало, потом томило, в конце начало раздражать. Особенно когда Хаймли пропустил их встречу, потом пропустил четырнадцатый день рождения Фэй. Она ждала хотя бы звонка, хотя бы открытки. Но ее бросили, забыли. Оставался лишь отец в инвалидном кресле, который сутки напролет проводил за чертежным столом.

Фэй злилась на Хаймли, злилась на его хозяина, которого звали Юдель. Хаймли никогда не говорил этого, никогда не называл имя древнего, кровь которого спасла ей жизнь, но Фэй украла это знание у него из головы. Она знала, что ради своего хозяина Хаймли убивает людей, забирает их кровь. Он был монстром, убийцей, но отказаться от него

она не могла. Особенно после того, как не стало матери. Она была одна в этом огромном мире.

На свой пятнадцатый день рождения она все еще ждала, что Хаймли вернется. Но Хаймли пропал, и Фэй начала винить в этом себя. Возможно, он пытался найти подобных ей, и это убило его или привело к беде.

На шестнадцатилетие Фэй украла у отца-калеки кредитную карточку, обналичила столько денег, сколько по ее подсчетам требовалось на поиски Хаймли, и сбежала из дома, отправившись в Финикс, где жил Юдель. У нее не было адреса, только картинки, только то, что видел ее отец. Поэтому единственным шансом найти дом, где жил Юдель, было бродить по улицам большого, незнакомого города и надеяться, что рано или поздно встретишь то, что видела в воспоминаниях отца. Родного отца, в то время как отец-калека где-то далеко бросает все свои силы на поиски. Но это не важно. Это лишь суэтный, обыденный мир, который ничего не значит, когда знаешь, что рядом есть еще один. Таинственный мир, темный, но прекрасный в этой темноте, искрящийся, слепящий глаза.

Но мир этот скрывался от Фэй, прятался за пеленой воспоминаний. Да и город был слишком большим. Нужно больше деталей, больше мелочей, которые смогут дать подсказку. Фэй вспомнила колокольный звон. Она не знала, было это воспоминание реальным или же выдуманным, но ничего другого у нее не было. Оставалось посетить все церкви города, обойти ближайшие дома. Фэй потратила на поиски две недели. Потом ее арестовали и вернули к отцу-калеке в Орегон.

О судьбе Хаймли Фэй узнала лишь два года спустя. Новый слуга Юдель по имени Маниш появился на ее пороге в день, когда ей исполнилось восемнадцать, и передал папку с бумагами, где были собраны материалы на детей, рожденных от слуг, на детей, которые могли оказаться такими же особенными, как Фэй.

— А где сам Хаймли? — спросила Фэй, хотя ответ она знала и так, догадываясь, чувствовала. — Ты скажешь мне, где его могила? — спросила Фэй Маниша.

— Нет могилы.

— Нет?

— Ничего нет. Ничего не осталось.

— Понятно... — Фэй нахмурила брови и потупилась, желая показать новому слуге, что хочет побывать одна.

Больше месяца она не решалась открыть переданную отцом папку. Но дети слуг ждали ее, манили. Особенные дети, которые могли понять ее, потому что были такими же, как и она. Дети, которых нашел для нее Хаймли — ее родной отец, которого больше нет.

— Да какого черта? — сказала Фэй, открыла папку и выбрала первое имя из списка.

Это был мальчик по имени Сал Киршен из Сакраменто. Мальчик в те годы, когда о нем узнал Хаймли. Сейчас он вырос. Фэй смотрела на его фотографию и пыталась представить, как он выглядит сейчас, как он встретит ее? Страха не было, лишь приятное, будоражащее волнение, которое усиливалось, стоило Фэй представить, как она садится в автобус и отправляется в Сакраменто. Фэй узнала цену на билеты, сколько нужно будет сделать пересадок.

— Я вернусь, — сказала она отцу-калеke, решив на этот раз поставить его в известность о своем бегстве из дома.

Автобус доставил ее до железнодорожной станции в соседнем городе. Фэй позвонила отцу-калеke и сказала, что купила билет на поезд до Лос-Анджелеса. Волнение улеглось, а шестнадцать часов по железной дороге вызвали скуку и усталость. Но все это развеялось, как только она увидела Сала Киршена. Даже не увидела. Нет. Как только она почувствовала Сала. Фэй поднялась на крыльце, постучала в дверь дома, где жили родители Сала, и почувствовала, что Сал идет открывать, раньше, чем он открыл дверь. Это было словно волшебство. Словно первый поцелуй.

— Bay! — сказала Фэй, когда Сал вышел на крыльце. Нет, он не был красивцем, но тело и внешность не имели значения. Сейчас главным было то, что скрывалось внутри Сала.

— Простите, мы знакомы? — спросил он, меряя Фэй растерянным взглядом.

— Ты разве ничего не чувствуешь? — спросила она.

— Чувствую?

— Рядом со мной... — Фэй пытливо смотрела ему в глаза. Кровь древнего, которую дал в детстве отец, что-то разбудила в ней, но вот как разбудить это в Сале? — Не сопротивляйся, — попросила его Фэй, пытаясь заглянуть ему в мысли, в чувства, воспоминания.

— Что происходит? — растерялся Сал, вздрогнул, почувствовав головокружение.

Что-то чужое пробралось в голову. Но в этом чужом не было ничего враждебного. Скорее наоборот. Это было похоже на порыв свежего ветра в удушливо-жаркий день, глоток воды посреди знойной пустыни.

— Кто ты такая? — спросил Сал, но чужие мысли уже показывали ему историю Фэй, детство Фэй, отца Фэй. Настоящего отца. — Но при чем тут я? — спросил Сал и тут же увидел папку, которую передал Фэй Хаймли. Папку, в которой Сал узнал свою фотографию. — Но...

— Думаю, нам стоит встретиться вечером и поговорить, — сказала Фэй, показывая Салу долгую дорогу, которую она проделала, чтобы добраться сюда. Он нахмурился, все еще теряясь, видя чужие мысли и воспоминания, затем осторожно кивнул. — Я остановилась в старом

городе, недалеко от парка Крокер. На берегу, возле моста есть бистро. Кажется, там можно поесть на открытом воздухе, так что...

— Приду, — сказал Сал.

— В девять вечера.

Фэй протянула руку и коснулась на прощание плеча нового друга, желая доказать себе, что это не сон, не видение. Теперь можно было уходить. Она знала, что Сал стоит на крыльце и смотрит ей в спину, но не оборачивалась. В отеле Фэй приняла душ, переоделась и долго лежала на кровати, тщетно пытаясь заснуть.

— Никогда бы не подумал, что меня усыновили, — сказал за ужином Сал, разглядывая свою детскую фотографию из папки Хаймли.

У него не было шока, не было растерянности. Сейчас рядом с ним была Фэй — девушка, которую он знал меньше дня, но это казалось самым главным. Теперь казалось. А вся прежняя жизнь... Вся прежняя жизнь была лишь ожиданием этой встречи. Вернее, не встречи, нет, чего-то большего. Как и после, ночью, в номере Фэй.

— Никогда не чувствовал ничего подобного, — признался Сал, все еще прижимаясь к Фэй, все еще впитывая в себя тепло ее тела, ее мысли, чувства. Это было больше, чем секс, больше чем удовлетворение. Фэй видела все его воспоминания, он видел все ее воспоминания, всю жизнь. Они сливались, становились одним целым. Их тела, их личности. Ничто не стояло между ними. Не могло стоять. — Ты — особенная, — сказал Сал.

— Мы оба особенные, — сказала Фэй.

Они провели вместе две долгих недели, а когда Фэй сказала, что должна вернуться в Орегон, Сал предложил ей пожениться. Фэй задумалась на мгновение, затем решительно кивнула. Так на два долгих года она стала молодой миссис Киршен, пока они вместе с мужем не решили, что обязаны найти других детей из папки Хаймли.

Их выбор пал на Эндрю Мэтокса — ребенка, чью мать изнасиловал древний слуга. Найти его оказалось намного сложнее, чем Сала. Мать Эндрю работала в больнице и несколько лет спустя, после того, как родила сына, заразилась вирусом двадцать четвертой хромосомы. Теперь она жила в резервации. Старая и уродливая. Работа в больнице отняла у нее все — сначала древний слуга, которого привезли израненного и умирающего, внезапно ожил и изнасиловал ее, затем вирус, которым она случайно заразилась от умирающего наркомана. Фэй видела все это в воспоминаниях этой женщины. И еще много ненависти и злости, которые съедали изнутри эту старую, не желавшую умирать женщину.

— Нет, я не знаю, где мой сын, — сказала она Фэй своим скрипучим голосом. — Он не навещает меня. Боится, что тоже заразится. — Когда она говорила о сыне, в ее голове вспыхивала россыпь воспоминаний о его отце.

— Не нужно ненавидеть своего сына за то, чего он не делал, — сказала Фэй. — Не Эндрю насиловал вас. К тому же вы могли избавиться от ребенка.

— Не понимаю, о чем ты, — сказала старая женщина, однако губы ее задрожали. Фэй смотрела ей в глаза и пыталась понять, как можно любить и ненавидеть своего ребенка одновременно. Желать его смерти и знать, что сохранишь ему жизнь, вырастишь его.

В регистратуре Фэй узнала прежний адрес Эндрю Мэтокса.

— Нет, он уже давно здесь не живет, — сказал ей хозяин квартиры. Нового адреса у него не было, и Фэй пришлось вернуться в Резервацию, забраться в головы десятка служащих, прежде чем удалось узнать, откуда поступают дополнительные средства на содержание матери Эндрю Мэтокса.

— Аляска? — растерялся Сал Киршен. — Ты хочешь поехать ради него на Аляску?

— Почему бы и нет? — пожала плечами Фэй. — К тому же разве тебе не интересно узнать еще одного человека, похожего на нас?

Они готовились к поездке больше трех месяцев. Мистер и миссис Киршен. Муж и жена, брак которых доживал последние дни. Но тогда они еще не знали об этом. Не знали, пока не познакомились с Мэтоксами, пока не попробовали кровь древнего, вендари, как называли его Эндрю и Клео. Вендари, которого они держали в подвале своего дома. Его кровь обострила инстинкты, усилила телепатические способности. Дети Мэтоксов — мальчик и девочка пяти лет — спали в своих кроватях, но Фэй и Сал могли заглянуть в их мысли, увидеть их детские сны. Могли они видеть и мысли Эндрю Мэтокса. Особенно Фэй, которую тянуло к нему так же, как когда-то тянуло к Салу. Сал не ревновал. Лишь сожалел, что Клео Мэтокс не такая, как они. Да, кровь древнего, вендари, которую она пила, продлевала ей молодость, но...

— Ты не думал о том, чтобы уйти от нее? — спросила Фэй Эндрю Мэтокса. Ответ ей был не нужен — она могла увидеть все это в его голове, увидеть древних слуг, которые умеют читать мысли, которые после сотен лет службы получают то, что ей, Эндрю Мэтоксу и Салу дано с рождения. Нужен лишь глоток крови древнего, и природа проснется, заявит о себе. Фэй слышала, как где-то далеко Клео рассказывает Салу, как они познакомились с Эндрю, но ей не было до этого никакого дела. К тому же у них с Салом все было быстро, стремительно. Она хотела, чтобы Эндрю Мэтокс увидел это в ее воспоминаниях, звала его заглянуть в свои мысли.

— Ты можешь сделать так, чтобы я не видел в твоих воспоминаниях встречу с моей матерью? — попросил ее Эндрю Мэтокс.

— Конечно, — сказала Фэй, но тут же почувствовала злость, вспыхнувшую в сознании Клео — женщины, в крови которой тоже был вирус. Вот только вирус не изменил ее, не превратил в уродца.

— Ты знаешь, что Эндрю сам заразил меня? — спросила Клео. Фэй знала, видела эту историю, но не хотела говорить о ней. К тому же если Мэтокс сделал это, значит так было нужно — Фэй верила в это. — Загляни ему в воспоминания, — посоветовала Клео. — Не в мои. Нет. В те дни я с трудом что-то понимала. Эндрю затуманил мне мысли так сильно, что я не видела ничего, кроме своих желаний. А он... Он лишь хотел, чтобы я стала жертвой древних слуг, которые убили его девушку. Моя кровь должна была помочь ему отомстить, парализовать слуг и дать ему шанс разделаться с ними.

Фэй видела ту ночь. Видела бар для слуг. Видела смерть, кровь, хаос.

— Он, между прочим, потом все исправил, спас тебя, — сказала Фэй Клео. — Он достал для тебя кровь древнего.

— Но вирус до сих пор в моей крови!

— Эндрю тоже до сих пор с тобой. И твои дети. И никто не превратился в уродца, как мать Эндрю.

— У них в крови вообще нет вируса! — не без обиды сказала Клео. — Кажется, на таких, как вы, вирус вообще не действует! — ее губы изогнулись не то в гневе, не то в презрении.

— Ты ревнуешь ко мне своего мужа? — догадалась Фэй. Клео не ответила, но не нужно было уметь читать мысли, чтобы понять. Все было у нее на лице.

Она поднялась из-за стола и пошла спать. Эндрю и супруги Киршен оставались в гостиной до глубокой ночи, после разошлись, но кровь Гэврила, кровь вендари помогала им поддержать установившуюся между ними связь.

— Если хочешь, то можешь идти к нему, — сказал Сал, когда они с Фэй легли в кровать. Он видел все ее мысли, чувствовал все ее желания.

— Ты не обидишься? — осторожно спросила его Фэй.

— Мы ведь особенные, — сказал Сал. — К тому же будут и другие.

— Ты хочешь, чтобы в следующий раз мы отыскали женщину?

— Так же сильно, как ты сейчас хочешь встретиться с Мэтоксом.

Фэй хотела сказать ему что-то еще, но слова потеряли смысл, чувства и мысли стали невозможны. Все было кристально ясно, кристально просто. Она поднялась с кровати и выскользнула в коридор.

— Думаешь, твоя жена ни о чем не узнает? — спросила она Эндрю Мэтокса, когда они встретились в комнате для гостей.

— Думаю, она сможет понять.

Их отношения продолжались почти неделю, затем Фэй и Сал уехали, вернувшись в Сакраменто. Больше полугода они жили так, словно ничего

не случилось, затем, не сговариваясь, решили, что должны вернуться к Мэтоксам, к древнему, которого эта семья держала в подвале. К его крови, которая делала их такими сильными.

— Я не хочу, чтобы ты видела во мне своего врага, — сказала Фэй Клео, как только переступила порог ее дома.

Это был последний раз, когда она приезжала в этот дом в качестве миссис Киршен. Меньше чем через месяц список Хаймли приведет Фэй и Сала к девушке по имени Ноэла Свон, которая отказалась ехать к Мэтоксам, но так сильно вцепилась в Сала, что Фэй с трудом могла сдержать смех. Хотя влюбленным казался и Сал.

— Когда-нибудь еще увидимся, — сказала Фэй, когда документы на развод были готовы. Сал кивнул.

Фэй вернулась к отцу-калеке, прожила с ним почти год и поняла, что должна двигаться дальше. Несколько раз она пробовала встречаться с мужчинами из родного города, но дальше пары ужинов эти отношения не зашли.

— Не знаю, зачем звоню, просто охота поговорить, — сказала Фэй, набрав номер Мэтоксов.

— Я сейчас позову Эндрю, — буркнула Клео, но Фэй спешно сказала, что хочет поговорить с ней. — Не надо Эндрю. Не хочу Эндрю. Не сейчас.

Они разговаривали почти два часа, после чего Фэй достала папку Хаймли и выбрала себе нового знакомого. Им оказался Захарий Сойфер. И после продлившейся больше двух месяцев дружбы Фэй решила, что с ним у нее может получиться то, что не вышло с прежним мужем.

— Если ты приехала к нам ради Эндрю, то твой новый брак лопнет, как и прежний, — сказала ей Клео, когда Фэй привезла Зака на Аляску.

— Зак не такой, как Сал, — сказала уклончиво Фэй.

— Вы все такие, как Сал. Ты, Эндрю, Зак...

— Кровь Гэврила когда-нибудь сделает такой же и тебя.

— Не сделает... Я смогу лишь читать мысли... К тому же кровь Гэврила не сможет избавить меня от вируса...

— Ты все еще злишься на Мэтокса за то, что он заразил тебя?

— А ты бы не злилась?

— Не знаю. Ты ведь жива, с тобой ничего не случилось. Он подарил тебе детей, подарил вечность, молодость. Без него ты бы сейчас была разменявший пятый десяток увядающей женщиной, а так... тебе не больше тридцати.

— Это не главное.

— Может быть, но кроме вируса у тебя есть и другие недостатки, с которыми приходится мириться Мэтоксу. Как долго с тобой жили мужчины, которые были до него? Мужчины, которые всегда хотят получить от женщины так много, но стоит их лишить чего-то обыденного, как они

тут же чувствуют себя обделенными, обиженными. Не в первую ночь. Нет. Это приходит позже. В первую ночь они смущаются и с радостью погружаются в многообразие, которое предлагаешь им ты. Но проходит неделя, месяц, и все они начинают искать причины, чтобы расстаться с тобой. — Фэй нахмурилась. — Как называлась та операция, которую предлагал тебе сделать хирург, с которым ты встречалась?

— Кольпоперинеография.

— Точно, — Фэй безрадостно улыбнулась. — Язык сломаешь, верно?

— К чему ты клонишь?

— Ни к чему, просто говорю, что Мэтоксу тоже приходится мириться со многими твоими недостатками. Вот и все.

— Ну, думаю, для того, чтобы мириться с этим, у него есть такие, как ты, — сказала Клео, но тут же примирительно улыбнулась.

Они обменялись еще парой колкостей и разошлись. Ночью, когда Зак уснул, Фэй еще долго лежала в кровати, борясь с искушением отправиться в комнату для гостей к Мэтоксу. Она не знала, спит он или нет. Не знала, думает о ней или нет. Могла узнать, но заставляла себя не заглядывать в его мысли. Наутро она проснулась с чувством, что не спала всю ночь. Дети Мэтоксов сутились, опаздывая в школу. Фэй выпила две чашки кофе, но сон прогнать так и не удалось. Вернее, не сон. Что-то тревожное.

— С тобой все в порядке? — спросил ее Мэтокс, когда она ушла в свою комнату, сославшись на головную боль.

— Я думала о тебе вчера, — призналась Фэй. Он не ответил, но Фэй видела ответ в его чистых, открытых мыслях.

Они закрыли дверь и занялись сексом. Вернее, не сексом. Это было что-то другое. Сливались не только тела, но и мысли.

— Кроме меня у тебя были другие женщины? — спросила Мэтокса Фэй. — Я имею в виду особенные женщины, не такие, как все.

— Нет.

— Думаешь, если бы ты встретил такую, то было бы так же, как со мной?

— Ты скажи.

— Почему я?

— У тебя были два особенных мужа и особенный любовник.

— Ревнуешь?

— Нет, просто интересно.

— Клео сказала, что ты спишь со мной только потому, что не можешь спать с ней.

— Я могу спать с ней.

— Ты знаешь, о чем я.

— Теперь ревнуешь ты?

— Нет, просто не хочу становиться запасной вагиной.

— Загляни в мои мысли и увидишь, что это не так.

— Я не хочу заглядывать в твои мысли, я хочу, чтобы ты сказал, что это не так.

— Это не так.

— Хорошо.

Они выкурили по сигарете и снова занялись любовью. Спустя десять дней Фэй уехала, выбрав из списка Хаймли девушку по имени Джессика Грандье. Девушку для Зака Сойфера.

— Кажется, ты снова решила развестись, — сказала ей Клео перед их отъездом.

Но вместо развода, меньше чем через год, семья Сойфер приехала на Аляску в компании их новой знакомой.

Джессика была высокой и худой. Лицо бледное, с правильными чертами. Глаза голубые, словно небо. Бархатный голос и неестественно полная для общей худобы грудь. Кровь вендали, которую Фэй и Зак брали с собой, пробудила ее инстинкты еще в Канаде, где она жила. Телепатическая связь была яркой, искрящейся. Особенно когда они все собирались за столом в гостиной Мэтоксов. Чувства были так обострены, что от волнения перехватывало дыхание. Они были одним целым, сплавом чувств, эмоций, воспоминаний. Словно любовники, которые перед тем как лечь в постель снимают не только одежду, но и кожу, чтобы лучше чувствовать друг друга, быть ближе друг к другу.

Они знали о слугах, которые пили кровь вендали. Кровь, сводившую их с ума, превращая в монстров. Но вокруг этих слуг не было ничего кроме безумия и смерти. Если каждый день убиваешь людей, то рано или поздно либо сойдешь с ума, либо захочешь убить себя. С ними же все будет иначе. Они никого не убивают. Ими движет нежность, любовь, страсть. Что плохого в том, чтобы любить кого-то, тянуться к кому-то, желать стать с кем-то единым целым?

— Думаю, скоро нам не нужна будет физическая близость, — сказала Фэй Клео. — Наш разум становится сильнее плоти.

— Я мирюсь с тобой, но если ты решишь уложить в постель к Эндрю еще и Джессику, то это будет ваш последний визит в этот дом, — предупредила Клео, но уже через несколько лет и сама стала присоединяться к их ночным посиделкам в гостиной.

Стол большой. Включен свет. Тепло и тихо. Ужин, хорошее вино, отстраненные, ничего не значащие разговоры. И так до полуночи, может чуть раньше или позже. Не важно. Время не имеет значения. Затем тишина. Только мысли. Только чувства. Все сливаются, становятся одним целым. Это словно коллективный сон, общая фантазия, где нет запретов и возможно все. Нужно лишь привыкнуть, нужно лишь стать

выше реального мира. Да и реального ли? Всего лишь тяжелая, пропахшая плесенью плоть жизни. Как тот сырой подвал, где Мэтоксы держат Гэврила. Кто хочет жить под землей, когда можно тянуться к небу? К чистому и звездному. Или к солнечному, синему, по которому плывут белые кудрявые облака...

Все это видел Илир, заглядывая в воспоминания Фэй. Фэй Кройчман — согласно фамилии ее третьего мужа. Такого же особенного, как и она сама. Такого же особенного, как ее любовник, с которым она уже долгие годы не имела физической близости, сливаясь воедино в общих мечтах и фантазиях. Эндрю Мэтокс. Она видела все его мысли, все его воспоминания. И сейчас, глядя ей в глаза, Илир мог тоже видеть их. Видеть Эмилиана, прародителя, основоположника Наследия. Видеть глазами Мэтокса, который встречался с ним, говорил, никогда не считал другом или врагом, но и не был ему слугой. Тот самый Мэтокс, которого отпустил Эмилиан, спас, благословил... Почему родоначальник Наследия не убил Гэврила? Почему превратил его в сосуд для всех этих извращенных, прогнивших людей, которые считают себя новой расой, сверхчеловеком?

Вопросы. Вопросы. Вопросы.

Илир хотел знать все, видеть все, заглянуть в мысли каждого человека, который приходил в этот проклятый дом. Понять, что двигало Эмилианом, когда вместо убийства он превратил Гэврила в раба этих извращенцев. Превратил Отца в их сосуд, бесконечный источник крови, которая позволяет им становиться сильнее. Что это было? Любовь? Презрение? Слабость? Сын нашел Отца. Но Сын не убил Отца. Ненависть и борьба, на которой зиждилось все Наследие, оказались подложными истинами. Единственное, что успокаивало — отсутствие голода рядом с этими людьми, возомнившими себя сверхчеловеком. Но покой был недолгим.

Желание знать заставило Илира заглянуть не только в мысли Фэй, но и в мысли остальных жителей дома Мэтоксов, включая Гэврила. На все это Илиру потребовалось несколько мгновений. Поток чужих мыслей и жизней хлынул в его мозг. Жизней, которые природа, казалось, создала специально для молодой поросли, для детей Наследия. Неужели Эмилиан знал это? Неужели он берег этих людей для Наследия? Но неожиданно Илир увидел кое-что еще. Нечто очень важное.

Он видел, как безумные дети Наследия насилиют женщин. Видел, как целые гнезда кровожадных тварей появляются на свет. И он помнил, как их Мать, Габриэла, носила ребенка Эмилиана. Эта байка больше не была байкой. Илир уже не сомневался в ее правдивости. Но разве Эмилиан не говорил, что избавился от этого ребенка, боясь, что после рождения он станет неподвластен мирским законам? Разве он не считал

его еще большим злом, чем самки древних, жажда которых не знала границ? Жажда настолько сильная, что человечество давно бы вымерло, если бы древние не избавились от этих монстров. И теперь они жили одни. Десятки тысячелетий. Устав от вечности. Устав от одиночества. И ни одна земная женщина не могла заменить самку древнего. Не могла до тех пор, пока не появились такие, как Мэтокс, такие как Фэй, которая все еще смотрела в глаза Илира.

Это понимание было подобно вспышке. Илир вдруг увидел ребенка древнего. Ребенка, жизнь которого зарождалась в утробе одной из женщин, которых создала природа, чтобы восполнить древним утрату их самок. Они станут их заменой. Они разорвут этот замкнутый круг. И в этом будущем Наследию не будет места. Древние объединятся, уничтожат Наследие, а потом... Потом уничтожат мир...

Илир зарычал. Голод вернулся, притащив за собой по рельсам подсознания эшелоны безумия — холодного и одновременно испепеляющего. И Фэй... Перед ним больше была не женщина. Нет. Перед ним был враг. Все люди в этом доме были врагами. Особенно женщина, которая носила ребенка Гэврила.

Илир чувствовал, что должен добраться до нее, забрать ее жизнь и жизнь в ее утробе. Метаморфозы коснулись его тела. Но вместе с этим усилился и голод. Безумие спутало мысли. Он хотел есть. Это вдруг стало единственным, что важно — вцепиться в человеческое горло и пить, пить, пить, пока в теле есть кровь. Затем выбросить тело и найти себе новое.

Если бы в крови Фэй не было крови древнего, то Илир начал бы с нее. Но она была буквально пропитана этой отравой. Да и сила, которая скрывалась в ее разуме, могла оказать сопротивление. Нет. Он вернется за ней после. За ней и всеми, кто живет в этом доме. Он заберет их жизни и жизнь древнего — единственного свидетеля тайны, о которой узнал Илир. А потом он отправится в другие города, найдет всех, кого природа сделала особенными, и убьет. Без крови древнего они будут слабы. Он заберет их жизни быстро.

Илир зарычал и побежал прочь от дома Мэтоксов. Тело его изменилось. Это был уже не человек. Это был монстр, животное, одна из тех тварей, на которых он охотился сам. Но у этого монстра была цель, которой он собирался добиться, как только поборет свой голод. И пусть для этого придется вырезать весь этот крохотный город. Плевать.

Глава седьмая

— Какого черта это было? — спросил Мэтокс, выходя на крыльцо. Фэй молчала, наблюдая, как тварь, в которую превратился незнакомец, приближается к соседскому дому, выбивает дверь.

— Господи! — прошептала Фэй, услышав крики детей.

Потом все как-то вдруг стихло. Залитая кровью тварь выскочила из дома, оставив внутри смерть, и устремилась к следующему. Оставшиеся в доме Мэтоксов люди почувствовали страх Фэй. Он ворвался в их сознания внезапно, разрывая в клочья все остальные заботы, мечты, фантазии. Дикий, животный страх. И среди этого страха были картины того, что успела заметить в сознании Илира Фэй. Жуткие картины, безумные.

Сидя в своей машине, Макс Бонер видел, как на залитое светом крыльцо дома Мэтоксов выходят люди. Все смотрят на соседний дом, следят за тварью. Все, кроме Ясмин, которая узнала машину Макса.

— Куда ты? — попыталась остановить ее мать.

Ясмин высвободила руку, пересекла улицу.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она Макса, но он знал, что ответ ей не нужен. Она может прочитать все, что захочет в его голове. — Ты понимаешь, что привез в наш город смерть?

— У меня не было выбора.

— Ты бы мог умереть.

— Тебе легко говорить. — Макс вздрогнул, услышав еще один крик. Крик жертвы Илира. Даже не Илира. Уже нет. Это был монстр. Такая же тварь, как те, на которых он охотился прежде, истребляя их гнезда.

— Нужно убираться из этого города, — сказал Лью Квейчман — третий муж Фэй.

Эндрю Мэтокс попытался его остановить, но Лью уже принял решение. Вернее, страх принял решение за него.

— Я не поеду с тобой, — сказала ему Фэй. — Ты никогда не встречал этих тварей. А Мэтокс их знает. Нужно довериться ему.

— Мы просто уедем. — Лью Квейчман схватил Фэй за руку и потащил к машине. Она вырвалась, спряталась за спиной Мэтокса. — Ну и черт с тобой! — заворчал ее муж.

Он запрыгнул в машину, включил зажигание и как безумный сорвался с места, едва не врезавшись в растущие перед домом деревья. «Шевроле» выскоцил на дорогу. Двигатель заревел, запищала резина. Илир не слышал, как от дома Мэтоксов отъезжает машина, но он почувствовал мысли сверхчеловека, который остался один. Такой возможности Илир не мог упустить. Сильнее голода в нем была только ненависть, только жажда убийства.

Фэй видела, как черные, густые тени окружили машину ее мужа. Голодные и безумные тени — дети, достойные своего отца Илира. Сначала они сожрали резину. Железо заскрежетало по асфальту, выбивая снопы искр. Машину закрутило, швырнуло на тротуар, но прежде чем она остановилась, тени уже принялись пожирать ее кузов, двери, стекла. Где-то в какофонии скрежета и грохота раздался крик Лью Квейчмана. Потом все стихло. Остался лишь обглоданный кузов машины. А тени, почувствовав кровь, устремились к дому Мэтоксов.

Собравшиеся на крыльце гости засуетились, толкаясь, начали притискиваться обратно в дом. Тени попали под свет фонарей, зашипели. Но тени не были глупы. Они добрались до фонарей со стороны, где свет не мог достать их. Лампы лопнули. Осколки полетели на дорогу. Тени подобрались к дому, окружили его, вжались в стены, пытаясь отыскать вход. Но что-то сдерживало их снаружи, не пускало. Макс Бонер видел, как тени скользят вдоль стен дома, слышал их жалобный, голодный вой. Тихий, но от того еще более зловещий.

— Ясмин! Где Ясмин? — засуетилась в доме ее мать.

Она хотела открыть дверь, но брат Ясмин, Шэдди Мэтокс, остановил ее. Он чувствовал, как тени ждут, когда их жертвы сделают ошибку. Эти тени были похожи на сотни, тысячи сверхлюдей, которые пришли в этот дом, чтобы учинить свой кровавый суд над ними. Но только вместо суда будет устроена безумная трапеза. Потому что ничего другого, кроме голода, у теней на улице не было. Голод и безумие. Эти чувства проникали в сознание, сводили с ума. Но с ними можно было бороться.

— Пусти меня! — закричала Клео своему сыну.

Ее крик был диким, безумным, отчаянным. Но это кричала не мать. Нет. Это кричали тени, пребравшиеся в ее сознание. В сознание простого человека, который не мог противиться их воле, несмотря на всю тут кровь древнего, которую она выпила за последние десятилетия, несмотря на то, что считала себя почти такой же, как ее муж, как ее дети. Все это ничего не значило. Она была слабой, уязвимой. Была такой же,

как в тот день, когда впервые познакомилась с Эндрю Мэтоксом. И ничто не сможет это исправить.

Отчаяние было таким сильным, что Клео захотелось выбежать на улицу и позволить теням, этим детям ночи, закончить все прямо сейчас. К тому же она уже видела когда-то давно, как это происходит. Видела в полицейском участке, где работала.

Тени пришли за свидетелем. Был поздний вечер. Свет выключился, и тени проникли в комнату для допросов. В хаосе и безумии был слышен лишь крик свидетеля. Потом, когда дверь удалось открыть, Клео увидела остатки человеческой плоти, которые буквально растворяются в кишащей, ожившей мгле. Свидетель, мужчина — Клео уже не помнила его имени — тянул к ним свои руки, надеясь на спасение. Но спасения не было. Тьма не собиралась его отпускать, а когда детектив Джейсон Оливер попытался спасти свидетеля, тени вцепились и в его плоть. Черные лохмотья ожившей ночи. Клео видела, как они цепляются к руке детектива Оливера, пожирают его плоть. Видела, как обнажаются белые kostи. Всего лишь крохотные клочки мрака, ломтики смерти. Свет прогнал их, оставив уродливые раны. Детектив Оливер стоял, прижавшись спиной к стене, зажимая здоровой рукой искалеченную кисть. А в комнате для допросов от свидетеля осталась лишь густая, зловонная лужа…

Таким было первое знакомство Клео с миром, который лежал где-то за границами ее понимания. Но мир этот проник в нее. И было уже не важно, хочет она или нет — тьма звала ее, заставляла исследовать, открывать все новые и новые двери…

— Ты должен что-то сделать, — сказала Клео Мэтоксу. Сказала сейчас, в настоящем.

— С нашей дочерью все будет в порядке, — заверил он ее.

— В порядке? — вспылила Клео. — В порядке? — Она пыталась подобрать нужные слова, но не могла.

— Ясмин сейчас с Максом. Я вижу их мысли. Чувствую их. С ними все будет в порядке. Он позаботится о ней.

— Видишь их мысли?

На лице Клео появилось презрение. Не к мужу, нет. Она не могла презирать его способности, ведь такие же способности были у ее детей. Но не могла она презирать и себя за то, что этих способностей не было у нее. Поэтому Клео презирала что-то общее, что-то извне. Сейчас это была уродливая тварь, которая пришла в их город и принесла смерть. Раньше это были соседи, случайные знакомые, мужчины, которыми, возможно, она могла бы увлечься, если бы в ее крови не было вируса, женщины, которые увлекались этими мужчинами…

Особенно женщины. Они выбирали себе мужчин, делали то, чего не могла она. Эндрю Мэтокс не оставил ей выбора, когда заразил виру-

сом двадцать четвертой хромосомы. И кто бы что ни говорил, ему тогда было плевать, что станет с ней. Он не знал, что ее организм адаптируется. Он просто хотел отомстить за свою возлюбленную по имени Крина, за древнюю служу, научившую его пить кровь древних. Пить кровь ее хозяина Вайореля, которого Мэтокс предаст позже, чтобы спасти ее, Клео. Спасти после того, как отведет в бар для слуг, где убийцы Крины превратят тело Клео в сплошную карту боли, а она будет просить еще и еще, потому что Мэтокс внушил ей это.

Сейчас она и сама не могла с уверенностью сказать, помнит ли ту ночь. Осталось лишь что-то мистическое. Боль и желание. Желание и боль. Он отыскал в ее воспоминаниях все самое темное, самое мрачное, и вытащил наружу. Он — ее муж, отец ее детей. Даже их первая близость была чем-то нереальным, противоестественным. Он взял ее в образе юношеской извращенной фантазии, в которой она никому не признавалась. Взял для того, чтобы подчинить ее, заставить служить своей безумной мести. И после, когда Эмилиан помог им пленить Гэврила...

Нет, Клео не могла видеть в Мэтоксе обычновенного мужчину. Возможно, его любовница Крина могла, но не Клео. Для нее он всегда оставался воплощением зла. Она боялась его. Особенно вначале. Хотела сбежать. Встретила мужчину в порту. Он обещал, что заберет ее, поможет скрыться. Но их близость превратила его в уродца. Вирус, которым Мэтокс заразил Клео, превратил ее случайного любовника в уродца. Тогда Клео не знала, любила ли она того мужчину, не знала, любила она вообще хоть когда-то, но вот в ненависти своей она не сомневалась.

— Сложно жить в мире, который не знает того, что знаешь ты, верно? — спросил Мэтокс, когда она пыталась закатить ему скандал. — Но у тебя будет время, чтобы привыкнуть. У нас будет время. — Он говорил так, словно и не было у Клео интрижки в порту, не было человека, который превратился из-за нее в уродца и отправился в резервацию. — Мы другие, Клео. Пойми.

Потом они спустились в подвал и пили кровь Гэврила, которая помогала забыться лучше любого вина. Кровь иекс.

— Почему ты не отпустишь меня? — шептала Клео.

— Почему ты не признаешь, что не хочешь уходить? — спрашивал Мэтокс.

Он был хорошим любовником, словно сама природа создала его для этого. С ним не нужна была любовь. Достаточно тела, которое жаждет ласки, наслаждения. А в совокупности с кровью Гэврила это становилось идеальным коктейлем. Даже после того, как появились дети, и Клео всерьез стала задумываться о кольпоперинеографии. Даже после того, как появилась Фэй.

Девушка была особенной, такой же, как Мэтокс. Их тянуло друг к другу. И Клео знала, сколько бы детей она ни родила Мэтоксу, это все равно не сделает ее особенной, не сделает ее в глазах Мэтокса такой, как Фэй... Правда, потом Фэй всегда уезжала. Оставались дети, Мэтокс, кровь Гэврила. Но дети росли, и Клео понимала, что они будут такими же, как Мэтокс и Фэй. Такими же, как все те особенные люди, которых привозит Фэй в их дом. Открытые книги, единый сплав.

Они читали мысли друг друга, изучали воспоминания. Невозможно что-то утаить, скрыть. Тысячи ненужных слов, которые тратятся на разговоры, проносятся за одно мгновение перед глазами, словно принадлежат не человеку напротив, а тебе самому... И Фэй... Нет, Клео никогда не злилась на нее за связь с Мэтоксом. Она скорее злилась на себя за то, что не может стать такой, как Фэй. Все остальное можно скрыть. Скрыть от себя — от таких как Мэтокс скрывать что-либо было невозможно, потому что они всегда могли прочитать ее мысли, увидеть все, о чем она думает, каждый секрет, каждую тайну...

— Нет, не могу просто так сидеть и ждать, пока Ясмин там, на улице, — сказала Клео, налила себе выпить, но кровь Гэврила давно уже не позволяла пьянеть. А так хотелось забыться, расслабиться. Особенно сейчас, когда тени сжимали большой, холодный дом, где прожито так много.

И вот сейчас, словно кульминация всей жизни, появилась кровожадная тварь, которая убивает соседей, желая набраться сил и прийти за Мэтоксами, за их гостями. И еще это чертово бренди, которое почти не пьянит. Сначала перестало пьянять пиво, затем мартини. Последний раз Клео удалось напиться, когда Фэй привозила в этот дом Джессику Грандье, которая стояла сейчас у окна и, взглядываясь в ночь, что-то говорила Эндрю Мэтоксу о том, что Ясмин сидит в машине Макса Бонера. Но их мысли недоступны. Тени блокируют доступ к миру извне. Остается только этот чертов дом. И бренди. Клео налила себе еще, выпила, снова налила. Сейчас ей казалось, что напиться — это единственное оставшееся у нее желание. Напиться и послать все к черту. А Джессика стоит у окна и продолжает что-то говорить о ее дочери. Пить, пить, пить... Еще больше, больше, больше...

— Может, заткнешься, а? — зашипела Клео на Джессику, устав от ее монотонного голоса. Ох уж эти особенные сверхлюди... Как же они ее достали за все эти годы, когда, собираясь за столом, они принимали ее только из жалости. Все, включая собственных детей.

Она одна в этом недружелюбном мире. Одна, как в те ночи, когда приезжала Фэй. Кровать большая, но холодная. Сна нет. Фэй и Мэтокс в комнате для гостей. Первый, второй или третий муж Фэй в своей комнате. Они не чувствуют ревности, не чувствуют себя вторым сортом. Они знают друг о друге все. Для них эти ночи это что-то обыденное. И хочет-ся поддаться их уговорам, примириться с новой жизнью, с собой. Но по-

том появляется Джессика Грандье, и Клео понимает, что не собирается делить своего мужа еще с одной женщиной. Она, Клео, не сверхчеловек, так почему же ей нужно жить по их извращенным законам? Почему она должна мириться? Нет, ревности она не чувствует, только унижение. Хватит с нее этих особенных людей, которые считают ее кем-то низшим и говорят так снисходительно, словно она... ребенок, животное.

— Тени уйдут с первыми лучами солнца, — говорит матери Шэдди Мэтокс. Говорит сейчас, в настоящем, видя все ее мысли, устремленные в прошлое, зная обо всех ее чувствах. — Нужно лишь дождаться утра. Я видел это в воспоминаниях отца.

— Видел? — Клео смотрит ему в глаза.

Это ее сын, ее ребенок. Она должна любить его, но... Есть ли в нем хоть что-то от нее? А Ясмин? Ох, уж эта странная Ясмин, которая всегда задает столько неуместных вопросов. О вендари, об отце, о гостях. И никакая кровь древнего не поможет скрыть от нее свои мысли. Она увидит все. Она заставит стыдиться, краснеть, злиться. Но она никогда не позволит заглянуть в свои мысли. Даже своему отцу. Особенно в последние годы. Лишь покажет то, что хочет показать и все...

— Ты уверен, что нам не стоит попытаться сбежать? — спрашивает Ясмин Макса Бонера. Спрашивает сейчас. Они сидят в его машине и смотрят на окруженный тенями дом.

— Ты видела, что случилось с одним из ваших гостей, который хотел сбежать?

— Может быть, ты и прав. — Ясмин закрывает глаза, пытается отыскать сознание монстра, которого привез в их город Макс.

Илир чувствует ее мысли, чувствует, как они вторгаются в его разум, но он слишком занят своим голодом, чтобы обращать на это внимание.

— Как вышло так, что эта тварь не убила тебя? — спрашивает Ясмин Макса.

— Когда я только его встретил, он был другим.

— Другим?

— Он боролся с голодом.

— Почему же не борется сейчас?

— Что-то изменилось.

— Что, черт возьми, могло измениться?

— Не знаю. Кажется, он что-то увидел, когда подошел к той женщине на крыльце.

— Что он мог увидеть?

— Может быть, ему не понравилось, как вы обращаетесь с древним?

— Причем тут древний? Эти твари ненавидят таких, как Гэврил. — Ясмин вздрогнула, заглянув в мысли Илира чуть глубже, в его воспоминания. Так много ненависти. Так много голода. Так много крови. И та-

кое сильное желание жить. Жить среди криков боли и страданий. Жить, неся смерть подобным себе.

Ясмин видела, как появляются на свет дети Наследия, видела гнезда их безумных братьев. Братьев, на которых они охотятся.

— Древние не такие, как Наследие, не такие, как Илир, — сказала Ясмин не столько Максу, сколько самой себе. — Их создала природа. Как хищников. Понимаешь? Они не виноваты, что они такие. А Наследие... Наследия не должно быть на этой планете. — Она заглянула Максу в глаза, в мысли, воспоминания.

Ясмин не знала, нравится ей то, что она там видит или нет, особенно отношения Макса с Мэйдд Нойдеккер, но она не ревновала, не злилась на него. Наверное, для того, чтобы ревновать, нужно любить. Любить долго, чтобы начать считать, что человек принадлежит тебе. А она никогда его не любила. Никого не любила. Как ее мать никогда не любила отца. Как отец никогда не любил мать. И дело было вовсе не в том, что они никогда не пытались хранить друг другу верность. Нет. Особенным людям сложно подчиняться правилам обыденных отношений, тем более когда в организме так много крови вендари, а за плечами столько прожитых лет. Но... но между родителями не было чувств и прежде, вначале.

— Когда мы познакомились, твой отец любил другую женщину, — сказала как-то Клео дочери. — А я... Я наверно никого не любила.

Ясмин знала, что это правда, видела это в воспоминаниях своей матери. Как видела все то, что происходило в доме, когда Фэй только начала приезжать к ним. Все те люди, которых она привозила. Особенные люди. Они пили кровь Гэврила, мучили его, издевались над ним, словно он был растением.

Иногда, когда никто не следил за ней, маленькая Ясмин спускалась в подвал и часами смотрела на плененного вендари. Чувств не было, но в подвале мысли родителей и гостей были не так слышны. В подвале было тихо и спокойно. А наверху... То, что происходило наверху, не нравилось Ясмин. Даже после того, как физическая близость утратила свою власть над их телами. Даже после того, как они стали соединяться телепатически, строить свои миры, сливаясь в них воедино.

Ясмин помнила тот день, когда ее мать впервые присоединилась к этим фантазиям. Присоединилась не сразу. Сначала не могла, потому что не было врожденных способностей, как у ее мужа, у ее детей и гостей, затем, когда кровь Гэврила дала ей сил, не хотела, сопротивляясь, все еще тоскуя по обыденности потерянной жизни простого человека, которая осталась далеко позади. Ясмин видела и эти воспоминания. Видела и не понимала, почему мать скучает по ним. Почему вспоминает всех тех мужчин, которые бросили ее? А ведь она так старалась удержать их. Делала для них так много. Но все они уходили. Ясмин видела, что

Клео злится на них, обижается и по сей день, но когда у нее появилась возможность присоединиться к телепатической связи мужа и его друзей, она отказалась, сославшись на эти воспоминания, вцепившись в них.

Ясмин видела тот мир, который ее отец построил для Клео. Видела, несмотря на то, что отец тщательно прятал этот мир от нее, прятал от ее брата. Мир, где любовь и секс, которыми всегда был пропитан этот дом, переходили на новый уровень. И когда Ясмин услышала отказ матери присоединиться к этому миру, она не поняла ее. Неужели этот иллюзорный мир был хуже того, чем они занимались все эти годы в реальности? Но Клео отказалась. Вскочила из-за стола, убежала в свою комнату.

— Я поговорю с ней, — предложила Фэй.

— Думаю, будет лучше, если это сделаю я, — сказал Нусбаум — мужчина, которого Фэй привезла в этот дом впервые. — Меня, кажется, она ненавидит меньше, чем остальных.

Он улыбнулся и подмигнул Ноэли Свон — девушке, с которой жил первый муж Фэй. Ясмин слышала его шаги. Слышала, как он поднимается по лестнице, идет по коридору, стучит в дверь спальни, где закрылась Клео.

— Мы особенные, мы должны держаться вместе, — говорит он.

— Это вы особенные, а я самая обыкновенная! — кричит Клео через дверь.

— Кровь Гэврила сделала тебя особенной.

— Не надо меня успокаивать!

— Я пришел сюда не для того, чтобы успокаивать тебя, — говорит Нусбаум.

— Вот как? — спрашивает Клео уже спокойно.

Ясмин слышит, как мать открывает ему дверь, чувствует искрящуюся между ними россыпь чувств, эмоций. Но эти чувства какие-то странные, неестественные, словно вода, которой невозможно напиться. Ясмин выглядывает из своей комнаты. Дверь в родительскую спальню открыта, и она видит, как Нусбаум целует мать. Его руки скользят по ее телу, пробираются под юбку. Она гладит его промежность. Он кусает ее губы, впивается в них, словно голодный древний вендари, жаждущий крови.

— Повернись, — говорит он и, не дожидаясь ответа, прижимает Клео грудью к стене, собирает у пояса подол ее юбки. Ясмин видит бледно-розовое нижнее белье матери.

— Подожди, — шепчет Клео.

— О, не волнуйся, я знаю все о твоих недостатках. Знаю, как ты обычно делаешь это.

— Не думаю, что я сейчас готова.

— Я буду осторожен. Не переживай.

— Дело не в тебе.

— Тогда в чем? — Нусбаум неловко пытается расстегнуть свой ремень. Клео говорит, что ей нужно в туалет. — Ты уверена?

— Нет, но мы ведь не хотим сюрпризов.

— Наверно, нет. — Нусбаум отпускает ее. Клео закрываетя в ванной комнате, выбирается из дома через окно. — Вот чокнутая! — бормочет беззлобно Нусбаум, оборачивается, видит Ясмин и улыбается ей.

Она смотрит ему в глаза несколько долгих секунд, затем бежит прочь, в подвал, к тишине и покою. Подальше от мыслей.

— Она вернется, — говорит Гэврил, пробираясь ей в голову своими мыслями.

— Кто вернется? — спрашивает Ясмин. Гэврил слаб, и она может блокировать его мысли, но ей нужен кто-то, с кем можно поговорить.

— Твоя мать, — говорит Вендари голосом в ее голове. — Ей некуда больше идти. Она поселится в отеле или у друзей, поживет там пару недель и вернется.

Вендари оказался прав. Клео вернулась и присоединилась к телепатическим феериям мужа и его друзей. Позже к этим ночным посиделкам пристрастился и Шэдди — брат Ясмин. Какое-то время она пыталась держаться рядом с братом, затем решила, что это не для нее, отказалась, вышла из этого замкнутого круга. Отец не одобрил решения, но и возражать не стал. Ясмин осталась одна. Она и Гэврил, который умел слушать и был хорошим, немного ироничным аналитиком. Ни с кем другим он больше не разговаривал. Только с Ясмин.

— Почему я? — спрашивала иногда она. — Почему ты выбрал меня?

— А почему ты выбрала меня?

— Я выбирала подвал и тишину.

— В отличие от тебя у меня не было и этого выбора. — Потом Гэврил говорил, что если ее отец узнает об их дружбе, то скорее всего избавится от одного из них.

— Это не дружба. Я все еще не доверяю тебе. — Ясмин смолкла и могла часами смотреть на ремни, которые сдерживали Гэврила, на стальную дверь в его келью.

Когда Мэтокс приходил, чтобы накормить его донорской кровью, купленной в порту, или чтобы взять кровь Гэврила для своихочных феерий, Ясмин предпочитала находиться подальше от этого места, уходила из дома. «Это неправильно, — думала она. — Мы не должны так жить».

— Так почему бы в этом случае тебе не отпустить меня? — спрашивал ее Гэврил.

— Потому что я боюсь тебя.

— Но разве ты не жалеешь меня?

— Думаю, ты убьешь всех нас, если я отпущу тебя. Убьешь за то, что сделал с тобой мой отец.

— Тебя я не убью.

— Но он все еще мой отец. Как бы там ни было, я люблю его.

— Ты бы могла любить меня.

— Не надейся. Я никогда не стану твоим слугой...

После подобных разговоров они не общались месяцами. Ясмин не заходила в подвал до тех пор, пока в дом не приезжали гости, от которых ее начинало тошнить. Особенно от ихочных посиделок. Но когда в подвале ждал ее недружелюбный Гэврил, ненависть которого была так сильна, что и во сне Ясмин чувствовала ее, оставалась лишь улица, на которой Ясмин могла представить себе, что она самая обыкновенная, завести пару друзей, парня.

Но с ними все было так же сложно, как и с гостями родителей. Всеказалось глупым, примитивным. Особенно наивные мечты и надежды. Особенно воспоминания о детстве. Ясмин видела их, изучала и вдруг понимала, что завидует их глупому детству, которого у нее никогда не было. Сейчас ей казалось, что она никогда и не была ребенком. По крайней мере, у нее никогда не было детского неведения, детской доверчивости. Она видела этот мир всегда чуть иначе. Она, ее брат, ее отец. Даже мать, после длительного употребления крови Гэврила. И неважно, хотела этого Ясмин или нет. Это просто было. Хотел ли Гэврил быть тем, кем он был? Просто так решила природа. Но вот превратить его в сосуд для крови решили люди и генетическая ошибка по имени Эмилиан, которого видела в воспоминаниях отца Ясмин. Она и Гэврил. Они оба были заложниками этой семьи.

Иногда Ясмин снилось, как Гэврил вырывается из своих пут. Он идет по дому и несет смерть. Ясмин ждет его в своей комнате. Он отрывает ей голову и бросает вниз по лестнице. Ясмин еще жива. Она катится, перескакивая через ступени, потом замирает внизу, может лишь смотреть. Не двигаться, не дышать, не говорить. Когда она просыпалась, ей казалось, что рано или поздно эти сны станут явью. Невозможно пленить древнего. Он найдет лазейку. И тогда смерть наполнит этот дом. Ясмин бежала от этих мыслей, бежала из дома. Но на улицах было не лучше.

Вместо детской наивности, вместо детского неведения, она видела то, что находилось за ширмой сверхлюдей, которые собирались в ее родном доме. Конечно, в последние годы их игры вышли на новый уровень. Они стали чем-то божественным, воздушным. Но вначале все было намного проще — плоть и моральный распад. В воспоминаниях Гэврила Ясмин видела, как нечто подобное происходит со слугами вендари. Год за годом, сохраняя свежесть тела, они стареют изнутри, выгнивают, разлагаются. «Хорошо еще, моя семья никого не убивает», — думала Ясмин, но и того, что она видела в их жизни, особенно когда была ребенком, хватало на то, чтобы испытывать трудности в общении с одногодками,

которые вырастут, состарятся и умрут, в то время как она будет жить вечно. Чтобы решить эту проблему, Ясмин перестала пить кровь вендари.

— Больше ни капли, — сказала она Гэврилу, спустившись в подвал.

Он долго смотрел ей в глаза, затем неожиданно рассмеялся. Ясмин вздрогнула, отступила на шаг назад. Ей показалось, что именно сейчас наступил тот день, когда Гэврил вырвется из пут и принесет свою праведную месть в этот дом. Смех вендари неожиданно стих. Гэврил закрыл глаза. Больше часа Ясмин смотрела на него, но он притворился, что спит. Притворился так же, как делал это, когда к нему приходил отец Ясмин, ее мать или брат.

— Я приду завтра, — пообещала ему Ясмин, но и на следующий день Гэврил не обратил на нее внимания. И через неделю, и через месяц. Дружба кончилась, прервалась. Древний и мудрый. Единственный друг. Он оставил ее, предал, бросил...

Пытаясь избавиться от пустоты потери, Ясмин завела несколько новых друзей. Первый парень, с которым она начала встречаться, был таким скучным и необразованным, что ей пришлось бросить его через пару дней. Второй был лучше, но его бурные подростковые фантазии не вызывали ничего, кроме отвращения. И еще эти сны, в которых Гэврил высвобождался из своих оков и нес смерть. Древний, разгневанный Гэврил. Несколько раз Ясмин спускалась в подвал и пыталась снова подружиться с ним, но он игнорировал ее, притворяясь не то мертвым, не то спящим.

— Я не такая, как мои родители, — говорила ему Ясмин. — В отличие от них мне не нужна твоя кровь. Я не хочу у тебя ничего брать. Наоборот. Я могу кое-что предложить тебе. Свою дружбу. Свое понимание...

Но глаза вендари оставались закрытыми. Лишь сны становились более детальными. Сны о смерти. Сны, в которых Ясмин иногда видела себя на месте Гэврила. Ее держали связанный долгие годы и выкачивали кровь. Все больше и больше крови. Ясмин видела, как мать, отец или брат из ее другой, оставшейся где-то за пределами сна жизни, приходят в подвал. В их мыслях ничего нет, кроме желания получить ее кровь. И так шестнадцать долгих лет. Нет, Ясмин не собиралась прощать. Она ненавидела их. И чтобы не сойти с ума, можно было лишь лежать, скованной ремнями, и строить планы мести.

— Мы должны отпустить Гэврила, — сказала Ясмин своей матери, как только проснулась. — Мы не имеем права так поступать с ним.

— Он убивал людей. Тысячи лет. Ты забыла? — спросила Клео.

— Но мы не он.

— Перестань бунтовать. Ты слишком умна для этого.

— Я не бунтую!

— Значит, у тебя просто переходный возраст. Заведи парня, и все пройдет.

— Не хочу парня.

— Ну, тогда заведи себе девушку, если так... Не очень, конечно, хорошо, но...

Она еще что-то говорила, но Ясмин уже бежала прочь. Ее как всегда не слушали. Даже мать, которая никогда не видела ее мысли. Отцу и брату Ясмин никогда не позволяла заглядывать себе в голову. Но если бы они и видели то, о чем она думает, все равно бы ничего не поняли. Она одна в этом мире. От отчаяния хотелось кричать так сильно, что Ясмин начала задыхаться...

На улице было холодно, и Ясмин не придумала ничего лучше, как пойти к своему парню, с которым планировала порвать. Она не хотела ему ничего говорить, но слова не могли больше оставаться в ней. Речь Ясмин была сбивчивой, и ее парень мало что понял, но она успокоилась, подумала, что мать отчасти была права. Может быть, действитель-но виной всему гормоны...

В эту ночь Ясмин не пришла домой. Никто не спросил ее о том, где она была. Волнение отсутствовало, как и чувство перемен. Все осталось прежним. Лишь пару дней спустя мать намекнула на проведенную вне дома ночь и на то, что было бы неплохо познакомиться с мальчиком Ясмин.

— Я с ним уже рассталась, — сказала Ясмин.

— Вот как? — Клео задумалась лишь на мгновение, затем улыбнулась. — Что ж, думаю, ни я, ни твой отец никогда не были святыми, особенно в детстве.

— Я знаю. Я видела это в ваших воспоминаниях. Но знаешь, что? В детстве вы были намного лучше, чем сейчас.

— Что это значит?

— Ничего, наверное, не значит. Для таких, какими вы стали сейчас, не значит. — Ясмин заставила себя замолчать, чтобы не наговорить лишнего, но спичка уже была брошена, и костер вспыхнул, на котором, словно еретик в средневековье, горел весь этот дом и все, кто жили в нем, кто приезжал.

Ясмин закрылась в своей комнате и не выходила до позднего вечера, затем спустилась на ужин, притворилась, что ничего не случилось. Родители тоже притворились. И брат. А неделю спустя приехала Фэй в компании прогнивших сверхлюдей, и отец отправился в подвал, чтобы выкачать из пленника крови для ночной Дионисийской мистерии.

— Ненавижу их, — сказала Ясмин, спустившись в подвал к Гэврилу. — Ненавижу их за то, что они делают с тобой и за то, что хотят сделать меня такой же.

Гэврил не ответил. Как и всегда, не ответил. Лежал, притворяясь не то спящим, не то мертвым.

— Я знаю, что ты меня слышишь, — сказала Ясмин, открывая тяжелую железную дверь в его камеру. — Поверь, мне все это не нравится, и я бы давно отпустила тебя, если бы знала, что ты просто уйдешь. Но ты ведь не уйдешь, верно? Ты не доверяешь нам. Не доверяешь мне, считаешь меня таким же монстром, как мои родители... — Она подошла к кровати Гэврила и прикоснулась к его руке. — Мы оба с тобой родились особенными. И этот дом, эта семья... она держит нас здесь пленниками. Они забирают у тебя кровь, а у меня детство. — Ясмин не знала почему, но ей хотелось рассказать Гэврилу о парне, с которым провела ночь. — Я знаю, что когда-то у таких, как ты, тоже были женщины. Вайорель показывал это моему отцу. Надеюсь, ты еще помнишь, что такое близость... Мне не понравилось. Все слишком плотское, слишком грязное. Думаю, этот дом уже отравил меня своими фантазиями и воздушными мирами, которые строят родители и гости. Это уже у меня в крови. Уже у меня в сознании. И я не знаю, как избавиться от этого. Мне это не нравится. Я вижу мысли своих друзей, и в них все как-то проще. В них не нужна кровь вендари, чтобы жить. — Ясмин закусила губу, ожидая ответа, но глаза Гэврила остались закрытыми.

Она обиделась, ушла, начала встречаться с новым парнем, но после того, как мать увидела их вместе и одобрила ее выбор, дала ему отставку. Еще одни отношения прекратились из-за Фэй, которая приехала к ним в гости с двумя мужчинами, и парень Ясмин, узнав, что Фэй живет сразу с двумя, не мог больше думать ни о чем другом. Его фантазии были такими громоздкими, что Ясмин могло бы вырвать, если бы ей не было так смешно от этой нелепости.

«Хватит с меня этих молодых извращенцев», — решила она и долго приглядывалась к зреющим соседям, изучала их мысли. Но то, что было там, ей тоже не нравилось. Вернее, не нравилось той части внутри нее, которую воспитали родители, которая принадлежала им, принадлежала этому дому, этому безумному миру. Ясмин начало казаться, что именно эта часть пила прежде кровь Гэврила. Часть, которую она уже убила в себе.

Несколько раз она заглядывала в мысли отца, чтобы изучить историю вендари, которую показал ему когда-то давно Вайорель. Но то, что она там видела, ей тоже не нравилось. Особенно близость между вендари, которая напоминала ей брачные игры богомолов. Может быть, самцы вендари были правы, избавившись от своих самок? Или же просто для того, чтобы понять их вид, нужно забыть о виде собственном, откаться от своей жизни, своей истории, своих чувств? Ведь все простые люди тоже никогда не поймут таких, как она, как ее родители и друзья. Как-то раз Ясмин пыталась заговорить об этом с Фэй, но разговор не получился. Они словно говорили на разных языках, уж чувствовали и верили точно в разные вещи...

Последним разочарованием Ясмин оказался Макс Бонер. Хотя, наверное, она разочаровалась не в нем. Она разочаровалась в себе и в своих чувствах. Вернее, в отсутствии чувств.

— Глупо, наверно, было надеяться на что-то другое, — сказала она Гэврилу, навестив его впервые за последний год после того, как Макс бросил ее, сбежал с другой. Никого не осталось. Только вендари. Только старый друг, который никогда не будет считать ее своим другом. Она смотрела на его путь, и он напоминал ей саму себя — такую же плененную в этом доме и беспомощную. Надеяться не на что. Верить не во что.

Ясмин расплакалась и попыталась ослабить ремни, впившиеся в плоть Гэврила. Сломала все ногти, расплакалась сильнее, ушла, затем долго лежала в кровати и думала, что чуть не сделала роковую ошибку, чуть не открыла этот дьявольский ящик Пандоры.

Ночью ей приснилась голодная волчья стая, в которую превратилась ее семья. Вокруг была степь. В небе ядовито-желтая луна. Волки выли на луну и пожирали тело своего раненого сородича — еще одного волка, которым был Гэврил. Ясмин тоже была волком. Она поняла это, когда попыталась сбежать от окружавшего безумия. Мчалась, как ветер, по степи и ничто не могло остановить ее. Мчалась, пока не встретила еще одного волка. Такого же одинокого, такого же молодого. Она проснулась на рассвете, но еще долго не могла забыть желтых глаз волка.

— Это ты послал мне этот сон? — спросила она, спустившись к Гэврилу в подвал.

Он, как и прежде, не ответил, но она забралась в его мысли, желая выяснить правду. Нет. Сон не принадлежал ему.

— Так это, значит, я сама... — растерялась Ясмин. Она попятилась к двери, прижалась спиной к холодной стали, замерла.

— Когда-то давно одна из моих слуг была знакома с писателем, — сказал Гэврил. Голос был таким неожиданным, что Ясмин вздрогнула. — Так вот этот писатель говорил, что в каждом из нас живет волк. Только мы молчим и не признаемся в этом. Он сказал это после того, как моя слуга рассказала ему о том, кто она, и что она устала и хочет умереть. Конечно, он не поверил ни единому слову, счел это метафорой, психическим расстройством, но несмотря на это, я думаю, суть он ухватил верно.

— И что стало с той слугой? — спросила Ясмин, собравшись с духом. — Писатель помог ей?

— Нет.

— Я так и подумала.

Ясмин выбежала из подвала, но куда бежать дальше, она не знала. Не с кем было поговорить. Лишь только чокнутая Фэй со своими эфемерными вакхическими посиделками. Как же Ясмин ненавидела их. Ненавидела их всех. Но что самое плохое, эта ненависть трансформи-

ровалась в ней в ненависть к самой себе. Проблема была в том, что она любила всех этих людей. Она не знала, как жить без них. Боялась за них. Чувствовала это и потому злилась сильнее, ненавидела себя еще больше. Выходило, что Гэврил прав. Волк живет в каждом из нас. Дикий степной волк. Но волк может быть одинокой. И если ему не под силу сбежать от своей сущности, то от стаи он волен уйти, раствориться в бескрайней степи. Как это делали вендари. Разбросанные по миру, разрозненные. Ясмин видела это в мыслях Гэврила.

— Ты такой же одиночка, как и я, — говорила она Гэврилу. — Такой же одиночка...

Ясмин не знала, почему решила спуститься в подвал с отцом, когда ему потребовалась новая порция крови вендари. Игла проткнула бледную кожу Гэврила. Поршень пополз вверх, заполняя шприц кровью. Вот он, наркотик для сверхлюдей. Вот их зависимость. И вот источник — лежит прикованный к кровати ремнями за железной дверью, лишенный сил. Его кормят лишь изредка. С ним никогда не разговаривают. Нужна лишь его кровь. И этот шприц в руках отца... Ясмин казалось, что он выкачивает кровь не только из тела Гэврила. Он выкачивает жизнь из всего мира. Даже из своей дочери. И все в угоду эфемерным ночным вакханалиям. Словно ничего другого и нет. Но у нее, у Ясмин, нет и этого. Она не любит это. Не хочет этого.

И кровь, которая заполняет шприц в руках отца, кажется, заполняет весь мир. Кажется, что эта кровь течет не из вен Гэврила, а из ее собственных вен. Это ее кровь пьют родители и гости. Это ее кровь отправляет их в мир грез, где нет запретов. Хотя вряд ли у них были запреты и прежде, когда игры были лишь жаром плоти. Может быть, лишь вначале. У матери. Но Ясмин уже не помнила об этом. О прошлом в памяти осталась лишь Фэй и сверхлюди, которых она привозила в этот дом. Да еще, возможно, большая родительская кровать и комната для гостей, где вспыхивали и гасли костры безумия, на которых горела Ясмин. Снова и снова. Сейчас уже ничего не осталось. Только кровь Гэврила в шприце для очередной ночной утешки. Эти ночи убили ее, сожгли.

— С тобой все в порядке? — спросил отец, проходя мимо Ясмин. Она не ответила. Взгляд ее был прикован к шприцу в его руках. Казалось, еще мгновение, и он воткнет иглу ей в грудь, прямо в сердце, и начнет выкачивать кровь из нее. Всю кровь, что еще осталась.

Отец улыбнулся и начал подниматься по скрипучей лестнице. Ясмин подумала, что скоро без крови древних она состарится и будет выглядеть старше отца, старше матери. Седая и одинокая. Непонятая, забытая, брошенная...

Где-то далеко хлопнула дверь, закрывшись за отцом. Тишина. Шум мира отступает. Голосов нет. Нет и чужих мыслей. Лишь редкий стук пада-

ющих капель в этом сыром подвале. И, кажется, что время остановилось, застыло. Еще чуть-чуть, и можно будет увидеть, как разрастается ржавчина на железной двери в камеру узника. Но узником был не только Гэврил. Узником было и детство Ясмин. Оно кануло в небытие в этом доме, за этой железной дверью. Ее детство, девичество, вся ее жизнь. И нет шанса освободиться. Она такой же беспомощный пленник, как Гэврил. Как узник этой дьявольской семьи сверхлюдей, которую она вынуждена любить и ненавидеть одновременно, потому что никого другого у нее нет, ничего другого у нее нет. И никто не сможет это изменить. Никто не сможет вернуть утраченное. Как в случае с Гэврилом, кровь которого растворилась в желудках и венах. Ее не извлечь, не собрать и не вернуть назад.

Ясмин открыла железную дверь и вошла в камеру узника.

— Хочешь извиниться за то, что пила мою кровь? — спросил Гэврил.

— Хочу доказать тебе, что я, в отличие от моих родителей, могу не только братить.

— Боюсь, у тебя нет ничего, что ты могла бы мне дать. Даже твоя кровь заражена кровью древних.

— Я говорю не о своей крови. — Ясмин позволила ему увидеть свои мысли...

Их близость продлилась не больше пары минут. Близость узника, чье тело было стянуто крепкими ремнями, и девушки, которая считала, что такие же ремни фиксируют ее мысли, ее чувства. Оковы, которые надели на них ее родители, сверхлюди...

— Презираешь меня? — спросила Ясмин Макса Бонера. Она не желала тратиться на слова и просто показывала ему свои воспоминания, не особенно заботясь о том, чтобы заблокировать свои чувства того дня. Свои ощущения. Потому что не было чувств. Почти не было. Даже когда она узнала, что беременна от Гэврила. Ничего.

— Не проще ли было просто отпустить его? — тихо спросил Макс.

— Отпустить? После того, что с ним сделала моя семья?

— Тогда зачем ты...

— Я не знаю.

— Но может после этого... Может, он сможет...

— Простить? — На губах Ясмин появилась улыбка. — Он ненавидит нас, Макс. Ненавидит всех. Включая меня.

— Почему ты так решила?

— Потому что каждый раз, когда я приходила к нему, как женщина... Он хотел лишь одного — причинить мне боль. Сильную боль. И это было меньшее из того, о чем он мечтал.

Они замолчали, увидев, как вдалеке дорогу перебегает обезумивший Илир, устремляясь к новому дому, к новым жертвам. Его залитое кровью тело искрилось метаморфозами.

— Он похож на смерть, — тихо сказал Макс.

— Это и есть смерть, — сказала Ясмин. — Я видела его мысли. Там только безумие. Не месть. А безумие и голод.

— Он просто хотел увидеть таких, как ты и твоя семья. Таких, как ваши друзья.

— И таких, как Мэйдд?

— Да. И таких, как Мэйдд. — Макс заглянул Ясмин в глаза. — Ты ведь знаешь, зачем я приехал сюда? Видишь это в моих мыслях?

— И не только это.

— И что ты скажешь?

— О чем?

— Ты поможешь мне достать кровь древнего?

— Для Мэйдд?

— Да.

— И ты думаешь, что все еще сможешь пережить эту ночь?

— Я не знаю.

— Тварь, которую ты привез, хочет набраться сил и убить всех, кто собрался в доме моих родителей. Он что-то увидел в мыслях Фэй, в наших мыслях, и ему это не понравилось больше, чем присутствие вендори в нашем подвале.

— Может быть, он увидел тебя? Увидел, что ты ждешь от древнего ребенка?

— Думаю, дело не во мне. Не только во мне, а в каждой женщине нашего вида. — Ясмин услышала еще один предсмертный крик одного из соседей и, разозлившись, ударила Макса в плечо. — Это ты виноват! Ты привез смерть в наш город! Ты! — Она вдруг стихла, успокоилась.

Окрутившие дом ее родителей тени сгустились, собирались, оставив окна и стены, и начали медленно отступать. Они струились по земле, ползли к своему хозяину.

— Они что, уходят? — растерянно спросил Макс.

— Нет, но, кажется, их хозяин наелся. — Ясмин заглянула в мысли Илира, в которых она видела смерть. Свою смерть. Смерть всех своих близких. Смерть друзей.

Внезапно мысли Илира ворвались в ее сознание. Она пыталась их остановить, но не могла. Они пробирались так глубоко, как хотели, изучали все, что им было нужно. Никогда прежде отец и другие сверхлюди не могли проделать подобного. Не мог и Гэврил в минуты их близости. Ясмин зажмурилась, пытаясь выгнать чужака из головы, которая, казалось, превратилась в котел раскаленных углей.

— Господи! — Макс растерянно уставился на хлынувшую из носа Ясмин кровь.

— Мне нужно вернуться в дом, только там отец и его друзья смогут меня защитить, — сказала Ясмин. Она открыла налитые кровью глаза, попыталась выйти из машины. Чужак в голове сильнее сдавил мозг. Ясмин пошатнулась, едва не упала. — Помоги же мне! — заорала она Максу.

Илир вышел из соседского дома и, стоя посреди дороги, смотрел, как его жертвы пытаются спастись, скрыться. Увидев Макса Бонера и свою дочь, Эндрю Мэтокс открыл дверь. Клео ахнула, попыталась приложить к носу Ясмин полотенце, чтобы остановить кровь.

Тени на улице снова устремились к дому, но на этот раз их стало еще больше. До рассвета оставалось чуть меньше часа, но Илир знал, что этого времени ему хватит, чтобы разделаться с этим домом. Никто не сможет ему помешать. Посланные им тени укрыли дом, сдавили, вгрызаясь в доски. Перекрытия затрещали, черепица начала ломаться, зазвенели разбившиеся окна. Входная дверь выгнулась, сопротивляясь несколько долгих секунд, затем треснула, сломалась пополам. Вход был открыт, но за ним не было ничего, кроме тьмы. Такая же тьма была за разбитыми окнами. Казалось, что сама ночь, сам ад восстал против этого дома. Тьма поглощала дом, пульсировала, переливалась. Но у тьмы был хозяин, который хотел забрать своими руками жизни людей, которых он поймал в этом доме.

Чей-то неосторожный разум пробрался к нему в голову и попытался заглянуть ему в мысли. Знакомый разум. Илир уже знал его. Знал до того, как наступил день Великой Кормежки. Это была та самая женщина, которую он встретил в начале этой ночи на пороге дома. Женщина, которая показала ему так много и помогла перешагнуть грань. Илир был благодарен ей за подаренную смелость и ненавидел ее за то, что стал почти таким же, как Дикое Наследие. Ненависть победила.

Женщина пыталась общаться с ним, пыталась умолять отпустить их, но он не хотел слушать. Его мысли проникли в ее голову и сдавили мозг. Внутри дома раздался крик. Фэй упала на колени. Из ушей, носа и глаз у нее текла кровь. Зубы сжались так сильно, что начали крошиться. Время замерло. Замерли и звуки. Никто не двигался. Боль Фэй эхом раздавалась в сознаниях собравшихся в доме людей. Даже Макс слышал в своей голове крик этих страданий. Затем глаза Фэй лопнули, засыпав стены и стоявших рядом людей, а из пустых глазниц хлынула серая слизь, в которую превратился раздавленный мозг. Тело Фэй упало на пол, но конечности продолжали судорожно вздрагивать. В царившей тишине раздался неестественно громкий крик Клео. И снова все стихло. Лишь жалобно трещали балки дома да осыпалась штукатурка.

«Я сплю. Я, наверное, сплю», — думал Макс Бонер, не в силах оторвать взгляд от конвульсивных вздрагиваний мертвого тела женщины, у которой лопнул мозг. «Это сон. Это просто сон». Он почувствовал, как кто-то взял его за руку. Прикосновение было неожиданным, но оне-

мевшее тело осталось неподвижным. Ясмин дождалась, когда он посмотрит на нее, и поманила к двери в подвал. Где-то наверху сломалось перекрытие, не выдержав давления извне. Загремела часть провалившейся в дом крыши. Тени зашептались, чувствуя свою победу.

— Да двигайся же! — цыкнула Ясмин на Макса.

Они начали спускаться в подвал в тот самый момент, когда сгустившаяся темнота за дверным проемом, ведущим на улицу, начала пульсировать, искриться, расступаясь перед хозяином.

Илир приближался к дому Мэтоксов. Шел неспешно, зная, что его жертвы никуда не денутся, не смогут сбежать или спрятаться. Он посыпал это понимание в головы каждого, кто был в доме. Макс тоже чувствовал это. Стоял в подвале перед железной дверью в камеру, где держали Гэврила, и понимал, что в эту ночь он умрет. Он готов был бороться, но... что-то чужое говорило ему о смерти, сводило с ума отчаянием.

Щелкнули замки. Ясмин открыла железную дверь. Макс не хотел входить в эту камеру, но на столе, рядом с кроватью, лежал шприц с кровью Гэврила, который отец Ясмин приготовил на случай, если фантазии в эту ночь зайдут слишком далеко, требуя больше пищи, больше крови. Мысль о том, что эта кровь может спасти Мэйдд Нойдеккер, помогла Максу отеснить отчаяние и страх. Ради этого шприца он и вошел в камеру.

— Хватит притворяться, что спиши! — зашипела на Гэврила Ясмин. Глаза древнего открылись — черные, холодные. — Ты знаешь, что происходит? — спросила Ясмин. Он кивнул. — Мы не сможем справиться с Илиром, верно?

— Верно.

— А ты? Если я отпущу тебя? Ты сможешь противостоять этой твари?

— Зачем мне это делать?

— Затем, что сейчас мы все на одной стороне. — Ясмин выдержала долгий холодный взгляд древнего. Где-то наверху раздался крик Клео, которая увидела на пороге залитого кровью, искрящегося метаморфозами Илира. Тени расступились перед ним, позволив войти в дом. Времени не осталось. Ясмин чувствовала это. Видела в сознании своей матери и своего отца. — Помоги мне отвязать его, — сказала Ясмин Максу.

Он убрал шприц с кровью Гэврила в карман, ослабил ремни. Древний поднялся на ноги, пошатнулся, с трудом удержав равновесие.

— Мне нужна кровь, — сказал он.

— Ты знаешь, где отец хранит ее, — сказала Ясмин.

— Не донорская кровь. Настоящая. Живая. Без вирусов. Без примеси крови вендинги. — Взгляд древнего устремился к Максу.

Сил, которые он хранил, тщательно скрывая все эти годы, хватило на то, чтобы лицо его вспыхнуло метаморфозами. Макс не успел вскрикнуть — Гэврил подчинил его мысли своей воле. Зубы-иглы прокусили шею.

Наверху, в доме, снова раздался крик. На этот раз кричала Джессика Грандье, чувствуя близость своей смерти, близость конца. Кричал человек, который думал, что будет жить вечно. Но смерть пришла за ней. Пришла за всеми, кто считал себя сверхчеловеком. Смерть с лицом Илира.

Джессика метнулась к лестнице на второй этаж, но тени уже проникли в дом через обвалившуюся крышу. Холодные сгустки тьмы. Словно бешеные псы они накинулись на ее ноги, лишая их плоти. Тени струились по ступеням, текли подобно реке, вышедшей из берегов. Джессика снова закричала, схватилась за перила, чтобы не упасть в эти смертельные воды, но ноги уже не держали ее. Она упала на колени, цепляясь еще какое-то время за перила руками, превращаясь в густую черную слизь, но шанса не было.

— Да помогите же ей кто-нибудь! — закричала Ноэли Свон, видя, как Джессика погружается в эту живую реку ночи. — Кто-нибудь...

Ноэли тихо заплакала. Она оплакивала Джессику. Оплакивала Фэй. Оплакивала себя, потому что ей в этом мире осталось совсем немного. Им всем осталось совсем немного.

Внизу, в подвале, Ясмин вскрикнула и схватилась за голову, чувствуя, как мысли Илира пробираются в ее мозг. Он звал ее, заставляя подняться на эшафот, к своему палачу. Женщина, которая способна выносить ребенка древнего, не достойна жить. Мужчина, который может дать жизнь такой женщине, не достоин жить. Ни один сверхчеловек не достоин жить. Гнев Илира был таким сильным, что, казалось, может уничтожить не только этот дом, но и весь мир.

— Пожалуйста, не надо... — взмолилась Ноэли Свон, когда Илир подошел к ней. Нет. Она не просила его о жизни. Она умоляла, чтобы он подарил ей быструю смерть.

Илир положил ей на плечи свои искрящиеся, обезображеные появившимися когтями руки, заставляя опуститься на колени. Ноэли Свон подчинилась, закрыла глаза. Боль вспыхнула, но тут же погасла. Из обезглавленного тела хлынула кровь, заливая стены и людей. Одновременно с этим на смежной с гостиной кухне рухнула стена. Тени поползли в дом, не обращая внимания на вспыхнувший огонь. Черный едкий дым поднялся к потолку.

— Если можешь, то беги отсюда, — услышала Ясмин в своей голове голос отца, затем он проник в голову Илира, заставляя его отпустить дочь. Он знал, что это убьет его, но смерть в эту ночь все равно уже внесла его в свой список. Мозг вспыхнул огнем.

Илир рассмеялся, решив, что Мэтокс пытается бросить ему вызов. Он подчинил его разум, заставил поднять руку к лицу и выдавить себе глаза, погружая пальцы все глубже и глубже в череп, пока они не проткнули мозг. Все это продолжалось не больше минуты, но этого времени хватило Яс-

мин, чтобы не только прийти в чувства, но и разозлиться. Разозлиться на Илира, который убил ее отца и друзей, на мать, которая родила ее от Мэтокса — от сверхчеловека, на Гэврила, который убивал ее последнего друга.

— Пусти его! — зашипела Ясмин на голодного вендари, толкнула его в плечо. Гэврил оскалился, зарычал на нее. — Не смей убивать его! — Ясмин смотрела в его налитые кровью глаза. Она не боялась его. Она уже ничего не боялась. — У меня никого больше нет. Никого! — Ясмин оттолкнула Гэврила в сторону, помогла Максу подняться.

Где-то наверху вспыхнула чья-то предсмертная мысль. Ясмин вздрогнула. Черные, густые тени ожили в темных углах подвала. Но тени эти не принадлежали Илиру. Их хозяином был Гэврил. Тени зашептались, потянулись к стене, вгрызаясь в камень. Голодные и безумные. Этим лохмотьям смерти было все равно, что есть. Лишившись части фундамента, дом вздрогнул. Треснула еще одна стена. Тени не остановились. Покончив с камнем, они взялись за землю, корни деревьев. Гэврил направил их вверх, и они выбрались на улицу. Ночная прохлада хлынула в затхлый подвал.

— Теперь уходи, — сказал Гэврил Ясмин. Она позвала его с собой. — Я спасаю не тебя. Я спасаю то, что в тебе. С тобой мы все еще враги.

Он дождался, когда Макс и Ясмин выберутся из подвала на улицу, и шагнул к лестнице, ведущей в дом. Илир ждал его. Ясмин чувствовала это. Казалось, что сам воздух пульсирует этим ожиданием. Бой еще не начался, но сражение уже велось в эфемерных мирах. Сражение Гэврила и Илира. Сражение их сознаний. Точно так же, только в доме, уже начали сражаться и слуги этих существ — безумные, голодные тени. И в этой войне не было места преследованию. Ясмин чувствовала это, знала.

— Увези меня отсюда, — сказала она Максу. — Увези как можно дальше.

Они сели в его старую машину. Загудел мотор. В какой-то момент Илир почувствовал беглецов, но Гэврил тут же вцепился в его разум, заставляя вернуться в дом. Все это чувствовала и Ясмин. Чувствовала и после того, как они покинули город. Казалось, что этот бой захватит весь мир. Но потом связь ослабла. Разум успокоился. Ясмин задремала, а когда открыла глаза, то было уже позднее утро.

Макс остановился на заправке, купил пару футболок с рекламой какого-то индейского казино. В туалете он умылся и сменил залитую кровью одежду.

— Тебе тоже нужно переодеться, — сказал он Ясмин.

Она смерила его не то растерянным, не то отрешенным взглядом и, кивнув, начала устала выбираться из машины.

Эпилог

В туалете было холодно. Трубы толчками выплевывали из кранов ржавую воду. Запах ржавчины напоминал запах крови. Ничего другого больше не было. Словно весь мир погрузился в пустоту. Только этот туалет и раковина, в которую льется грязная вода. Ясмин умылась, натянула купленную Максом футбольку, долго вглядывалась в зеркало, в свое отражение. Она одна в этом мире. Никого не осталось. Ничего не осталось. Все умерли. Все, кого она любила и ненавидела. Ясмин попыталась вспомнить что-то хорошее. Что-нибудь о своих родителях, друзьях, но вместе с оставшимся где-то далеко разрушенным родным домом, казалось, остались и все хорошие воспоминания. А остальное... Ясмин не хотела думать об этом, не хотела вспоминать. Все в прошлом. Все умерло.

— Что теперь собираешься делать? — спросил Макс, когда она вернулась в машину.

Ясмин пожала плечами, долго молчала, глядя, как за окном тянется унылый канадский пейзаж, затем вспомнила Нью-Йорк, который видела в мыслях Макса в прошлую ночь, театр Саши Вайнера, Клодиу...

— Отвези меня на Бродвей, — попросила она. — Кажется, та старая служа из Портленда говорила, что там можно найти ее хозяина?

— Снова хочешь связаться с древним? — спросил Макс, но удивления не было. За последние дни он устал удивляться. Лишь повернул голову и, отвлекаясь от дороги, заглянул Ясмин в глаза. — Думаешь, Илир все еще жив?

— Таких, как Илир, много.

— Ты можешь спрятаться. Уехать к родным.

— Все мои родные мертвые. — Она отвернулась, посоветовав ему следить за дорогой.

Они не останавливались на отдых, пока не покинули Канаду, потом Макс сказал, что ему нужен сон. Денег на отель не было, поэтому он просто свернулся с дороги. Сон пришел почти сразу. Ясмин долго лежала,

откинувшись на спинку сиденья, слушая сопение Макса, затем уснула сама. Ей приснились Фэй и Ноэли Свон — девушка, с которой жил первый муж Фэй, Сал Киршен. Ей приснились мертвцы, но Ясмин не знала, как сказать им об этом. Две девушки сидели в гостиной и разговаривали о паре мужчин, с которыми жила в тот момент Фэй.

— И как ты с ними спиши? — спрашивает Ноэли Свон. — Не здесь, не сейчас. Когда нет этого дома. Нет крови вендари. Нет миражей. Когда вокруг только плоть и реальность.

— Они умеют делиться, — говорит Фэй. — Не всегда, но умеют.

Ноэли Свон кивает, хмурится, думает о чем-то с минуту.

— Так значит иногда... ты с ними... сразу... — она мнется, поджимает губы.

— Сразу с двумя? — помогает ей Фэй.

— Да.

— Тебя это возбуждает? Хочешь тоже попробовать?

— Я... Я не знаю...

— Знаешь, — улыбается Фэй. — Вижу, что знаешь. Сейчас это в каждой твоей мысли...

Ясмин проснулась и долго пыталась понять, был это просто странный сон или же часть ее воспоминаний, часть оставшейся где-то далеко мертвкой жизни.

— Куда ты поедешь потом? — спросила она Макса, когда они подъезжали к Нью-Йорку.

— Разве ты еще не увидела это в моих мыслях?

— Увидела. Просто хотелось поговорить...

До позднего вечера они петляли по переполненным машинами улицам. Макс хмурился, барабанил нетерпеливо пальцами по рулю, курил сигарету за сигаретой, а когда сигареты кончились, начал злиться и крыть на чем свет стоит каждую машину, которая ехала впереди медленнее, чем ему хотелось. Уже в районе театров, попав в очередную пробку, которая застыла на месте, словно вытекшая из жерла вулкана остывшая магма, Макс протиснулся к обочине, вышел из машины.

— Здесь близко, — сказал он Ясмин.

Она взяла его за руку, боясь потеряться в бурлящей толпе. В удушливом тяжелом воздухе пахло дымом. На дороге, в пробке, застряла пожарная машина, беспомощно мигая синими огнями. Еще несколько пожарных машин щедро поливали водой крышу одного из театров.

— Это театр Саши Вайнера, да? — спросила Ясмин, услышав, как выругался Макс.

Он кивнул. Они протиснулись чуть ближе, слились с толпой зевак. Желто-синие языки пламени вырывались из окон. Из-под крыши клубами валил черный дым. Жертв не было. Ясмин чувствовала это, загля-

дывая в пылающие помещения. Но было в этих чувствах и что-то еще. Кто-то еще. Кто-то живой. Он находился рядом, смотрел на театр. Ясмин огляделась. Чужие мысли в голове стали ярче, вспыхнули и внезапно погасли. Все ушло. Остался лишь пожар да простые люди, которые суетятся вокруг, перешептываются. Или же нет?

Ясмин вздрогнула, почувствовав, как кто-то тронул ее за плечо. Женщина. Саша Вайннер. Несколько долгих секунд она смотрела Ясмин в глаза, затем кивком головы велела следовать за ней. Ясмин позвала Макса.

— Думаю, мне пора, — сказала она.

— Пора? — растерялся он, затем увидел в толпе Сашу Вайннер, выпустил руку Ясмин.

Она ушла, растворившись в толпе. Макс забыл, что у него кончились сигареты, какое-то время пытался отыскать в карманах пачку, затем вернулся к своей машине, долго не мог выбраться с Манхэттена, петляя по раздувшимся от машин улицам. Но раздражения не было. Только пустота да какое-то механическое понимание происходящего.

Покинуть Нью-Йорк. Добраться до Портленда. Спасти Мэйдд, дав ей кровь древнего, которую он забрал из подвала Мэтоксов. А потом...

Макс увидел открытое кафе, свернул с дороги, купил пачку сигарет, выпил чашку крепкого кофе и вернулся в машину...

День только начинался. Еще один странный, долгий день...

КОНЕЦ

ноябрь 2012 — декабрь 2012

Оглавление

Глава первая	2
Глава вторая	21
Глава третья	49
Глава четвертая	80
Глава пятая	136
Глава шестая	168
Глава седьмая	189
Эпилог	210